

КАЛЬВИН, ЖЕНЕВА И РЕФОРМАЦИЯ

Изучение Кальвина как общественного деятеля Реформации, церковнослужителя, пастора и богослова

РОНАЛЬД С. УОЛЛЕС

© Библейская Теологическая Семинария
г. Санкт-Петербург
2005 год

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

Сокращения, используемые в сносках

Глава 1. Паломничество XVI века

Глава 2. Призвание и раннее служение

Часть I: Деятель Реформации и его город

Глава 3. Цель и план

Глава 4. Решающие вопросы в светском окружении

Глава 5. Борьба за «духовное управление»

Глава 6. Слухи, клевета и факты

Глава 7. Экономика в Женеве

Глава 8. Образование и гуманитарные науки в Женеве

Глава 9. По направлению к христианскому обществу

Часть II: Церковнослужитель и пастор

Глава 10. Реформатор и архитектор Церкви

Глава 11. Руководство Церкви

Глава 12. Пастор – исцеление душ

Глава 13. Руководство для христианской жизни

Глава 14. Пасторские наставления и заверения

Часть III: Богослов

Глава 15. Природа и поиск богословия

Глава 16. Богословское учение: Католическое, Реформатское и Открытое – основные темы

Глава 17. Человек и его богословие

Предметный указатель

Указатель имен

Мэри с благодарностью в
день золотой годовщины
нашей свадьбы
1937-1987

ВСТУПЛЕНИЕ

В течение нескольких лет я читал и собирал материал для биографической работы о Кальвине. В конечном счёте, я обнаружил, что для преодоления сложных для понимания подробностей Женеvских дел, необходимых для выполнения такого задания, я был слишком занят приходской работой.

Так как я сам занимался служением, меня интересовало как само служение, которое решил осуществить Кальвин в своей городской церкви (или городе-церкви), так и то, каким образом ему удалось достичь успеха в его исполнении. Поэтому данная книга является оценкой деятельности Кальвина как общественного деятеля Реформации, церковнослужителя и пастора в XVI веке, основанной главным образом на собранных мною материалах. Её нельзя назвать «Жизнью Кальвина». Это, скорее, ряд очерков о его работе и о той мысли и ревностном служении, которые он в неё вложил. Однако внутри этих структурных границ я попытался дать как можно более полную и точную оценку ранней жизни Кальвина, окружающей её обстановки и всех важных событий, связанных с его борьбой и триумфом в Женеве, чтобы читатель имел на руках все необходимые факты без дополнительного в то же время обращения к биографии.

Работу Кальвина (и его подход к ней) можно полностью понять только тогда, когда мы осознаём также то давление Слова Божьего, под которым он находился. Ибо именно познание им Слова и его толкование определило то, к чему он стремился и чего достиг. Поэтому на протяжении всей книги я старался показать, как мышление определяло его цель и линию поведения. В действительности, я обнаружил, что его практика помогла мне обратить внимание на отдельные аспекты его учения в «*Наставлении*», которые я не замечал во время предыдущих изучений его работ. И поскольку основной вклад в Реформатскую Церковь Кальвин сделал в области богословия, мне видится, что для оправдания названия этой работы, я обязан предоставить читателю ясную оценку его учения касательно основных богословских вопросов и доктрин, наиболее тесно связанных с его именем.

Сегодня нам трудно понять позицию Кальвина по некоторым вопросам, а отчасти благодаря определённым аспектам его политики и деятельности возникло мнение, устойчиво циркулирующее среди не полностью информированных или, напротив, неблагоприятных людей, о его грубости и деспотизме как руководителя и жестокости как человека. Эту традицию в последнее время называют «легендой о Кальвине». Я предпринял попытку затронуть эти проблемы и обвинения, но для читателя станет очевидным, что по мере роста моего понимания его мышления и целей росло и моё восхищение его достижениями. Я постарался выразить эту признательность особенно в конце книги, где я даю ему свою личную оценку.

В посвящении к этой книге я выразил нечто вроде благодарности своей жене за её неизменную помощь и постоянную поддержку в написании этой работы. Я благодарен за отличные условия библиотеки Колумбийской Теологической Семинарии и за академический отпуск, который позволил мне сосредоточиться на написании своей работы. На различных стадиях создания конечной рукописи я был обязан доктору Данкану Шо, преподобному Яну Данлоп, доктору Питеру Тоон, мистеру Тони Лейн и под конец моему зятю профессору Джорджу Ньюландс за его мудрый совет и поддержку. Доктор Дуглас Грант, как всегда, был чрезвычайно полезен и терпелив как издатель. Моя сестра мисс Мэри Уоллес и одна из моих соседок миссис Фиона Келли оказали мне неоценимую помощь в подготовке рукописей.

Постскриптум: В день, когда в мой дом прибыли гранки страниц, моя жена скончалась. Находясь в тяжелой болезни, она ожидала их так же сильно, как и я. С чувством благодарности я решил, что нет необходимости менять настоящее время, подразумеваемое в вышесказанном вступлении и посвящении.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В СНОСКАХ

- C.L. *Letters of John Calvin* Vols I-IV, edited by Dr. Jules Bonnet, English Translation of Vols. I and II, Edinburgh 1835-7, of Vols. III and IV, Philadelphia 1858.
- C.Tr. *Calvin's Tracts and Treatises*, Calvin Translation Society Edition, Edinburgh.
- Наст. *Наставление в христианской вере* (изд-во Российского Государственного Гуманитарного Университета, 1997-1999), в трёх томах.
- I.C.P. Введение Кальвина к его *Commentary on the Book of Psalms*, as in the Calvin Translation Society Edition, Edinburgh.
- R.C.P. *Register of the Company of Pastors in Geneva at the time of Calvin* (containing the Ecclesiastical Ordinances of 1541). Translated, with Introduction by Philip E. Hughes, Grand Rapids 1966.
- L.W. The American Edition of Luther's Works – Concordia.
Комментарии Кальвина (например, *Comm. On Gen.*, и др.) в ссылках справлялись в издании The Edition of the Calvin Translation Society, Edinburgh, и его New Testament commentaries, eds. T. F. and D. W. Torrance, Edinburgh.
Ссылки на его проповеди (например, *Sermon on Eph.*) можно проследить в *John Calvin's Sermons on Ephesians*, The Banner of Truth Trust, Edinburgh and London 1973; in *Sermons of Master John Calvin upon the Book of Job*, London 1574.
- C.O. Refers to the *Ioannis Calvini Opera* in the *Corpus Reformatorum*, Brunswick 1863-1900.

Глава 1

ПАЛОМНИЧЕСТВО XVI ВЕКА

В редком автобиографическом отрывке, находящемся во вступлении к комментариям на книгу Псалтирь, Кальвин вкратце рассматривает некоторые важные факторы и поворотные моменты в своей ранней карьере:

Когда я был ещё маленьким мальчиком, отец мой предназначал мне изучать богословие. Но впоследствии, когда он посчитал, что занятия юриспруденцией обычно приводят к достатку, это заставило его резко изменить свои планы. Результатом было то, что меня оторвали от изучения философии, чтобы я занялся изучением права. К этому занятию я честно прилагал все свои усилия, повинуюсь воле моего отца, но Бог тайным руководством Своего промысла со временем дал иное направление моей жизни. Сначала, поскольку я был слишком увлечён суевериями папства, чтобы легко выйти из этой глубочайшей трясины, Бог неожиданным обращением покори́л мой разум и довёл его до состояния обучения, которое было более нагруженным в таких вопросах, чем от него можно было ожидать в ранние периоды моей жизни. Вкусив таким образом знания истинный учений, я моментально загорелся таким сильным желанием идти дальше в оном, что, хотя не оставил других предметов, занимался ими с меньшим рвением.^a

а. Средневековое происхождение

Таким образом, в детстве Кальвин был глубоко предан Римско-католической церкви, от которой позднее должен был отречься: «слишком увлечён... чтобы легко выйти из этой глубочайшей трясины»!

---

^a I.C.P., p. xl.

Он родился в городе Нуайон, в Пикардии, Франция, 10 июля 1509 года. Его отец дослужился до юридического отдела Церкви и стал секретарём епископа и проктором Нуайонского собора. Его мать, умершая, когда мальчик был ещё маленьким, была набожной женщиной. Говорят, она брала своего младенца Жана в религиозные паломничества к местным святыням и алтарям для того, чтобы поклониться мощам и помолиться Богу и святым. Описываемый де Безом как «необычайно религиозный» в своей юности, Кальвин был достаточно чувствителен для того, чтобы уловить глубокую жажду Бога, стоявшую за суеверием, когда мужчины и женщины протягивали руки, чтобы коснуться, как они считали, крошки одеяний Христа. Позднее он критиковал такую слепую набожность в своей книге «*О мощах*». Однако он критиковал слепоту, а не саму набожность. Кальвин признавал, что в человеческой душе глубоко запечатлено «чувство божественного».^а И никогда не презирал того, что было истинно человеческим.

Вначале его отец думал, что Жан преуспееет как священник. «Предначертанный... для изучения богословия», в возрасте 12 лет он направляется для обучения в Париж. Для этой цели отец обеспечивает ему соборные бенефиции. Это значит, что в течение всей своей студенческой жизни Кальвин жил на деньги, первоначально данные на проведение религиозных служб. Он тратил их на собственные нужды, платя жалкие гроши местному заместителю в соборе. В Париже его на короткое время посылают в *College de la Marche*, где он, как признаётся позже, почувствовал огромное восхищение по отношению к одному из ведущих педагогов-гуманистов – Матюрину Кордье. Вскоре, однако, его перевели в *College de Montaigu*.

При описании последнего места нам повествуется об отвратительных запахах, грязи, наказаниях хлыстом, голоде, железной дисциплине, гнилой пище, устаревших методах обучения и мракобесии. Эразм и Рабле были учениками этого колледжа и позднее в самых мрачных тонах писали о том периоде своей жизни. Но из того, что Кальвин не оставил никаких записей о своём лич-

---

^а Ср. *Наст.* I, III, 1.

ном отвращении, не следует полагать, как делали его враги, что это место точно пришлось ему по вкусу. Де Без напоминает, что на выдающийся успех в философии Кальвина воодушевил учитель-испанец, «широко образованный человек».^a Это был Антонио Коронел. Среди преподавателей был также известный шотландец Джон Мэйджор, а один из бывших руководителей колледжа был связан с «Братством общинной жизни». Возможно, именно под этим длительным влиянием Кальвин познакомился с работой Фомы Кемпийского «*О подражании Христу*». Без сомнения, он был хорошо наставлен в Августине и Бернаре,¹ чьи произведения позже сильно повлияли на его взгляды.^b

Ещё до того, как молодой Кальвин уехал в Париж, в Европе началась Реформация. В 1517 году Мартин Лютер прибил к дверям дворцовой церкви в Виттенберге «95 Тезисов». В Цюрихе в 1519 году начал проповедовать и проводить радикальные реформы Ульрих Цвингли. Движение росло и распространялось. Его учения, должно быть, обсуждали в коллеж де Монтегю, даже если их следовало осуждать. Нет сомнения, что позднее Кальвин слышал современные оценки встречи в Марбурге в 1529 году между Лютером, Цвингли и их последователями, когда они не смогли прийти к согласию по доктрине о Вечере Господней.

Следует считать провиденциальным, что в то время как Реформация широко распространялась в Германии и Швейцарии, самого Кальвина, предназначенного для решающей роли в её последующем развитии и работе над её единством, тихо воспитывали и основательно обучали в средневековых схоластических традициях. Многие из этого он должен был отвергнуть, когда избавлялся от «суеверий папства». Он отрёкся от Папы и не признавал вмешательства духовенства в светские дела, мессу в том виде, в каком она существовала, авторитет церковного предания, которому придали статус, равный Писанию, пасторский деспо-

---

^a Theodore Beza, *The Life of John Calvin*, C.Tr., vol. I, p. xxi.

^b См. A. N. S. Lane: "Calvin's Use of the Fathers and the Medievals", in *Calvin Theological Journal*, 16, 1981, pp. 149-205; и "Calvin's Sources of St Bernard" in *Archiv fur Reformationsgeschichte*, 67, 1967, pp. 253ff.

тизм исповедальни, ошибочные взгляды на благодать, раздаваемую через установленные контролируемые Таинства, и идею о превосходстве монашеского призвания над остающимися в миру. Но в ранней стадии его обучения было много того, что, оставаясь с ним в течение всей жизни, помогло сформировать его последующие мысли, стремления и образ жизни.

Например, многое из того, что он позднее писал о нашей нужде в избавлении от самолюбия и о христианской жизни как неумолимом самоотречении и несении креста по подобию смерти и воскресения Господа, тесно связано с мышлением и практикой великих средневековых и монашеских богословов. Набожность, с которой он исполнял своё земное призвание, контролируемая во всех деталях молитвой и лично ощущаемой Божьей волей, его восхищение тайной нашего единения с Христом и сильное желание окончательного совершенства такого единения в небесной жизни и блаженном видении, без сомнения, являются развитием положений, заложенных в нём в то время, когда он был ещё сильно «привязан» к иным обычаям разума и религии, позднее отвергнутым. И хотя он одобрял разрыв слишком тесного союза между гражданской и церковной властью, являвшийся основной чертой средневекового христианского, его попытка в своё время найти новое основание для по возможности теснейшего сотрудничества Церкви и Государства внутри обновлённого христианского содружества показывает, что он всегда с большим уважением относился к данному аспекту средневекового синтеза.

Конечно, можно не без основания утверждать, что всё его последующее учение и взгляды развились из Библии. Он всегда утверждал, что традиции следует постоянно исправлять учением Святого Писания и подчинять ему. Но он всегда был осторожен и рассудителен в отсеивании тех традиций, которые следовало отвергнуть, от тех, которые надо было принять. Никто так цепко не держался за то, что он испытал на себе как хорошее, какое бы ни было его происхождение, и одновременно это удерживание не препятствовало полному подчинению его разума и жизни Слову Божьему и не отклоняло его от следования Христу.

б. Гуманизм

Произошедшая размолвка между соборным капитулом и его отцом, охладевшим в результате этого к Церкви, изменила мнение отца по поводу уже явно выдающегося сына. «Отец мой... впоследствии... посчитал, что занятия юриспруденцией обычно приводят к достатку... Результатом было то, что меня оторвали от изучения философии, чтобы я занялся изучением права». Кальвин, в отличие от Лютера, в похожих обстоятельствах был послушен. «К этому занятию я честно прилагал все свои усилия, повинаясь воле моего отца».

Он поехал изучать право под присмотром Пьера де Л'Эстоля в Орлеан, где во время второго формирующего его личность периода он попал под сильное влияние гуманизма, отразившегося на взглядах многих учителей в университетах Франции и некоторых руководителей Церкви. Он начал искать просвещённое и современное обучение и на какое-то время учился у Андреа Альциати в Бурже. После смерти своего отца в 1531 году Кальвин проживал в *College Fortet* в Париже, где обучение иногда проводили Королевские Преподаватели, знаменитое общество ученых гуманистов, основанное Франциском I. В этом месте существовала гибкая программа и академическая свобода. Одним из главных светочей колледжа был Гийом Бюде, который наряду с Эразмом, достиг европейской славы за гуманистическую учёность. Кальвин уже начал изучать греческий у Мельхиора Вольмара в Бурже. Здесь он мог продолжить это с Пьером Дане. Также он мог получить элементарные знания иврита у Франсуа Ватабле.

В конце концов, в апреле 1532 года он публикует свои комментарии к произведению Сенеки «*De Clementia*». Книга Сенеки – это просьба о милосердном правлении тех, кто имеет власть. Эта первая работа Кальвина доказывает, что он полностью разделял естественные симпатии с разумным и трезвым взглядом Сенеки, что он был очень способным учеником, и что теперь он стремился к признанию его учёными мужами того времени как современника выдающегося человека и оригинального суждения.

Де Без утверждает, что даже находясь в Орлеане, Кальвин делал «удивительные успехи», часто «исполнял обязанности профессоров и считался более учителем, нежели учеником». Он цитирует сообщения от «людей, которые ещё живы», знавших Кальвина в этот период, в том смысле, что для него было привычным делом скудно поужинать, учиться до полуночи, встать утром для размышления, чтобы «переварить то, что прочитал в кровати». Де Без приписывает такие привычки слабости желудка, которая позднее стала причиной многочисленных болезней и «преждевременной» смерти.^a

Казалось, молодой студент открыл свой разум и свою жизнь всему, что мог дать ему гуманизм. Некоторые его биографы ассоциируют это время с портретом, на котором он выглядит модно одетым и вполне довольным жизнью. Можно ли принять это за знак того, что его «привязанность к Риму» начала разрушаться? В конце концов, гуманизм был движением протеста всему, что ограничивало человеческую мысль, стесняло человеческий дух и сужало человеческий опыт познания.

Симпатии Кальвина в это время склонялись к некой реформе внутри Церкви. Необходимость такой реформы обсуждалась группой людей, попавших под сильное влияние великого французского гуманиста Лефевра д'Этапля. Этими людьми были Гийом Бюде, Гийом Брикконе (епископ Мо) и Жерар Руссе. Для них гуманизм находился в согласии с истинным христианством. Всё лучшее в гуманизме, как они утверждали, помогло им заново открыть всё лучшее в самом Писании. Они внимательно изучали Святое Писание, как и другие документы прошлого. Их волновало то, что они узнавали, и те сравнения, какие они теперь могли сделать. Само Писание рассматривалось как христианская философия, относящаяся ныне к новой эпохе просвещения, в которой они жили. Они переводили Библию и призывали людей изучать Слово Божье для самих себя. Они стремились внести постепенное изменение в существующую структуру Церкви. Они были убеждены, что те люди во Франции, которые защищали каждый ас-

---

^a *Цит. соч.*, pp. xxii-xxiii.

пект искаженной формы и жизни Церкви от нападок Лютера, неправильно понимали Писание. Они не хотели провоцировать разногласия, но говорили смелые вещи. Их влияние распространялось. Ответом внутри епархии Мо было то, что в 1525 году власти, наконец, заставили епископа Гийома Брикконе прекратить реформы, происходившие под его началом. Однако Маргарита Ангулемская, сестра короля, взяла всё движение под своё покровительство и даже укрывала его сторонников в своём дворе, когда тем грозила опасность.

В 1533 году в Париже Кальвин столкнулся с неприятностями. Первого ноября его друг Николя Коп произнёс речь при вступлении в должность ректора университета в церкви Матурина. В речи истолковывалась часть Нагорной проповеди, как это, возможно, делал Эразм. Если в ней и был привкус лютеранства, то очень слабый. Но она основывалась на контрасте между старой и новой религиями. В ней присутствовала страсть, и чувствовалось, что для консервативных устоев государства и университета она создаёт серьёзные проблемы. Власти слишком много слышали о таких рода вещей и теперь решили их подавить. Были предприняты немедленные поиски Копы и Кальвина. Очевидно, что они оба недооценили то, что могло произойти, и потому вынуждены были бежать. Некоторые учёные считают, что в действительности Кальвин сам написал эту речь, потому что в его произведениях существует её копия. Но из этого не следует предполагать действительное авторство.

Кальвин бежал в Ангулем, где оставался в уединении со своим другом Луи де Тийе и занимался в его библиотеке. Он посещал двор королевы Маргариты и познакомился с самим Лефевром д'Этаплем. Возможно, произведённая речью сенсация помогла Кальвину понять, что даже такая программа тихих и спокойных реформ не способна одержать победу над силами реакции во Франции. Вероятно, он спрашивал себя, может ли смелое решение не вести его к истине, и может ли смелый свидетель не влиять на ситуацию вокруг него. После этого периода отступления прошло немного времени, прежде чем произошло «неожидан-

ное обращение», на которое он ссылается в предисловии к своим «Комментариям на книгу Псалтирь».

в. Неожиданное или последовательное?

Биографы Кальвина не соглашаются ни во времени, ни в природе «неожиданного обращения», о котором он говорит как о значительном эпизоде своей ранней жизни. Тот факт, что он только раз упоминает об этом в своих произведениях, и что наряду со своей оценкой он говорит о достижении только «вкуса истинного благочестия», заставил многих историков считать его просто начальной стадией долгого периода, длившегося, возможно, в течение 7 лет. Во время этого периода он постепенно делал успехи в ином взгляде на вещи, пришёл к более полному пониманию новой жизни и постепенно осознал, насколько ложно и бессодержательно в действительности было учение Римско-католической церкви. Де Без, долгие годы бывший его главным сподвижником в Женеве, первый выразил такую точку зрения. Основываясь на ней, мы можем датировать начальный опыт 1527 годом, в самом начале его экскурса в новый мир гуманистического познания. Данная точка зрения утверждает, что реформатор жил со всё более и более неудобным бременем своей религии для мышления в течение всех лет своего обучения юридической профессии и получения докторской степени.

Несколько важных рассуждений заставляют отказаться от такой позиции. Непохоже, что любое внутреннее познание, которое не вызывало видимой подтверждаемой перемены во внешнем образе действия и явной лояльности, Кальвин классифицировал бы как «неожиданное обращение». Тот факт, что теперь он очень «загорелся таким сильным желанием идти дальше...» в том, с чем он столкнулся, предполагает, скорее вступительный открытие, полное тепла, широты и освещения.

Более того, сильная «привязанность», которую Кальвин, по его собственному признанию, имел по отношению к Риму, указывает на одну из его характерных особенностей. Это был тип человека, жизненные образцы и взгляды которого были тесно связаны

воедино и так прочно основаны, что любое большое изменение могло произойти только через насильственный, а потому, неожиданный психологический переворот. Позднее в защиту Реформации он написал *«Ответ кардиналу Садолето»*, где в одном месте пытается показать, насколько разумными и обдуманно были решения его современников, оставивших Рим, чтобы присоединиться к Реформации. Он описывает обращённого как сперва подставляющего «не желающее ухо» новому учению, как «сильно и пылко» сопротивляющегося ему и как имеющего «огромнейшую трудность»^а в признании прошлых ошибок. Без сомнения, в данной оценке есть что-то автобиографическое.

Наконец, Кальвин во время, предполагаемое нами как его обращение, был открыто предан Римско-католической церкви и жил на доход священника. Для него было абсолютно не характерным в тайне быть одним, а открыто – другим. Он презирал такое поведение. Позднее он всегда советовал тем людям во Франции, кто принял Реформатскую веру, открыто порвать с Римской церковью. И нет ни следа какого-либо признания от него самого в том, что он когда-либо участвовал в подобном лицемерии. В 1533 году Кальвин посетил Нуайон, чтобы сделать распоряжения по поводу определённых молитвенных богослужений, никак не выразив перемену в своём мышлении и сердце. Только в 1534 году он вернулся и отказался от должности приходского священника. Можно предположить, что его неожиданное обращение произошло в этот интервал времени.

Без сомнения, оно было подготовлено. Кальвин изучал Священное Писание. Определённое влияние на него оказал его кузен Оливетан, который перевёл на французский язык Новый Завет. По крайней мере, он имел информацию о произведениях Лютера и интересовался сообщениями о диспуте в Марбурге.² Он был в Париже, когда протестанты испытывали мучения, а один

---

^а *Reply to Cardinal Sadolet's Letters*, C.Tr., vol. I, p. 62. Для полного рассмотрения данного вопроса ср. F.Büsser, *Calvin's Urteil über sich selbst* (Zurich, 1959), pp. 26ff; а также John T. McNeill, *History and Character of Calvinism* (New York, 1954), pp. 109ff.

раз даже снимал временное жильё в доме одного из них – Этьена де ла Форж. Можно подготовиться к лавине, когда обстоятельства, вызывающие её, создаются постепенно. Однако когда она происходит, возможны неожиданные катаклизмы.

г. «Особая сила» Священного Писания

Мы объясняем «сильное желание» Кальвина «идти дальше» и его слабеющее рвение к занятиям «прежними науками» тем, что, начиная с этого времени, всё собрание гуманистической литературы, которой он себя пылко посвятил, стало испытывать пренебрежение, в то время как его внимание было поглощено изучением Священного Писания.

В центре всего познания и вдохновляющей идеи, стоящей за Реформацией, всегда находится одна книга. Основываясь на Библии, Лютер сказал, что «Христос – Он ваш, с Его жизнью, учением, делами, смертью, воскресением и всем тем, что Он есть, имеет, делает и может сделать»,^а хорошо осознавая, что сам оправдан. С помощью Библии сторонники Реформации поняли, что постоянно идут к Вифлеемской колыбели и Кресту на Голгофе, то есть к месту, где они, как знали, наконец, смогут увидеть Бога таковым, каков Он есть на самом деле. Более того, стоя у её дверей для чтения и слушания, они постоянно слышали живой голос самого Христа и тем самым испытывали соединение с силой Его воскресения. Когда они сделали Святое Писание своим единственным авторитетом, они не просто стремились заменить старого папу на нового. Скорее, они отдавали дань самому радостному и освободительному элементу в своей новой христианской жизни. Когда бы они ни говорили об этом опыте, они, несомненно, вынуждены были признавать роль, которую играло в нём Слово Божье.

Поэтому пережитое Кальвином ставится бок о бок с пережитым всеми теми, кто оказался вовлечённым в поддержку Реформации, если мы считаем это испытанием силы Слова Божьего, чтобы проникнуть в центр жизни человека и его чувств, и чтобы

---

^а L.W., vol. 35, p. 361.

всё изменить. Эту силу Кальвин описал в отрывке своём «*Наставлении*»:

Поскольку же Писание истинно, постольку среди всех человеческих книг нет ни одной, пусть даже исполненной изысканнейшего красноречия, которая могла бы сравниться по силе воздействия на людей. Возьмём Демосфена, Цицерона, Платона и Аристотеля, или любого подобного им автора. Я признаю, что они увлекательны и чтение их услаждает и восхищает ум. Но если после них мы обратимся к чтению Святого Писания, то независимо от нашей воли оно так тронет нас за живое, так остро пронзит наше сердце, так глубоко проникнет в самую сердцевину нашего существа, что в сравнении с этим рассеется всё очарование ораторов и философов. Отсюда легко понять, что Святое Писание обладает божественным свойством вдохновлять людей, ибо по силе воздействия намного превосходит всё написанное человеком.^а

Данный отрывок можно считать оценкой личного опыта. Это исповедь Кальвина о том, что после долгих лет поиска просвещения там, где ему естественнее всего следовало бы находиться, т.е. среди величайших мыслителей мира и наблюдателей природы и человеческой жизни, он признается в своём невежестве в той новой области, куда должна войти душа человека, чтобы обрести Бога и конечную истину. Только Святое Писание помогло ему услышать живой божественный голос, обращённый лично к нему, Который представляет себя в Своей благодати, и тем самым познакомило его с истинным Богом, чтобы смиренные и верующие души познали и приняли Его.

Теперь Кальвину открылся совершенно новый мир знаний, противостоящий и подавляющий всё то, что он до сих пор видел и понимал. Через Библию он пришёл к своему Творцу и Искупителю. Таким было направление его познания данного вопроса, которое в конечном итоге сделало всё богословие Кальвина сосредоточенным на Христе и Писании.

---

^а *Наст.* I, VIII, 1.

Августин в одном из своих произведений признаёт, что если бы он познал Христа до того, как с характерным для себя рвением посвятил себя занятию философией и религиозными культами своего времени, то решил бы, что всё это имело в себе что-то от Христа. Только то, что во время служения у их алтаря он, тем не менее, оставался без Христа, убедило его, что они были лишены истины. Обращение Кальвина, подобное опыту Августина, произошло спустя несколько лет после интенсивного изучения гуманизма, который представлялся ему близким союзником Писания. И он в то время принял его как имеющее христианское содержание. Но когда произошло обращение, он осознал, насколько мало, если вообще сколько-нибудь, нового света Писания проливалось на него из того, что теперь он называл «прежними науками».

ГЛАВА 2

ПРИЗВАНИЕ И РАННЕЕ СЛУЖЕНИЕ

а. 1534-1536 – доктор Церкви

Париж, Пуатье, Орлеан, Страсбург, Базель, Италия – вот основные места странствования Кальвина в течение этих двух с небольшим лет. Он называет себя «чем-то не отшлифованным и застенчивым». Его робость заставляла его искать «какой-нибудь укромный угол», чтобы спокойно предаться занятиям. Но его убежища становились «подобно публичным школам», потому что «прежде, чем пролетал год, все, кто жаждал чистой доктрины, постоянно приходили ко мне учиться, хотя сам я был ещё простым новообращённым и начинающим новичком».^а Его пребывание в Орлеане следует связать с созданием первого богословского труда *«Psychopannychia»* – книге, направленной против одного из аспектов современного ему анабаптистского учения. Подзаголовок поясняет: «Опровержение заблуждения, которого придерживаются некоторые грубые люди, невежественно воображающие, что в период между смертью и судом души пребывает во сне, а также объяснение состояния и существования души после сей настоящей жизни». Позднее в 1542 году книга была напечатана.

Через Страсбург он отправился в Базель, куда прибыл в начале 1535 года. Там он в частичном уединении работал над изданием в марте 1536 года первой редакции *«Наставления в христианской вере»*. В то время, это была сравнительно короткая работа небольшого объема. Во Франции Реформатскую веру путали с сумасбродными учениями анабаптистов и с революционными и бунтарскими доктринами. Её сторонников преследовали без раз-

---

^а I.C.P., p. xli.

бора, как будто их убеждения следовало отождествлять с таким «упорствующим бредом и ложными мнениями». Поэтому Кальвин хотел дать ей справедливую оценку. В предисловии к книге он поместил письмо к королю Франции, взывая к справедливости и снисходительности во взгляде на его работу. «Если бы монарх это прочитал,» – говорит де Без, – «то я очень ошибаюсь, если даже тогда вавилонской блуднице не была бы нанесена серьезная рана». Письмо показывает, что одной из целей Кальвина в создании произведения была пасторская. В разных местах он нашёл много своих знакомых земляков, «жаждущих Христа», но совершенно необученных. Поэтому он дал им в помощь руководство к пониманию.

Весной 1536 года Кальвин снова отправляется в путешествие, на этот раз в Италию под именем Шарля д'Эспевилля (имя, которое он часто использовал в поздней переписке). Он предпринял это путешествие для того, чтобы увидеть Рени, герцогиню Феррарскую, дочь Луи XII, которая предоставила убежище при своём дворе некоторым важным беженцам Реформатской веры. Кальвин, по словам де Безы, «утвердил её рвение к истинной религии». Позднее в переписке она просила его о помощи и совете. Под крышей её дома будущий реформатор познакомился с Клеманом Маро, французским поэтом и автором гимнов.³

Можно не сомневаться, что к этому времени издание «Наставления» создало ему определённую репутацию среди реформаторов, и он решительно встал на их сторону в церковной борьбе. Действительно, дело всей его жизни внутри Церкви уже началось. Он верил, что из двух главных должностей, установленных Христом для их постоянного нахождения в Церкви, ближайшей к должности пастора или епископа должна была стать должность доктора, то есть профессора богословия, который отвечал бы за сохранение «чистоты и целостности учения в Церкви». ^a В это время он и себя считал исполняющим такое служение, даже если из-за неустроенности своего времени не мог воспользоваться обычным рукоположением на такое служение.

---

^a *Наст.* IV, III, 4.

б. Приглашение в Женеву

Хотя отец Кальвина умер в 1531 году, его дела не были до конца устроены. Поэтому Кальвин после возвращения из Италии отправился во Францию, чтобы уладить вопрос с имуществом. После этого в июне 1536 года он встретил в Париже своего брата Антуана и сестру Мари и убедил их уехать с ним за границу. Он вознамерился отправиться в Страсбург или Базель, но начавшаяся война сделала поездку невозможной. Он был вынужден поехать в обход, и это привело его в Женеву. Там Кальвина встретил Гийома Фареля.⁴ Именно благодаря Фарелю, который был французом на двадцать лет старше Кальвина, в Женеве началась реформация Церкви, и теперь он отчаянно нуждался в помощи Кальвина.

Фарель принимал участие в реформатском движении в Мо, о котором мы уже говорили.^а Он скрылся от преследования в Швейцарии и проповедовал во многих местах вблизи Берна и, оставаясь смелым и бесстрашным перед лицом злейшей оппозиции, действительно распространял влияние Реформации. Впервые он приехал в Женеву в октябре 1532 года с Антуаном Сонье и Пьером Робером Оливетаном. Он произвёл большое впечатление на конференции с некоторыми ведущими гражданами, но Римские власти ответили насилием, пытаясь бросить его в Рейн и ранить его. Спустя месяц он предпринял новую попытку, послав вместо себя Антуана Фромена. Фромен открыл языковую школу, предлагая одновременно некоторое обучение религии.

Интерес к Реформации тем временем достаточно вырос для привлечения внимания толпы, и вскоре началось открытое проповедование. С римской стороны существовало определённое и громогласное сопротивление. Местный магистрат, теперь расположенный к защите пришельцев, пытался поддерживать порядок. Люди примыкали к различным сторонам, и напряжение росло. Реформатская партия консолидировалась, и во время пасхи 1533 года справили Вечерю Господню. Как противодействие это-

---

^а См. выше, стр. 5 (*Гуманизм*).

му местное духовенство, по-видимому, могло прибегнуть только к насилию и словесным оскорблениям, епископ же бежал из города. Фарель смог вернуться в декабре 1533 года. За ним последовал Пьер Вире,⁵ молодой швейцарский проповедник, более мягкий в подходе к людям, но не менее эффективный в получении их поддержки. По настоянию властей Берна 1 марта 1534 года проповедники заняли Церковь.

Римское духовенство и монашеские общины за время всего конфликта при вызове на открытую дискуссию не могли ответить и дать вразумительное обоснование в защиту своих теологических позиций или суеверий, и постепенно остальные религиозные дома и церкви стали бездеятельными. Заговор об отравлении проповедников, который затронул Вире и выразился в его тяжелой болезни, был раскрыт, и это ещё больше дискредитировало и опозорило римскую сторону. К концу 1535 года мессу упразднили. 21 мая 1536 года граждане, собравшиеся на Генеральный Совет города, приняли Реформацию и поклялись жить и проводить богослужения согласно Слову Божьему.

Следует учесть, что политические силы также сыграли определённую роль в возникновении перемен в Женеве. Во время религиозного противоборства некоторое напряжение в городе было вызвано столкновением интересов властей Фрибурга, соседней Римско-католической твердыни, и Берна – ближайшего оплота протестантов. Более того, сам герцог Савойский пытался получить контроль над Женевой и, объединившись с епископом, руководил военными действиями, тревожа город и разрушая коммуникации, пока, наконец, Берн не объявил ему войну и не избавил Женеву от его власти.

Необходимо также признать, что Женева реформировалась номинально, но вовсе не в сердце; многие её граждане желали скорее свободы от притеснений старого режима, чем руководства Слова Божьего. В годы войны сильно пострадали закон и порядок. К концу июля 1536 года, когда на сцене появился Кальвин, Фарель, кажется, почувствовал, что ситуация выходит из-под его контроля.

Историю первой встречи этих двух людей с волнением описывал сам Кальвин. Он собирался остаться в Женеве только на одну ночь, но Фарель узнал его местонахождение и пришёл в его временное жильё. Разве не мог Бог послать к нему Кальвина в тот самый момент, потому что этот человек был предназначен для той работы, которую сам Фарель не мог завершить? Он высказал все, что накопилось своему соотечественнику с призывом, равным по своей силе шантажу. Он предостерёг, что на Кальвина падёт проклятие, если он решит отказаться от Божьего призыва остаться и работать в том самом месте, куда он прибыл, словно бы ниспосланный провидением.⁶

Кальвин признавал, что в Женеве его задержало «не столько совет и увещание, сколько страшное проклятие». «Поражённому ужасом», ему казалось, что «Божья длань с небес» была там, чтобы остановить его. Вероятно, следует заметить приём божественной иронии в том, что ту робость, которая заставляла Кальвина сторониться людей, Бог использовал для того, чтобы подтолкнуть его на служение им. Но ещё оставалась некоторая застенчивость: «Учитывая свою природную робость, ...я не смог принять на себя обязанности для выполнения какого-либо определенного служения».^a

в. Пастор и проповедник

Поэтому первой достигнутой договоренностью было то, что он начнёт работу в Женеве в качестве простого учителя. «В той Церкви...» – объяснял он позднее, – «я сначала имел должность доктора».^b Однако вскоре стало ясно, что никто не может сравниться с ним как с проповедником, и однажды его попросили стать пастором или епископом местной общины. Это, по его мнению, была высочайшая и наиболее всесторонняя должность, которую только мог дать Бог человеку в Церкви. Она подразумевала ответственность за заботу и воспитание паствы, за сохранение

---

^aI.C.P., p. xli.

^bReply to Sadoletto, C.Tr., vol. I, p. 26.

единства всех членов, так же как обучение и проповедование. Кальвин всегда считал, что никто не может занимать пост или сохранять пасторское звание, если не имеет своего собственного народа, которому он постоянно проповедует.⁷ Вот почему, по его мнению, папа, который просто входил в общее церковное руководство, не имеет права называться епископом.

Возможно, он также обнаружил, что ради эффективности его как учителя и богослова, ему необходимо приходское участие. Только в активном руководстве Божьим народом и в тесных с ним отношениях он мог испытать верность своего учения Слову Божьему и его целесообразность, когда пытался добиться применения принципов Реформации в христианской жизни и для блага общины. Его учение потеряло бы свою душу, если бы он посвятил себя всецело академической изолированной учёности. Имея конкретную работу на переднем крае, он спас себя от превращения в разговорчивого аристократического церковного бюрократа с неизбежно частичной проницательностью, способного накормить скорее толпу, чем паству.

Задача постоянного проповедования Слова наконец-то привела его в самое сердце движения Реформации в её сражении за душу Европы, потому что именно через проповедование, а не через другие аспекты его работы, он проявил незаурядное влияние, которое по признанию каждого имел.

В истории Церкви не было ничего необыкновенного в том, что проповедование становилось сильной движущей силой в обращении отдельных людей и общин, в изменении общественных устоев и в побуждении людей к политическим действиям. Можно, например, вспомнить удивительное сообщение Августина о том, как его проповедование в Кесарии в Мавритании покорило людей того дикого общества и побудило их постоянно отменять свои традиционные ежегодные периоды внутрисемейных убийств.⁸ Более того, средние века не стали исключением для проповедников, обладавших необыкновенной силой и влиянием. Но во время Реформации то, что ранее было случайным и даже

---

⁸ Cp. Augustine, *On Christian Doctrine* (О христианском учении), IV, 53.

редким, на какое-то время стало распространённым внутри естественной жизни Церкви.

Часто влияние проповедника на общину было глубоко проникающей силой, которую трудно проследить в её тонких действиях. Но зачастую проповедование явно становилось непосредственной причиной важных перемен во взглядах и температуре критического периода во всей борьбе, как, например, проповедь Лютера в Виттенберге в 1522 г., или Джона Нокса в Перте в критический момент шотландской Реформации. Сами реформаторы с осторожностью относились к сильному и широко распространённому влиянию, которое они оказывали посредством своих проповедей. Лютер был совершенно убеждён, что сможет противостоять и победить «неблагодарных лордов и злых пэров», как он противостоял и победил одними только словами «их идола, папу». ^a Джон Нокс в письме, датированном 23 июня 1559 года, пишет о том, как «в течение 40 дней и более Бог использовал мой язык в родной стране для проявления Его славы». ^b В том же году он с уверенностью сказал Сесил, что «распятый Христос Иисус, которого теперь начали проповедовать», может соединить сердца, долгое время разъединённые Сатаной, и принести «вечное согласие» между двумя королевствами Шотландии и Англии. ^c

Сообщения того времени ещё более свидетельствуют в пользу существования у части простого народа необычайного голода по проповеди Слова Божьего. Мы уже отмечали ранний опыт Кальвина, когда он понял, что его окружают те, кто «жаждет ясного учения», и, несмотря на все различия и напряжённость, люди и

---

^a *Temporal Authority: To what Extent it Should be Obeyed*, L.W., 45:84-5; ср. также вторую проповедь в Виттенберге, L.W., 51:75ff. «Христианская любовь не должна использовать грубость и насилие. Однако её следует проповедовать с помощью языка и пера, потому что грешно удерживать народ только таким образом, и всё же никого нельзя оттащить за волосы. Посему следует оставить это Богу, а Его Слово должно быть позволено работать одному без нашего вмешательства».

^b To Mrs. Anna Lock from St. Andrews, June 23, 1559. *Works* (ed. Laing, Edinburgh, 1895), vol. VI, p. 26.

^c *Works*, vol. VI, pp. 31,32.

власти Женевы нуждались в Кальвине так же, как Кальвин нуждался в них. Потребность в пасторах, которые могли бы проповедовать Слово, была велика во всём Реформатском мире. Когда мы читаем, что в Женеве в 1549 году совет распорядился, чтобы проповедники читали проповеди каждое утро, а не через день,^a и что, согласно первой книге церковного уклада в Шотландии 1560 года, «в каждом заметном городе один день помимо воскресений назначается для проповеди и молитвы», не следует думать, что за такими постановлениями стояло агрессивное, самомнительное духовенство, обеспечивающее себе и своим взглядам доминирующее влияние в обществе. Инициатива шла от мирян, которые желали даже больше того, что могли дать им пасторы. «Множество людей», которые по записям совета Женевы посещали проповеди Вире и Кальвина, присутствовали на них не как жертвы железной дисциплины. Они хотели услышать Слово. Можно процитировать письмо Джона Нокса из Сент-Эндрюс от 23 июня 1559 года: «Жажда бедных людей, так же как и знатного рода, удивительно велика, и это утешает меня в том, что Христос Иисус восторжествует в наследовании на севере и на краях земли».^b

2. Провал

В 1 Тим. 3:6 Павел советует своему молодому коллеге никогда не делать епископом «новообращенного». Кальвин комментирует это так: «То, что говорит здесь Павел, мы можем подтвердить из своего собственного опыта». Он объясняет, что когда людей «выдающихся способностей и знаний» приводят к вере, они часто думают, что могут «летать над облаками». «Есть хорошая причи-

---

^a *Register of the Council*, June 19, 1559.

^b Ср. письмо от Хупера Вильяму Сесилу: «Если мы во все дни нашей жизни будем стоять на коленях, то не сможем выразить должную благодарность Богу за то, что Он милостиво склонил людей к тому, чтобы они желали и жаждали Слова Божьего». Quoted A. G. Dickens, *The Reformation in England* (London, 1965), p. 243.

на», – добавляет он, – «чтобы оградить их от епископского служения, до тех пор, пока с течением времени их высоко парящие идеи не спустятся на землю».^a Когда он говорил о своём «собственном опыте» в этом деле, Кальвин имел основание не только думать о молодых пасторах своего времени, которые не мудро вели себя в своём первом служении, но также и о своём собственном гибельном начале в первые месяцы в Женеве. Именно там он столкнулся с большим количеством трудностей, чем мог совладать, и с силой оппозиции, которую так и не учёл. Конечно, Женевские власти, с которыми он и его коллеги должны были иметь дело, были глупы и провокационны. И позднее они часто вели себя точно так же, но к тому времени он уже научился, как с этим мириться.

Напряжение росло. Фарель, Вире и Куроль (который был слеп), очевидно, ожидали слишком многого в столь стремительном способе принятия вероучения и улучшения нравственности. Они недооценили местную реакцию и забыли, что сами являются просто чужестранцами из Франции, пытающимися навести порядок в швейцарской общине! Они не смогли ясно осознать то, что лишь недавно освободившееся от Рима, население Женевы будет чрезвычайно подозрительно ко всему, что, казалось, предлагало любую новую тиранию. Возможно, в такой ситуации Фарель не был здравомыслящим сподвижником для работы Кальвина.

Кризис перенёсся на излишнюю конфронтацию по поводу богослужения и церковной дисциплины. Женевский магистрат приказал священникам принять Бернский обычай использования в Вечери пресного хлеба, соблюдения традиционных церковных праздников и применения для крещения в Церкви каменных купелей. Эти приказы подразумевали незначительнейшие изменения уже принятых традиций. Но Кальвин и его сподвижники открыто обязались отстаивать непреклонную позицию. Они заявили, что не могут праздновать Вечерю в приближающееся пасхальное воскресенье из-за разногласий и распрей, царящих в городе. Тогда им запретили проповедовать, но они игнорировали

---

^a *Comm. on I Tim.*, 3:6.

приказ. В последующих за этим беспорядках внутри Собора люди даже обнажили мечи. Однако обстановка успокоилась, и им было велено покинуть город в течение трёх дней. Это произошло на Пасху 1538 года. Сам Кальвин уехал в изгнание в Страсбург, где находился до сентября 1541 года, когда Женева позвала его обратно.

д. Страсбургская интерлюдия

Церковь и городская жизнь Страсбурга оказали воздействие на мышление и взгляды Кальвина, вся степень которого только сейчас оценивается учёными. Ведущим богословом в Страсбурге был Мартин Буцер.⁸ Только недавно историки открыли важность его взглядов на учение и организацию Церкви. «В своём мышлении он воплотил лучшее, что было в Лютере, и предзнаменовал лучшее, что было в Кальвине».⁹ Казалось, город стал местом встречи разных традиций – лютеранской, цвинглианской, анабаптистской – чтобы столкнуться друг с другом и обменяться мнениями в атмосфере более великодушной терпимости, чем где-либо ещё. Сильная, мудрая направляющая рука великого государственного деятеля Жака Штурма помогла поддерживать здоровое и стабильное положение дел во всей жизни города. За год до прибытия Кальвина в город также прибыл Жан Штурм, имевший большой опыт во всём, что касалось образования молодежи. Он открыл в городе колледж, и Кальвин был приглашён туда в качестве учителя. В церквях Страсбурга, кроме того, происходило весьма значимое развитие Реформатских литургических обычаев. Буцер так хорошо организовал помощь бедным, что нищие попрошайки исчезли с улиц города.

Кальвин обнаружил, что другие, столкнувшись с ситуацией, подобной женевской, и двигаясь к целям, схожим с теми, которые он установил для себя, смогли провести за собой людей дальше, чем он сам, с помощью более осторожного и умеренного отношения к ним. Один из печальных моментов в истории заклю-

---

⁸ J. D. Benoit in *Calvin à Strasbourg 1538-1541* (Strasbourg, 1938), p. 17.

чается в том, что всему, что развивалось в Страсбурге, и что было величественной и яркой моделью истинного протестантского христианского содружества, было отказано в осуществлении, когда город вернулся к римскому господству. Некоторым же облегчением служит то, что всё, что видел и испытал там Кальвин, помогло ему решительно изменить свою последующую программу и стратегию в Женеве, а также немало способствовало его успеху.

В Страсбурге Кальвину была предоставлена возможность развивать своё понимание пасторского служения и проповедовать в сравнительно маленькой французской общине, в которую он был призван на служение. Отношение общины к пастору зачастую может стать решающей в формировании служения, которое он стремится в ней осуществить. Данная же община, казалось, приняла служение Кальвина как идущее от Бога и открыла ему свой разум и сердце, что делало возможным для него дать им всё самое наилучшее. Он мог проверять свои убеждения относительно церковной дисциплины в атмосфере, свободной от того сильного напряжения, которое испортило его планы в Женеве. Он ввёл обычай приглашать перед причастием каждого члена общины на личную беседу с пастором, так, чтобы те, кто был мало наставлен в вере, могли лучше подготовиться, а те, кто имел беспокойную совесть, развеяли все сомнения. Очевидно, что главной целью Кальвина в устройении такого порядка было не нравственное усовершенствование, а пасторская забота о каждом отдельном человеке.

Его Страсбургская община содействовала ему в развитии французской литургии, к которой он добавил многое из того, что уже было разработано в этой области Мартином Бучером. Также он смог напечатать для своих прихожан маленькое собрание *Псалмов и песнопений* для использования в богослужении. Некоторые из них были его собственными переводами, другие – Клемана Маро. Их положил на мелодию (лады) один из страсбургских органистов. Кальвин стремился к изданию такой книги и в Женеве, но там его предложение не поддержали.

Кальвин находился в Страсбурге в то время, когда император Карл V пытался объединить противостоящие части Церкви. Он

посетил все три встречи, устроенные для этой цели: в Хагене в июне 1540 года, в Вормсе в ноябре того же года и, наконец, в Регенсбурге 5 апреля 1541 года. Там он смог встретиться с ведущими богословами и служителями Церкви, чтобы из первых рук познакомиться с их взглядами, оценить их способности и понаблюдать за их методами. Он внёс важный вклад в дебаты, хотя при их завершении оказалось, что все диспуты были напрасными. На этих встречах с Кальвином познакомился Филипп Меланхтон, восхищавшийся им, и на долгое время эти двое стали друзьями.

Важным событием в страсбургской жизни Кальвина стала его женитьба на вдове бывшего анабаптиста, Иделетте де Бур, принёсшей ему много счастья и утешения. Там он написал первые комментарии к Новому Завету, а именно к Посланию св. Павла к Римлянам, выпустил в 1539 году новую намного увеличенную редакцию *Наставления*, а также *Краткий трактат о Святом Причастии*.

Во время отсутствия Кальвина в Женеве кардинал Садолето⁹ написал письмо «магистрату, сенату и гражданам» города, преувеличивая их достоинство, подвергая сомнению мотивы реформаторов и приглашая их вернуться в лоно Римской церкви. Копия письма была прислана Кальвину. В течение нескольких дней он написал одну из самых прекрасных своих кратких работ *Ответ Садолето*. Это знаменитая защита Реформации и его собственной роли в ней, написанная в стиле, полном достоинства и сдержанности, с большой долей искренности и глубиной чувства, в особенности, когда он открывает читателю причины его личного отрицания Римско-католической церкви.

Он упоминает, правда мимоходом, что «жестокость, алчность, несдержанность, высокомерие, дерзость, похоть и другие виды греха», повсюду существовавшие в этой церкви и запятнавшие даже некоторых из того высшего слоя духовенства, к которому принадлежал Садолето, не могло не отталкивать умы простых людей.⁹ Распространение подобного рода пороков среди них самих не оправдывало решительных действий, предпринятых ре-

---

⁹ *Reply to Cardinal Sadoletto's Letter*, C. Tr., vol. I, p. 49, cf. p. 55.

форматорами. Однако основной грех Рима заключался в отказе простому человеку в каком-нибудь безопасном месте пред Богом, ибо Его лицо было сделано суровым, а присутствие страшным. Они поместили человека «на такое скользкое основание, мало того, такое отвесное, что он с трудом может устоять на нём и мгновение, даже если его лишь слегка подтолкнуть». В отчаянной борьбе человека за уверенность и мир они лишили его меча Слова Божьего и бросили «невооруженным на пагубу дьяволу». ^a Кальвин призывает Садолето признать тщетность теологии, которой тот был научен во время подготовки к служению:

Ты сам знаешь, что это была просто софистика, а софистику, настолько искажённую, запутанную, уклончивую и сбивающую с толку... можно спокойно описать как вид тайной магии. Чем гуще темнота, в которую всякий окутывал свой предмет, тем более он сбивал себя и других с толку нелепыми загадками, и тем больше становилась слава его пронизательности и учёности. ^b

Снова и снова он ссылается на явную уродливость Церкви и уничтожение истинного служения «римского понтифика со всей его толпой псевдо-епископов», которые поддерживают страхи, толкающие людей к паломничеству от святыни к святыне, от алтаря к алтарю, подкармливая их суевериями вместо хлеба жизни, и, подобно «рыскающим в поиске добычи волкам», используя их ужасное невежество для наживы посредством продажи индульгенций. ^c

Кальвин отрёкся от Римской церкви из-за её отказа реформировать себя согласно Слову Божьему. Она позволила в течение прошедших столетий беспрепятственно вырасти чуждым Слову традициям и обычаям, и считала такое развитие священным: в действительности ему приписывался авторитет больший, чем Священному Писанию. Более того, она уверила себя, что Христос определил для Своей Церкви главенствующее положение среди

---

^a *Ibid.*, pp. 52,53.

^b *Ibid.*, p. 40.

^c *Ibid.*, p. 50.

властных структур этого мира и предназначил её для прославления Его имени посредством проявления такой власти и сопутствующего этому выставления на показ пышности, богатства и торжественности. Одна из её центральных догм заключалась в том, что Церковь в глазах небес настолько велика, насколько она пытается быть таковой в миру, и что она имеет в своём распоряжении Божью благодать, даруя её ко спасению тому, кому желает, и лишая её к проклятию того, кого хочет. Она предоставляет Папе главенствующее положение властвовать над всем домом и могуществом Бога.

Тот факт, что Кальвин написал *«Ответ кардиналу Садолето»*, означает, что он имел ещё достаточное желание защищать свою прежнюю паству.

Его захотели вернуть обратно, и постепенно стали настаивать на его возвращении. В октябре 1540 года, когда он была на диспуте в Вормсе, жители города послали к нему делегацию с конкретным приглашением от властей вернуться и принять служение в их городе.

Редко, когда приглашение на пасторское служение получают с такой большой неохотой. Он был убежден, что в произошедшем ранее виновата, в основном, Женева. Воспоминания об этом внушали ему страх: «Не проходило и дня, чтобы я по десять раз не желал смерти». Его вынужденное увольнение он считал единственным проявлением Божьей милости, ибо только священный долг своего призвания так долго удерживал его на этом поприще.^a Получив освобождение посредством такого милосердного Божьего избавления, кто мог обвинить его в нежелании заново погрузиться в «бездну и водоворот», которые, как он уже знал, были весьма опасны и разрушительны.^b В его письмах появляется чувство отвращения и отчаяния. Но он признаёт, что Божья воля часто идёт в противоречие нашим склонностям и личным интересам. Он испрашивал совета других и, когда понял, что должен вернуться, очень ясно это выразил:

---

^a Cp. C. L. to Pastors of Zurich, May 31, 1541; I.C.P., xliv.

^b C.L. to Farel, October 27, 1540.

Что касается предполагаемого характера моего поведения, вот что я сейчас чувствую; имей я в своём распоряжении выбор, не было бы ничего менее приятного для меня, чем последовать вашему совету. Но когда я вспоминаю, что не принадлежу себе, я отдаю своё сердце, убитую жертву в приношение Господу... Я подчиняю свою волю, а мои привязанности покоряются и сдерживаются в послушание Богу.^a

13 сентября 1541 года Кальвин вернулся в Женеву.

---

^a C.L. to Farel, August 1541.

ЧАСТЬ I

РЕФОРМАТОР И ЕГО ГОРОД

ГЛАВА 3

ЦЕЛЬ И ПЛАН

а. Растущее участие

Уилхельм Пок обратил внимание на то, что Евангелие всегда требует литургической, церковной и теологической формы, чтобы дать возможность его последователям как христианам участвовать в происходящей жизни Церкви и в движении истории, которые предназначаются для того, чтобы вводить почин и поддерживать. Однако в то же самое время ни одна форма христианства не может точно выразить содержание веры, и иногда наступает тот период, когда традиционные и укоренившиеся формы показывают свою непригодность для непрерывной жизнедеятельности Церкви и её служения в мире.^а

Такой период наступил в жизни Церкви в конце XV века, но сильное влияние Слова Божьего на Церковь во время Реформации дало ей возможность и, в действительности, вынудило её силой вырваться из старых форм, которые так долго ограничивали и мешали её жизни.

Как известно, процесс прорыва сквозь старые формы и структуры произошёл под влиянием Лютера, и Слово вновь была дана

---

^а W. Pauck, *The Heritage of the Reformation* (Beacon Press, 1950), pp. 135, 136, 142, 143.

свобода для созидательной деятельности. Но именно Кальвин сыграл ведущую роль в определении новых форм христианской литургии и христианской жизни, Церкви и жизни общины, которые теперь после заново открытого учения Библии и силы Духа стали возможны и адекватны для задачи и свидетельства Божьего народа в XVI веке.

Кальвин размышлял о подобных реорганизациях, когда вернулся в Женеву. Нет сомнения, что он представлял себе всю общину, как в её светской, так и в церковной жизни, преобразованной в то, что можно назвать христианским содружеством. В этом содружестве отвечающие за гражданское управление повинуются Слову и служат Христу в светской области не менее ответственно, чем те, кто занят в церковном управлении. Он был убеждён, что необходимо дать возможность силе Евангелия очистить, возродить и направить не только человеческое сердце, но и каждый аспект общественной жизни на земле: семейные проблемы, образование, экономику и политику. Христос желал видеть не только алтарь в сердце человека для его священнического служения, но и трон в центре всей человеческой жизни для его царского служения. «Священное Писание», как однажды сказал Джон Брайт, следует «ввести в законодательные акты Парламента».

Несмотря на такие твёрдые убеждения в причастности Евангелия к общественной жизни, Кальвин по возвращении в Женеву не намеревался или не хотел сам участвовать в гражданских делах. Его главной заботой в первую очередь, как, впрочем, и всегда, была реорганизация и жизнеспособность Церкви. Однажды он сказал о «рвении, которым должен пылать каждый истинный пастор», чтобы защитить чистоту Церкви и улучшить её благосостояние. «Любовь и беспокойство за Церковь», – говорил он, – «уносят меня в своего рода экстаз, так что более меня ничего не волнует».^a

Эти комментарии отражают его мысли по данному вопросу в 1541 году. В письме того года о трудностях, с которыми, как он знал, ему придётся столкнуться, он относится к своей будущей

---

^a *Comm. on Gal.*, 5:12.

задаче просто как о «надзоре за Церковью». ^a Прежде всего, он концентрирует внимание на создании «*Церковных ордонансов*» 1541 года, где в общих чертах объясняет, что необходимо для существования в городе истинной и жизнеспособной Церкви. В этих ордонансах (установлениях) он определил новый вид служения, требуемый внутри истинно реформированной Церкви. Вместе с «*Ордонансами*» он создаёт «*Катехизис Церкви Женевы*», чтобы заменить написанный им для Женевы катехизис ранее в 1537 году. В 1542 году Кальвин издаёт «*Форму церковных молитв и гимнов*».

Он всегда крепко придерживался мнения о том, что должность пастора лишает права её носителя занимать любую государственную должность, и он считал, что при нормальных обстоятельствах общественные и политические дела следует оставить мирянам. Христос наказывал, что «служения пастыря и государя не только не совпадают, но настолько различны, что не могут соединиться в одном лице». ^b

Однако к 1555 году, описывая своё призвание, он говорил: «Жизнь не дороже мне священных уз, к которым присовокупляется общественное благосостояние нашего города». ^c Теперь Бог расширил границы его служения. Он чувствовал, что Бог связал его как с Церковью, так и с «городом». К учительской и пасторской заботам прибавилось «общественное благосостояние». Он мог оправдывать такое развитие библейским прецедентом, потому что «Моисей соединял их в себе» (служение пастыря и государя) как проявление «чуда» Божьей силы и благодати. ^d Сам же Кальвин, тем не менее, учил, что, хотя частные лица и должны были удерживаться от вмешательства в общественные дела, они могли с готовностью взяться за такую деятельность, когда в ис-

---

^a C.L. to Viret, March 1, 1541.

^b *Наст.* IV, XI, 8.

^c C.L. to Nicholas Zerkinden, February 21, 1556.

^d *Наст.* IV, XI, 8.

ключительных условиях это происходило по велению высших властей.^a

Поэтому даже если высшие власти уже призвали его на должность богослова и пастора, они также приказали ему в исключительных обстоятельствах принимать активное участие в их политических и гражданских делах. Он уверился, что и это было Божье призвание.

Его участие в светских делах города началось сразу же после того, как он привёл в порядок церковные законы. Казалось также здравым то, что им следовало систематизировать и привести в порядок гражданское законодательство, и Кальвин, очевидно, был одним из самых компетентных людей Европы в решениях подобных задач. Его ввели в комитет, и он принял на себя большую часть работы, проявляя сильный практический интерес к деталям ежедневной деятельности городской администрации. Исследователей работы Кальвина в данной области поразили написанные им мемуары, раскрывающие его познания в политических делах, вопросах пожарной охраны, контроле над строительством, в вопросах защиты города, артиллерии, процессах торговли и др. Он отвечал за конечную формулировку указов. Поэтому женевская книга законов приобрела новый порядок и большую простоту. Сократились юридические процессы. Магистрат старался освободить Кальвина от других дел, чтобы способствовать его дальнейшей деятельности.

Скоро они стали использовать его дар как юриста и человека, способного вести переговоры, для решения застарелых пограничных разногласий с Берном. Позднее мы обнаруживаем, что он интенсивно втянут в ещё более сложные переговоры с Берном по поводу обновления важного договора.

То, что его работу высоко ценили, видно не просто из даров в виде старого вина, которое время от времени ему присылали, но и из отрывка в протоколе магистрата от 20 августа 1556 года: «Мэтр Кальвин, которого упросили отправиться во Франкфурт и попытаться разрешить проблему, возникшую в Церкви упомяну-

---

^a *Истм.* IV, XX, 23.

того города, для своей поездки потребовал отпуска из магистрата, который был ему предоставлен вместе с просьбой, чтобы он вернулся оттуда как можно скорее, и, если он желает, сопровождать его будет член магистрата и служащий города для его обслуживания».^a

Однако Кальвин понимал, что слишком большое участие в политике может навредить влиянию его как служителя Евангелия. Как будто чувствуя угрызения совести по поводу полной секулярности находящегося в его руках дела о пересмотре договора с Берном, в письме к Фарелю он признает, что «невозможно, чтобы религия смешалась с таким вопросом», но выражает надежду, что «откроется какая-нибудь щель, через которую она пройдёт».^b

В 1556 году, когда распространились кривотолки о том, что он, будучи служителем Церкви, уж слишком был впутан в такие дела, он объяснил свою позицию и опасения в письме Николасу Зеркиндену от 21 февраля того года:

Ты спросишь, почему мне следует вмешиваться в эти дела, не являющиеся моим собственным родом занятий и вызывающие ко мне огромную враждебность среди многих... Хотя я и редко вмешиваюсь в политические дела и все продолжаю делать это против моего желания, я иногда позволяю себе принимать в них участие, когда того требует необходимость... Я хотел бы иметь возможность потребовать своего освобождения. Но так как я вернулся сюда четырнадцать лет назад, когда Бог протянул мне Свою руку, люди настойчиво просили меня, и я не имел уважительного предлога для отказа. Я предпочёл приложить свой труд для усмирения проблем, а не оставаться праздным их зрителем.

Обсуждая участие Кальвина в гражданских делах, Оуэн Чадвик заметил, что «одной из самых горячих страстей его жизни была ненависть к общественному беспорядку».^c

---

^a Cf. C.L. vol. III, p. 291 (footnote).

^b C.L. to Farel, December 7, 1555.

^c O. Chadwick, *The Reformation*, Penguin, 1964, p. 82.

б. Дисциплина

Следует заметить, что его методы «усмирения проблем» в Женеве были скорее методами служителя Церкви, а не политика. В своих *Ордонансах* он предложил магистрату несколько практических улучшений в системе оказания помощи бедным и в заботе о городской больнице. Но он не старался создать план общественной реорганизации внутри самого города. Он никогда не предлагал никаких перемен, например, в самой запутанной системе организации магистратов в политической структуре города.^a

Его программу можно описать как программу общественного освящения, а не реорганизации общественной жизни. Прежде всего, необходимо было произвести перемены в личной жизни граждан Женевы. Этого можно было выполнить двумя средствами: через общественный порядок и посредством сакраментальной силы Слова Божьего.

Для Кальвина дисциплина была существенна, если люди должны будут жить вместе в любви. «Ни одно сообщество», – писал он, – «ни один дом, как бы малы они ни были, не в состоянии существовать без дисциплины».^b

Дисциплина внутри любой социальной группы (семьи, церкви, города или нации) означает, что устанавливаются определённые основные и высокие нормы нравственности и добродетели, которых каждый должен придерживаться. Эти нормы не нуждаются в постоянном и чётком определении и записях. Они становятся составной частью системы образования и в существующих идеалах семьи и домашней жизни. Они строго поддерживаются про-

---

^a «Генеральная Ассамблея» была собранием всех граждан города. Главы семейств регулярно избирали четыре «Синдика» и других членов для формирования «магистрата 25-ти», который занимался исполнительными и внутренними делами. Также жители города избирали «магистрат 60-ти», собиравшийся вместе с малым магистратом. Существовал, кроме того, ещё довольно значимый «магистрат двухсот», который являлся посредником между остальными магистратами и Ассамблеей.

^b *Наст.*, IV, XII, 1.

свещённым общественным мнением. Когда основные нормы не соблюдаются, к ошибающемуся человеку применяется поощрение, осуждение или, более прогрессивно, строгие санкции со стороны тех властьпридержащих, которые сами являются примером поведения. Таким образом, мы имеем то, что Эрих Фромм описывал как «заученную систему чувств и поступков», преобладающей внутри большинства в сообществе и создающий «общественный характер».^a Кальвину мы обязаны одной фразой: «формирование гражданского порядка».^b

Стремление Кальвина обеспечить распространение сильной традиции порядка внутри женевского общества объясняется как его заботой о благосостоянии отдельного человека, так и желанием создать образцовое общество. Из своего опыта и всего прочитанного он знал, что внутри самой церковной жизни усердие отдельного человека и сила его решений почти неизменно зависят от помощи и поддержки, которую может оказать ему христианское общество. Каждый человек, являющийся христианином, сотворён Богом так, чтобы «чувствовать побуждение» через «возбуждение другими», даже тогда, когда он пытается «побудить себя самого».^c То, что считается хорошим в церковной жизни, утверждает Кальвин, считается хорошим и в гражданском обществе.

Сила порядка, господствующего в обществе, конечно же, имеет своё максимальное влияние и эффект на отдельного человека, растущего в семье. Привычки разума, сердца и воли, приобретённые дома, создают пристрастие к здоровому общественному порядку.

Кальвин признавал, что такое проведённое в жизнь ограничение, налагаемое семейной традицией и общественными санкци-

---

^a Cf. Raymond Williams, *The Long Revolution*, Penguin Books, 1965, p. 63-65, 96,97.

^b *Наст.*, IV, XX, 2.

^c C.L. to the Brethren of France, November, 1559. В этом письме Кальвин берёт точно такую же ноту, какая была озвучена в «Onward Christian Soldiers»: «Ничто более не противостоит христианству, как наша чёрствость, когда Сын Божий зовёт нас в бой».

ями на внешнее поведение людей, иногда могло стать причиной «добродетели», маскирующей скрытое лицемерие. «Некоторых», – считал он, – «стыд, а других страх перед законом удерживает от того, чтобы предаться своим злым наклонностям, хотя нередко они и не скрывают дурных вожделений».^a Но в то же самое время он верил, что с помощью налагаемой дисциплины можно в действительности создать и улучшить добродетель. При таком порядке «иные считают, что достойный образ жизни им выгоден, и поэтому с большим или меньшим успехом его придерживаются». В конечном итоге, как указал Эрих Фромм, через внутренний «формирующий процесс» общественная деятельность отдельного человека начинает совпадать с его личными желаниями.^b

в. Сакраментальная сила Слова Божьего

Одновременно с общественной дисциплиной Кальвин придавал особое значение в жизни города и освящающей силе Слова и Таинств. Женевские власти, когда приглашали его вернуться, указали, что хотели бы, чтобы Слово Божье заняло центральное место в гражданской жизни. Это значит, что они поделились с ним взглядами на то, что все попытки улучшений в общественной жизни должны иметь основное вдохновение и источник силы в самом Евангелии.

Однако чтобы полностью принести Евангелие в жизнь города, как считал Кальвин, требуется не только проповедование, но и Таинства. Как известно, сила проповедуемого Слова даже без Таинств способна привести людей к вере и покаянию и, далее, изменить человеческую жизнь. Но и Вечеря Господня даёт нам Богом вместе со Словом, чтобы придать последнему силу и сделать для нас явным его тайное действие.

То, что он написал в «*Наставлении*» и других произведениях о силе Таинств, ясно даёт понять, что когда Кальвин смотрел на людей своего города-церкви, сидящих вокруг Святой Трапезы в

---

^a *Наст.*, II, III, 3.

^b Cf. Williams, *op. cit.*, p. 97.

Соборе Св. Петра и получающих Вечерю, он видел в этом действии источник истинной женеvской жизни. Людям давали, и они получали хлеб и вино, знаки Тела и Крови Христа. Этим внешним образом утверждалась тайна того, что Христос принадлежит им, и они – Христу. Явно совершённое Христом за Господней Трапезой не делало бесплодным присутствующих на ней. Поэтому то, что по вере получал каждый участвующий в Таинстве, а именно, прощение, новая жизнь и сила, могло стать наиболее мощным воздействием в том, чтобы изменить личный характер, а также общественную и семейную жизнь в городе.

Кальвин старался помочь каждому увидеть эту «тайну» Вечери так, как он видел её сам, понять её значение, принять любовь и силу, которые она приносит в их жизнь, и реализовать её нравственный смысл. В проповеди он часто ссылался на союз верующего с Христом, становящийся видимым на Вечери во вкушении хлеба и питии вина. Он также призывал людей принять её смысл и сделать её последствия реальными в своих жизнях. В первых статьях, касающихся сущности церковного служения, которые были представлены магистрату в 1537 году, Кальвин указал, что если граждане принимали участие в этом Таинстве, они должны были «торжественно обещать жить по христианским законам». Таким образом, в соблюдении Господней Трапезы он проводил в жизнь нравственные и социальные аспекты Евангелия.

д. Консистория

Поскольку Вечере Господней должно было придаваться такое важное и устойчивое положение в новой Женеве, Кальвин понимал, что необходимо было найти способ для сохранения её святости и тем самым жизнеспособности Церкви. Вечеря была бы осквернена и даже подверглась бы насмешке, если было бы позволено свободно и открыто потворствовать людям вести нехристианский образ жизни и, одновременно, свободно и открыто причащать их в Вечере Господней.^а Вечеря, предлагая Божью

---

^а *Наст.*, IV, XII, 6 и далее.

благодать, внушала и требовала истинного евангельского раскаяния и святости жизни. Не должно было выглядеть так, будто Христос кормил и поддерживал тех, кто настаивал на образе жизни, противоположном Его учению. В Новом Завете людей, живших в «явном грехе, сопровождавшемся открытым злословием», увещевали и обличали, а тех, чей образ жизни полностью противоречил Слову Божьему, отлучали от Церкви до тех, пока не они раскаивались.^a

Чтобы избежать такого открытого злословия и осквернения Таинства, в Церкви с ранних времён существовала традиция, что, давая элементы Причастия людям, священник должен был произносить слова наставления и предостережения, «святое для святого». Когда мессу отменили, и возникла новая форма Вечери Господней, обычай этот часто соблюдался, и служитель предупреждал у стола, что не готовые изменить свой образ жизни, не должны причащаться этим святым Таинством. Фарель уже ввёл подобную практику в Женеве, и Кальвин сотрудничал с ним.^b

Теперь Кальвин предложил в «*Церковных Ордонансах*» 1541 года, что в Женеве следует назначить суд, который будет иметь власть и право принимать решение в вопросах церковной дисциплины. Он должен был называться Консисторией. Его функцией является «такое духовное управление... которое наш Господь показал и установил Своим Словом».^c Поэтому в городе необходимо было сформировать «два порядка управления», на которые

---

^a *Насм.*, IV, XII, 3,4.

^b Ср. John T. McNeill's account of Farel's 1525 and 1533 liturgies in *The History and Character of Calvinism* (New York, 1962), p. 151.

^c Ср. *Насм.*, IV, XX, 2 и Calvin's *Ecclesiastical Ordinances*, 1541. Cf. R.C.P. p. 35. Ранее (в 1537 году) Кальвин просил, чтобы подобное управление совершалось «определёнными людьми благочестивой жизни и репутации из среды верующих». К 1541 году он решил, что существовало достаточное библейское доказательство того, что такое управление совершалось через служение, установленное Христом. Для более полной оценки важной роли, сыгранной Эколомпадием в реформатском мышлении по данному вопросу, смотри: Gordon Rupp, *Patterns of Reformation* (London, 1969), pp. 38-42.

Кальвин ссылается в *Наставлении*.^a Его мысли по данному вопросу нашли своё развитие в Страсбурге. В 1537 году он предложил, чтобы управление Церкви осуществлялось «определёнными людьми благочестивой жизни», назначаемыми магистратом. К 1541 году он обнаружил, что Христос в Церкви установил четыре различных служения: пасторы, учителя, пресвитеры и дьяконы.^b Теперь задача «духовного управления» внутри Церкви должна осуществляться пресвитерами, имеющими на это власть от Христа, так же, как и пасторы имеют власть для своего служения от Христа.

Поэтому консистория должна была состоять из пасторов и пресвитеров. Пресвитерами должны были быть двенадцать мирян, назначаемых магистратом для совместного действия с пасторами. В обязанности консистории входили такие задачи, как вызов, увещание или отлучение тех, чей образ жизни считался заслуживающим такого осуждения. Это должен был быть церковный суд, действующий внутри Церкви на основании власти Христа. Эколампадий, базельский реформатор, обрисовал идеал такого института в статье, которую он написал для Синода в Базеле в 1530 г. Он указал, что в то время как обязанностью гражданских властей является воспитание добропорядочных и благонравных граждан, задача Церкви – сделать людей христианами, и нельзя лишать её полномочий, необходимых для выполнения этого задания.^c Кальвин стремился именно к такому учреждению в Женеве: «Подобно тому, как ни один город или селение не может существовать без правителя и гражданского устройства, так и Церковь Божья... нуждается в определённом духовном устройении».^d

Задача пресвитеров состояла в том, чтобы «охранять жизнь каждого человека, дружелюбно увещавать тех, кто, по их мне-

---

^a Ср. *Наст.*, IV, XX, 1.

^b Ср. *Наст.*, IV, III, 6-9; *Ecclesiastical Ordinances*, 1541, R.C.P., pp. 35,36.

^c G. Rupp, *Patterns of Reformation* (London, 1969), p. 40; ср. также Jacques Courvoisier (*Bucer et Calvin*), in *Calvin à Strasbourg 1538-41*, pp. 50,51.

^d *Наст.*, IV, XI, 1.

нию, ошибается и ведёт непристойную жизнь», а при необходимости сообщать о них «Коллегии пасторов»,¹⁰ которая была уполномочена «назначать братское исправление и наказание, делая это в союзе с пресвитерами». Пресвитеров в то время выбирали из нескольких городских магистратов, «людей безупречных и вне любых подозрений, главным образом из тех, кто почитает Бога и обладает даром духовной рассудительности, и их избрание будет таковым, чтобы они находились в каждом квартале города».^a

Кальвин подчёркивал, что одной церковной дисциплины само по себе недостаточно для создания здорового общества. Ради нравственных и религиозных целей необходима была также общественная дисциплина, проводимая в жизнь гражданским магистратом с помощью законных гражданских санкций, которые должны отличаться от церковной дисциплины. «Церковь и светский суд весьма разнятся между собой. Церковь не посягает на права светских судей, а они не могут сделать того, что делает Церковь».^{b 11}

Введение дополнительного суда и, особенно, связь, которую проводил Кальвин между таким порядком и соответствием для допущения к Причастию, было, как указывает Джон Т. МакНейл, было беспрецедентно в городах, принявших Реформацию.^c

---

^a Cf. R.C.P., pp. 41,44.

^b *Наст.*, IV, XI, 3.

^c *Op. cit.*, p. 140.

ГЛАВА 4

РЕШАЮЩИЕ ВОПРОСЫ В СВЕТСКОМ ОКРУЖЕНИИ

а. Взгляд Кальвина на своё время

Кальвин верил, что благодаря силе Слова Божьего движение Реформации, лидером которого он был призван стать, будет иметь успех. Тем не менее, он никогда не недооценивал силу зла.

Он был убеждён, как и многие его современники, что в человеческой истории начался отсчёт последних дней. Вся окружающая его историческая обстановка указывала на проявление знамений, которые приведут ко второму пришествию Христа. Начальные события Реформации были прелюдией этому грандиозному финалу.

Он также был уверен, что последним антихристом, чьё появление непосредственно предшествует возвращению Господа, был Папа. Предыдущие антихристы, такие как некоторые из римских императоров, имели в своём распоряжении мало времени и ушли со сцены до появления более худшего. Но невозможно было представить какого-либо будущего злого чудовища, который в своём беззаконии и силе мог бы превзойти существующего, то есть Папу. Поэтому Кальвин верил, что во время, когда он сам был призван к работе, окружающие силы зла будут особенно активны, чтобы помешать его успеху.

В самом стиле и слогe письма, которое Кальвин послал 24 октября 1538 года Фарелю, можно найти ключ к пониманию некоторых его взглядов. Кальвин узнал о Куроле. Когда его и Фареля изгнали из Женевы, Куроль, их знакомый пастор, пострадал вместе с ними. До его высылки из города он был брошен в тюрьму. Позднее он стал пастором в Орбе и неожиданно умер. Ходили слухи, что его смерть произошла по причине того, что, будучи ещё в Женеве, он был отравлен своими врагами. Кальвин не-

вольно был готов поверить этой истории и ужасался «такому зверскому поступку». «Смерть Куроля так захватила меня, что я не могу сдерживать своего горя. Ни одно из моих ежедневных занятий не может настолько занять мой разум, чтобы я снова не возвращался к одной и той же мысли».

Страдание и отчаянная боль днём и меланхолические мысли ночью беспокоили и изводили его, подрывая его здоровье. Он размышлял о времени, в котором живёт: «До какой же степени зла должно прийти наше последующее поколение, если в самом начале перед нами встают такие чудовища?». Он уверен, что Бог всему свидетель и отомстит за злодейство, и всё подпадёт под Его справедливый суд. Но он выражает уверенность в том, что в этой темноте его окружает свет, готовый «освещать путь вперёд», представляющий собой скрытое царство Христа, даже если ему и Фарелю придётся «твёрдо отстаивать сторожевую башню до конца», чтобы увидеть его.^a

На протяжении всей своей жизни он постоянно думал о постепенно усиливающейся последней борьбе между светом и тьмой, между Царством Христа и силами зла, которые, как он считал, должны быть особенной чертой последних дней человеческой истории. Уничтожение английских протестантов во время правления Марии заставило его убедиться, что близок тот период вседозволенности, когда всё будет терпимо, кроме веры «тех, кто стремится в чистоте почитать Бога». И тогда Бога вынудят завершить историю этого мира, потому что даже Он не сможет найти на земле убежище для Своих детей.^b

Однако поразительный успех Реформации во многих местах был знаком и следствием триумфа Слова Божьего над этими духовными силами тьмы. Действительно, проповедование Евангелия в те дни было для него подобно второму пришествию самого Христа в Церковь. Он считал, что это событие напрямую связано с окончательным пришествием. Как солнце рассеивает тьму ночи,

---

^a C.L. to Farel October 24, 1538.

^b C.L. to Coligny, September 4, 1558; to Valeran Poulain, August 27, 1554.

так Христос «рассеивал тьму» антихриста «светом, который Он будет излучать до Своего пришествия». ^a

Но прежде чем Христос полностью проявит Своё присутствие, Он хочет, чтобы Церковь перестроилась и возродилась для того, чтобы влияние Реформации дошло до своей высшей точки и полного осуществления. Во время первого пришествия Христа действие Царства Божьего проявило себя в «общем распространении божественного учения во всех направлениях» по всему миру, несмотря на императоров-антихристов. Кальвин надеялся, что Церковь даже в эти последние дни получит «определённую степень почитания после выхода из мрака». ^b

В толковании многих ветхозаветных пророчеств он раскрывает свои мысли о значении времени, в котором живёт, и о самой задаче перестройки Церкви. Когда он сталкивался с отрывками, говорящими о том, как Бог собирается возродить Свой народ для славы, свободы и новой жизни, он, прежде всего, старался найти соответствующие тексту обстоятельства в самой истории Израиля. Затем он пытался показать, как то же самое пророчество исполнилось в раннем христианстве, когда после смерти и воскресения Иисуса младенческая Церковь в полной силе и красоте начала свой путь в новую эру христианства. Сказав это, он делал ещё один шаг вперёд и заявлял, что события его времени действительно являются «теми последними тридцатью годами», которые представляют собой исполнение величайших обетований, сказанных столетиями ранее. ^c Поэтому даже при близости вечности

---

^a *Comm. on 2 Thess.*, 2:8-9; ср. *Comm on 1 John*, 2:18-19. В Реформации Кальвин видит своего рода откровение Христа, предназначенное предшествовать Его окончательному явлению. Ср. Н. Quistorp, *Calvin's Doctrine of the Last Things* (London, 1955), p. 122.

^b *Comm on Dan.*, 7:23-24.

^c Ср., e.g., *Comm on Isa.*, 66:8: «В какой-то мере всё это было исполнено тогда, когда люди вернулись из Вавилона. Но в Евангелии даётся более яркое свидетельство, оглашение которого сразу же привело к многочисленным и разнообразным результатам. Разве мы не видим исполнение этого пророчества в наше собственное время? Скольких детей Церковь не породила за последние тридцать лет?».

Бог удерживает конец мира, чтобы в земных делах проявить силу Своей власти и дать своему народу место и время для перестройки Церкви, чтобы создать и исполнить планы, увидеть прогресс и испытать успех.

Во всех событиях современной истории Церкви Кальвин видел, что вся работа Бога подчинена одной главной цели – преобразованию всей Его Церкви и возрождению её славы и единства, которые она потеряла. Всё было готово для окончательного пришествия. «Мы можем с надеждой ожидать пришествия Христа в любое время».^a Однако последний день «зависит не от течения настоящего времени, а от Божьего вечного установления».^b Силы зла вселенной создавали такие неистовые потрясения в общественных и международных делах именно потому, что Царство Божье своим давлением стремилось их разрушить. Напуганные своим угасанием, они набрасываются в отчаянной отступательной ярости.

Поэтому Кальвин ожидал увидеть торжество Евангелия среди неистовых потрясений своего времени. Во многом он мог пойти на компромисс, но не с ликующим злом. В «*Наставлении*» первая из его многочисленных нападок на человеческую природу направлена против нашего внутреннего стремления принять окружающее нас как окончательное и определённое, «ограничить свой разум человеческой испорченностью», чтобы довольствоваться «тщетной праведностью» вместо обращения к реальности, чтобы просто радоваться тому, что всё вокруг не так плохо, как могло быть.^c Он надеялся на прогресс. Он ждал результатов, которые разрушат все человеческие ожидания, заслуживающие только одного комментария: «Это – от Господа, и есть дивно в очах наших».^d

Прошедшая история самой Церкви – её подъем через воскресение Христа, знаменательное свидетельство чудесного действия

---

^a *Comm. on I Pet.*, 3:9-10, *Comm. on I John*, 2:18.

^b *Comm. on I Pet.*, 3:5-8.

^c *Наст.*, II, I, 1.

^d Пс. 117:23.

божественного провидения в её делах в критические периоды – утвердили Кальвина в этом убеждении. Пришло время для того, чтобы это произошло опять и с ещё большей силой и даже в большем масштабе. В своих письмах он снова и снова настаивает на том, что во всём этом развитии действует Бог. Должны были произойти события «чудесные и выше человеческого понимания». «Следует понять правильно, что во все времена для Бога было обычным делом чудесным образом и без человеческой защиты сохранять Свою Церковь». «Так же, как Он делал это от начала мира, Он сохранит чудесным и неизвестным для нас способом единство веры». «Восстановление Церкви – это Его дело».^a

б. Женева вершит историю

Чудо «нечеловеческого понимания» произошло в Женеве. Когда его пригласили вернуться, чтобы стать их пастором, феодальный совет писал ему: «Мы весьма искренне просим, чтобы вы переехали сюда к нам и вернулись на своё прежнее место и служение. И мы надеемся, что с Божьей помощью это будет очень полезно и плодотворно для усиления святого Евангелия».^b Большинство из них дожили до его переезда. Спустя чуть менее двадцати лет усиленного труда, планирования, молитв, проповедования, конфликтов, недопонимания, страданий, сотрудничества, образования, благотворительности, политических советов и помощи Женева стала, как описывает Дж. С. Нил, «богоугодным обществом в рабочем состоянии»^c, и, как сказал Джон Нокс, вторя мнению многих других, «совершеннейшей школой Христа с апостольских времён». Дж. Д. Хендерсон описывает, что особенно поразило шотландского реформатора во время его посещения Женевы: «В то время как в других местах действительно проповедовали Слово, нигде так искренне не изменилось поведение и

---

^a Cp. C.L. to Somerset, October 22, 1548; to Musculus, April 21, 1547; to Cranmer, April 1552; To Edward VI, December 25, 1550.

^b On October 22, 1540; cp. C.L., vol. I, p. 190 (footnote).

^c J. E. Neale, *The Age of Catherine de Medici* (London, 1943), p. 22.

религия. Кальвинизм считал Иисуса Христа не только Истиной, но и Путём и Жизнью: он предполагал не просто систему принципов, но образ жизни, не только город слушателей или даже верующих, но христианский город».^a

Успех Кальвина в Женеве дал ему статус, с позиции которого он мог исполнять внутри Реформации тот тип руководства, который имел Лютер в зените своей славы. Такое руководство было острой необходимостью. В Германии к концу жизни Лютера его труд, казалось, не выдерживал того, что Батерфилд называет «гравитационной силой истории», которая стремится разбить самые возвышенные мечты человека.^b Радикально левые, выглядевшие безобразно и опасно, хотели нажать на развале власти, которая всегда держала их в руках. Светские князья, вначале защищавшие и поддерживавшие движение, мешали его развитию там, где чувствовали угрозу своей власти. Рвение к преобразованиям уступило место консерватизму и условностям. Богословы стали более важны, нежели пасторы и евангелисты, что выражалось в их разногласиях по поводу «бешенства», для освобождения от которого Меланхтон молился на смертном одре.

Однако движение все ещё имело большой потенциал, и в землях за пределами Германии его влияние по-прежнему распространялось с той же преобразующей и обновляющей силой, которую оно ранее проявило в Германии. Шотландия, Франция, Нидерланды и Польша ещё должны были попасть под его влияние. Когда такое распространение произошло, Кальвин смог по-

---

^a G. D. Henderson, *Presbyterianism* (Aberdeen, 1954), p. 59; cp. Paul Henry, *The Life and Times of John Calvin*, vol. I (London, 1849), p.364.

^b H. Butterfield, *Christianity and History* (London, 1949), p.38; cp. J. Atkinson, *Martin Luther and the Birth of Protestantism* (Pelican Books, 1968), p. 244. «Движение Реформации более не было духовным или религиозным движением, руководимым сведущими богословами и поддерживаемым ищущими Бога мужчинами и женщинами. Медленно, но верно оно затмевалось современными ему политическими, общественными и культурными движениями того периода времени»; cp. p. 328; также G.R. Elton, *Reformation Europe, 1517-1559* (London, 1963), p. 173 и J. E. Neale, *op.cit.*, pp. 13-14.

средством своего служения осуществить из Женевы мощное и стимулирующее руководство.

Находясь в Женеве, он по-разному оказывал влияние на расширяющийся христианский мир. Были важны его произведения. Три раза он пересматривал и расширял *«Наставление»*, пока даже при жизни Кальвина его не стали считать одним из величайших учебников по богословию в истории. Проходили годы, и постепенно он создал знаменитое собрание библейских комментариев, затрагивающих большую часть Ветхого и Нового Заветов. Обычно он читал серии проповедей по различным книгам Библии. Многие из этих подробнейших и практических комментариев на тексты Писания были напечатаны для широкого распространения.

Он посещал экуменические конференции и находился в переписке с ведущими богословами. Казалось, он никогда и нисколько не уставал и не боялся вступать в происходящую вокруг него какую-либо важную полемику, а когда узнавал, что где-то люди сталкиваются с острыми проблемами, трактаты из-под его пера утешали их в гонении, поддерживали в борьбе, предупреждали об опасностях и искушениях. Свои советы и личную заботу о людях он выражал в сотнях писем, которые расходились по всему миру и прочитывались не только теми, к кому были адресованы, но и многими другими. Люди приезжали к нему в Женеву за советом, и город становился приютом от гонений для беженцев со всех концов земли. Наконец, сюда со всего мира приезжали студенты, чтобы получить наставление в евангельском служении.

Однако влияние Кальвина в XVI веке объяснялось не только его произведениями, советами и преподаванием, но и тем, что сама Женева находилась под его влиянием. Сегодня поставленный в тупик пастор обнаруживает, что большая часть из написанного специалистами и предоставленного в качестве рекомендации материала даже на радостных (heart-warming) церковных конференциях, в действительности не подходит к его собственному приходскому служению. Однако Кальвин вместо написания *«Утопии»* фактически создал её в Женеве. Он осуществлял свои идеи в церковных и даже политических установлениях. Он ока-

зывал влияние на отдельных людей, которых мог встретить, когда те расхаживали по городу. Женева сама, потому, стала фактом громадного значения. Она привлекала людей, которые посылали сюда своих детей, чтобы те попали под её влияние. И они верили, что могут иметь подобное и там, где сами жили и работали.

в. Приходское окружение

Знаменательно, что достижение, доказавшее свою важность в мировой истории, было выполнено в рамках городка в несколько тысяч жителей человеком, который часто был целиком поглощен многочисленными приходскими, а иногда и незначительными светскими делами. Правда, Лютер, как и Кальвин, имел сравнительно маленькую арену для своей деятельности в приходе города Виттенберга. Но, судя по всему, он чаще, чем Кальвин, путешествовал за границу, и в решающий момент его жизни фон, на котором развёртывались события, приподнимался, чтобы показать, как он принимает драматическое решение перед императором, князьями и прелатами мира, а за тем, что должно произойти, беспокойно наблюдают Папа и остальные кардиналы. Свидетелем соответствующих величайших моментов в деятельности Кальвина была только его местная община в провинциальной церкви. Его важные решения принимались тогда, когда его вызывали в местный магистрат для исполнения предписаний последнего или чтобы дать им совет. «История женевской реформы», – писал Марк Паттисон, – «может научить нас, как незначительные перебранки муниципального совета могут облагородиться в одну из наиболее важных глав в истории цивилизации».^a

Временами Кальвин чувствовал себя стеснённым. В письме, которое он написал тогда, когда обнаружил, что слишком занят из-за своей привязанности к делам общины и дома, есть один разъясняющий отрывок. Он выражает некоторую досаду, что временами не мог удовлетворить своё стремление к выполнению

---

^a *Calvin at Geneva*, 1858. Reprinted in *Essays*, 1889; см. pp. 27 и далее – цитируемые R. Carew Hunt, *Calvin* (London, 1933).

работы, имеющей, вероятно, более экуменическое значения. «Что касается моих комментариев к книге Бытия, то, если Господь продлит мою жизнь, и у меня будет достаточно свободного времени, я, вероятно, возьмусь за эту работу. Однако моей главной заботой должно быть исполнение моей жизни и своего нынешнего призвания. Если обстоятельства будут также благосклонны, я буду жить ради последующих поколений. Я был бы рад написать более, но моя жена больна, и потому мысли мои расстроены».^a

Понятно, чему он придаёт первостепенное значение: «исполнить... своё нынешнее призвание». В его дневнике были указаны венчания и крещения, которые надо было провести, встречи с прихожанами, необходимые визиты, случаи наказания, некоторые из которых были важными, но большинство – незначительные, которые следовало определить, собрание консистории и «коллегии» пасторов, которое необходимо было посетить. Он должен был воздействовать на членов магистрата перед следующим заседанием городского совета и работать над пересмотром правового кодекса города. Он должен был проповедовать в ближайшее воскресенье и ещё три раза на будущей неделе. В данное время он должен был уделить внимание своей больной жене... и, тем не менее, «я был бы рад написать более».

Однако если захотеть, то можно усмотреть в этом руку Провидения. Хотя он, возможно, не осознавал её в то время, это было именно так из-за большого внимания, которое он уделял нуждам своего прихода, и из-за того, насколько полезен он был как руководитель Церкви и очень важен для «последующих поколений». Его произведения и комментарии создают впечатление учителя, всегда близкого к жизни и с постоянной пасторской заботой, что полностью возвышало его над уровнем чисто академических результатов, которые даже тогда достигались слишком просто.

Элтон говорил о «неисчислимо-плодотворном соединении человека и места».^b Мензис обратил внимание на то, что только в Женеве могла осуществиться попытка Кальвина создать христи-

---

^a C.L. to Farel, July 1542.

^b *Op. cit.*, p. 222.

анское общество. В других швейцарских городах власти окончательно взяли в свои руки управление религией. Только в Женеве была вероятность более гибкой и свободной ситуации.^а

Обстановка в Женеве была не только гибкой, но и очень символичной. Существовавшие здесь культурные, политические и церковные проблемы были в точности теми же, что господствовали в жизни какого-либо европейского сообщества. Поэтому хотя арена действия была довольно небольшой, решения, намерения и борьба Кальвина от начала и до конца имели ценность для всего мира. Можно утверждать, что Женева была как раз размера, необходимого для свидетельства, которое должен был дать ей Кальвин, и для той работы, которую ему предстояло выполнить. Женева была достаточно большим городом, чтобы соединять людей разных слоёв общества и самого разнообразного образа жизни. Городская аристократия, средний класс и беднота – все присутствовали там: торговцы, ремесленники, рабочие, учёные, лавочники, земледельцы, бывшие дворяне, мелкие дельцы, религиозные и нерелигиозные люди, большое разнообразие сомнительных людей «узкого круга», представленных определенным возрастом, а также преступники и проститутки. Женева была достаточно большим городом для микромира, в котором хорошо отражалась жизнь всего мира времён Кальвина.

Одновременно Женева была и достаточно малым городом, чтобы дать возможность своим правителям и пасторам осознать силу и настойчивую необходимость того времени. Они имели все когда-либо происходившие в мире проблемы. Проблемы, которые имели люди, живущие вместе. Кальвина, приехавшего из Франции, должно быть часто угнетала мелочность того масштаба, на котором велись дела в его приёмном доме, и, возможно, подсознательный отголосок этого присутствует в сказанном им однажды относительно своего самого сильного и влиятельного женеvского оппонента Ами Перрина: «Наш смешной Цезарь». Но в действительности этот город дал ему возможность сохранить близкое восприятие жизни своим разумом и сердцем, пока он

---

^а A. Menzies, *A Study in Calvin and Other Papers* (London, 1918), p. 160.

пытался продумать до конца христианские способы разрешения человеческих ситуаций. И тем самым это место предотвратило его от того, чтобы довольствоваться использованием машинальных, денежных или просто юридических решений.

Поэтому Женева, казалось, особенно подходила для той работы, которую он должен был выполнить. «Деревня или посёлок», – говорил де Токвевиль, – «это единственное сообщество, которое настолько естественно, что где бы ни собиралось какое-то количество людей, оно, кажется, создаёт самоё себя. Местные собрания граждан составляют силу свободных наций. Городские собрания необходимы для свободы так же, как начальные школы для науки: они делают её доступной для людей и учат их, как её применять и получать от неё удовольствие. Нация может учредить систему свободного правительства, но без понимания муниципальных образований она не может иметь дух свободы».^a

г. Книга для консистории: доскональность или тривиальность?

Кальвин ссылается на дела в Женеве в письме, написанном в феврале 1545 года, в котором он выражает некоторое разочарование по поводу, как множества, так и сложности проблем, с которыми он столкнулся: «Уже почти в десяти проповедях я обращался к обстоятельствам внутригородского положения. Однако для чего мне входить в этот лабиринт?».¹²

Во множестве случаев, представленных на рассмотрение в консистории, часто в трогательных, а иногда замысловатых личных подробностях, Кальвину, временами, должно быть, виделся запутанный аспект этого женевого «лабиринта» горечи и не-

---

^a*Democracy in America*, World Classics Edition, pp. 56-7. Walter Ullman (в *History of Political Thought: The Middle Ages*, Baltimore, 1965) указал, что более реалистично найти источник развития традиции демократической свободы в Англии в деревенских собраниях феодального периода, нежели в занятиях, подобных Великой хартии вольностей.

удовлетворения, официальной мелочности и недоверия, в котором он склонен был чувствовать себя таким потерянном.

Записи консистории, начиная с 1542 года и далее, показывают, что она занималась^а розыском, вызовом и предупреждением тех, кто пренебрегал посещением Церкви. Она имела дело с несоответствующим поведением в Церкви, таким как смех во время проповеди. Она осуждала тех, кто критиковал проповедь, и тех, кто в разговоре отрицал принятые доктрины веры. Она выносила приговор в случаях богохульства, проклятия, клеветы, обмана, владения книгами, которые считались вредными для чтения, а также пения непристойных песен. Она рассматривала случаи суеверий: о людях, ходивших к гадалке, о тех, кто носил суеверные амулеты и предлагал лечить новыми странными средствами, и о тех, кто вернулся к римским обрядам. Она стремилась предотвратить нежелательные браки.

Перед ней представляли люди, играющие в карты в воскресенье, и в кости в любой день недели, те, кто организовывал у себя дома неприличные танцы, кого обвиняли в обжорстве, пьянстве, блуде, супружеской измене или противоестественных пороках. Она стремилась контролировать имена, которые родители давали своим детям, запрещая те из них, которые были языческими или вызывали нежелательные ассоциации, и предлагая вместо них библейские. Она вмешивалась и давала советы в тех семейных конфликтах, которые становились причиной для открытых сплетен. Она относилась с неодобрением к расточительности и нарушению приличий.

Своей властью она увещевала, осуждала и отлучала людей. Они отсылались к городскому магистрату, который исполнял принятый приговор, такой как, например, содержание в тюрьме на хлебе и воде.

Подобные судебные разбирательства в Женеве нам следует оценивать в свете традиций того времени. Во многих европей-

---

^а О судебных делах консистории см. С.О., 21:289ff. Справедливая оценка дана, например, в Н.У. Reyburn, *John Calvin, His Life, Letters, and Work* (London, 1914), pp. 117ff, и Carew Hunt, *op. cit.*, pp. 149f.

ских обществах нравственность граждан контролировалась подробными инструкциями. Везде были законы, запрещающие сквернословие и богохульство, неумеренность и расточительность в одежде, пище и питие. Нельзя было организовать частную вечеринку в своём доме без соблюдения правил, иначе возникли бы проблемы. Однако особую бдительность вызывали общественные развлечения. Некоторые властьпридержащие и вовсе запрещали танцы. Другие контролировали их, ясно определив «приличные».

Женевские документы показывают, что в городе хорошо исполнялись такие законы. Людей часто изгоняли за совершение прелюбодеяния, а суровые наказания налагались за то, что сегодня мы не считаем преступлением. Давление законов, контролирующих незначительные проступки, иногда ослабевало, а предписания строго применялись только в перемежающиеся периоды. Иногда Церковь и гражданские власти объединялись в этой особой нравственной кампании. В весьма беспокойный 1459 год кафедральный капитул выпустил новые постановления, рассчитывая на то, что городские магистраты окажут ему помощь в проведении их в жизнь. Проституток изолировали и держали под контролем. Особо суровым нападкам подвергались азартные игры, потому что все остальные беспорядки в основном имели в своём основании карты и кости. Тех, кто возводил хулу на Бога, Деву Марию или святых, заставляли вставать на колени там, где они согрешили, обнажать голову, ломать в отчаянии руки, просить прощения и целовать землю в знак раскаяния.

Когда в город прибыл Фарель, и начала устанавливаться Реформация, дела вновь ухудшились. Современная оценка, сделанная Фроменом касательно поведения монахов в Женеве, показывает, что когда те покинули город, «они оставили после себя большое количество нравственной грязи».^а Женевский магистрат просто вернулся к прежней практике ужесточения порядка. Женщин, одевавшихся на своё венчание слишком роскошно, а их «волосы ниспадали ниже, чем подобает», сажали в тюрьму. Иг-

---

^а Reyburn, *op. cit.*, pp. 122,123.

рока в карты выставляли на осмеяние к позорному столбу, а карты развешивали вокруг его шеи. Нарушающего супружескую верность, прежде чем изгнать из города на год, проводили по улицам вместе с его любовницей. 28 февраля 1536 года магистрат вывесил в тавернах предупреждение, запрещающее богохульство и продажу спиртного после девяти часов вечера каждого дня или во время проповедей. Кальвин ещё не приехал, тогда как всё это уже происходило. Поэтому мы не должны винить человека за окружение, в котором он родился.^a

Очевидно, большинство ответственных людей в Женеве в то время одобряло всё, что делала консистория. Кальвин никогда не осуществлял контроль над ней. В отправлении наказания он целиком зависел от некоторых членов различных городских магистратов и ведущих граждан города. Конечно же, он никому ничего не мог диктовать. Т. М. Паркер указывает, что окружавшие его швейцарский бюргеры обычно не являлись подданными монарха, но имели большой «опыт самоопределения».^b

Действительно, существует доказательство того, что иногда Кальвин, возможно, проявлял слабость и допускал, чтобы его политику диктовали пуританские рвения тех, то имел более ограниченные по сравнению с ним взгляды.

Например, в июле 1546 года он поддержал постановку пьесы моралите с названием «Деяния апостолов», которую написал Абель Пупин, один из служителей. Для просмотра пригласили Вире. Но другой служитель Мишель Коп в проповеди сказал, что «женщины, которые взойдут на сцену, чтобы играть этот фарс, будут бесстыдными существами». Возникла суматоха, в которую неизбежно был вовлечён Кальвин. Он защищал Копу, хотя и осуждал его за неосторожное действие. Хотя статисты и сказали, что уважают Кальвина, и хотели разобраться с Копом сами, Кальвин настаивал на твёрдом сплочении всех пасторов, пока не стало

---

^a Для информации о случаях наказания в Женеве до приезда Кальвина и ссылки на *Registrar of the Council* смотри, например, в John T. McNeill, *op. cit.*, p. 135 и Carew Hunt, *op. cit.*, p.67.

^b *Christianity and The State in the Light of History* (London, 1955), p. 156.

понятно, что Коп совершил ошибку в исполнении своих обязанностей, ибо, очевидно, на карту была поставлена свобода Копы проповедовать свои убеждения. Абель Пупин с помощью Кальвина смог успокоить актёров. Пьеса продолжилась. Вире помог усмирить тех, кого Кальвин многозначительно назвал «нашими неистовыми друзьями». Сенат невозмутимо находился на стороне служителей. Результатом этого дела было то, что пьесе после короткого показа, наконец, сняли «до более благоприятных времен».^a Джон МакНил так комментирует этот случай: «Таким образом, Кальвин непреднамеренно способствовал подавлению драмы».^b

Можно утверждать, что подобным образом он содействовал даже тому, что временами ему должно было казаться граничащим с тривиальностью и законничеством в дисциплинарном процессе. Он не пытался изменить его строгость даже после того, как его положение в Женеве стало безопасным. Говорят, что в 1558-1559 годах было 414 судебных разбирательств, подобных вышеупомянутому.^c

Обычно Кальвин старался не углубляться в то, что сам считал тривиальностью. В богословии он всегда задерживался только на важных и центральных темах и отказывался сворачивать в сторону сложных дискуссий на побочные темы. В церковных церемониях он ненавидел загромождение службы незначительными обрядами и отказывался вовлекать себя в слишком большую полемику по поводу таких мелочей. Поэтому следует сделать вывод, что в его разуме подобные аспекты дисциплины имели некую особую значимость.

Путеводную нить можно найти в том, что Кальвин считал личным освящением отдельного человека. При этом личная совесть часто отказывается считать банальным то, что игнорируют другие. Более того, следуя общему направлению реформаторской мысли, Кальвин выступал против различения простительных и смертных

---

^a Ср. C.L. to Farel, July 4, 1546.

^b *Op. cit.*, p. 167.

^c Henry, *op. cit.*, p. 448.

грехов. «Нет такого даже малейшего нарушения, которое бы не посягало на власть Заповедавшего как таковую», – писал он. «Пусть дети Божьи... признают, что всякий грех – смертный».^a Он критиковал «бессодержательное различие», согласно которому определённые грехи более простительны, чем другие, и поэтому могут быть искуплены более лёгким способом. «Те, кто довольствуется малозначительными делами милосердия, презирают справедливость Бога».^b

Он безусловно верил, что зачастую даже в явно незначительных решениях дел, касающихся личной нравственности, человеческий характер раскрывает себя, показывая, какой он есть на самом деле, и сам решает свою судьбу. Нет ничего тривиального, если это что-то способно отразиться на человеческой совести. Кальвин был уверен, что жизнеспособность и счастье городка, подобного Женеве, зависели от правильного решения множества мелких дел.

Применение Евангелия в жизни означало его подробное применение. Современные общественные лидеры и политики часто укрываются от отрезвляющего соприкосновения с такими подробностями ширмой огромной бюрократии, за которой они могут удобно спрятаться, разговаривать и составлять грандиозные планы. У Кальвина не было такого укрытия. Зачастую он сам должен был вместе с дьяконами и пресвитерами доходить до сути того, как жили люди, и в чем в действительности состояла проблема. В проведении наказания у него была пасторская цель. Легко выставить на осмеяние местных пресвитеров, в то время как они пытались сделать всё возможное для охраны своего стада. Можно назвать их «доносчиками», обвинить в том, что ведомые мстительными или похотливыми мотивами они совали нос в семейные дела, когда узнавали о неприличном поступке. Но в Женеве было много случаев зверского избиения жён и такой же жестокости в отношении детей, случаев, последствия которых сегодня часто становятся причиной открытого общественного

---

^a *Наст.*, II, VIII, 59.

^b *Наст.*, III, IV, 27,28.

протеста, когда наши современные социальные службы не достаточно внимательны. Следует помнить, что в этом деле Кальвин занялся выявлением случаев нищенского положения и оказанием помощи, а также раскрытием случаев нравственного падения, и в этих последних случаях он особенно заботился о том, чтобы наедине оказывать провинившимся пасторскую помощь.

Его цель была позитивной. Протоколы консистории показывают только негативную сторону городского порядка. Программа Кальвина включала активное поощрение благой жизни через возвеличение добродетели.^a Он призывал отцов города не слишком поглощаться «законом и порядком». Они существовали для того, чтобы устанавливать и сохранять хорошую систему общественного образования, поддерживать здоровую культуру и создавать путём регулирования обстановку для правильных общественных отношений. Он верил, что добрые нравы можно создать с помощью правильного законодательства и правильной общественной организации. Его эксперимент доказал, что люди, которым растолковывали добродетельный образ жизни, в конечном счёте отдавали предпочтение добродетели, а не пороку.

Мы подумали, что лучше всего сначала рассмотреть всю деятельность Кальвина на фоне Реформации, а затем оценить его как человека. Будет справедливо, читая его установления о браке, отметить, что его взгляды и постановления, которые он пытался провести в жизнь, были поистине прогрессивны и свободны от предрассудков. Например, он настаивал, что у родителей нет права принуждать своих детей вступать в брак. Он учил молодых людей отстаивать свою свободу, когда в этом деле на них оказывается давление извне. Он утверждал (помня при этом 5-ю главу Послания к Ефесянам), что «хотя в древние времена было иначе», сегодня в браке «жена не более подчинена мужу, чем муж жене».^b

---

^a Цель наказания должна была поощрять добросовестность, отдавая «должную честь добродетели» так же, как и сдерживать различными мерами греховность. Ср. *Наст.*, IV, XX, 9.

^b Cf. R.C.P., pp. 73, 77.

ГЛАВА 5

БОРЬБА ЗА «ДУХОВНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»

а. Источники напряжения – «либертины»

Женевская аристократия включала в себя некоторые ведущие древние фамилии и некоторых из разряда нуворишей. Они были очень тесно породнены в результате смешанных браков. Многие из них были ранее активными сторонниками Реформации и радужно поддерживали решение по возвращению Кальвина из изгнания. Возможно, они думали, что пока он будет повсеместно осуществлять многочисленные и желаемые улучшения в городской жизни, он оставит их в покое. Но они обманулись в своём человеке. Кальвин ко всём относился одинаково, независимо от их положения и статуса. «Могущественные цари» – писал он, – «не должны считать за бесчестье смириться и преклонить колени перед... Царём царей».^а

Эта группа граждан вместе со своими сторонниками была могущественна как политическая сила, потому что обладала семейным статусом, предоставленным им согласно традициям города, и потому что оказывала сильное влияние на различные магистраты. Стало обычным в книгах о Женеве называть их «либертинами».

То, что мы читаем в исторических записях того времени, создаёт об этих людях жалкое впечатление. Ами Перрин, их руководитель, единственный сын в семье разбогатевшего лавочника, был человеком некоторых способностей и достоинства, но слишком большой бравады и неуравновешенности, предпринявшей, в конечном счёте, его падение. Перрин был женат на дочери Франсуа Фавр, «старейшего государственного деятеля» этой группы.

---

^а *Наст.*, IV, XII, 7.

Фавр так сильно любил прелюбодеяние, что это приводило к открытому скандалу. Думерг полагает, что у них всех было очень необразованными людьми, и атмосфера, в которой они жили, помешала их интеллектуальному развитию. У них не было жизнеспособной программы, и они чрезмерно развили протестующий склад ума. Высокомерие, с которым они выступали против законных постановлений, и отсутствие самоконтроля при наказании, вызывали к ним вместо симпатии только лишь отвращение.

Женщины из их круга, когда их вызывали в консисторию за непристойное поведение и отстаивание права на танцы, всегда оказывались более искусными, даже в сравнении с Кальвином, в спонтанном и оскорбительном красноречии и, конечно, имели более широкий выбор образной лексики, чем он сам осмеливался употреблять. Они спорили публично. Жену Перрина за буйный скандал со своей свекровью пришлось посадить в тюрьму.¹³

Они не возражали отвечать перед городским магистратом, даже если их осуждали и заключали в тюрьму согласно тем старым женеvским законам, за которые сражались и гибли их предки. Однако на Кальвина они стали смотреть как на выскочку-иностранца. Новый суд, введённый Кальвином, они считали неполномочным. Они стали определённой оппозиционной партией против сторонников реформатора в городе.¹⁴

б. Источники напряжения – магистрат

Помимо либертинов многих членов женеvского магистрата заботило то, чтобы удерживать Кальвина в городе как можно дольше, но удерживать на своём месте и на расстоянии. Вскоре Кальвин понял их настроения и мудро себя сдерживал. Когда в 1541 году он предложил магистрату свои планы по реформированию Церкви, он понял, что они хотели контролировать назначение новых пасторов. Они не одобрили ординацию через рукоположение. С подозрением были восприняты и его предложения о том, что служители должны собираться раз в три месяца для взаимной проверки своего поведения. Он должен был заверить их, что ничто из предложенного им не ограничит право магистрата-

та. Естественно, они были осторожны, ибо он был не только пастором, но и иностранцем. Потребовалось много лет, прежде чем они изменили своё мнение, выраженное в протоколе от марта 1538 года: мэтру Г. Фарелю и мэтру Кальвину недопустимо быть вхожим в магистрат! Десять лет спустя, когда они узнали, что мэтр Кальвин «с большой раздражительностью проповедовал, что магистрат допускает много наглости», было «принято решение вызвать его в магистрат, чтобы узнать причину, побудившую его к таким словам».^a Они не хотели, чтобы он слишком много знал о действиях властных структур. «Я чужой в этом городе», – писал Кальвин даже в 1556 году, – «потому что каждый день я слышу, как люди самого низкого положения обсуждают то, что совершенно мне незнакомо».^b

Сперва и Кальвин и магистрат пытались избежать любого столкновения в вопросах, по которым они расходились во мнениях. Однако очень скоро стало ясно, по какой теме должно произойти окончательное сражение. План Кальвина для консистории в его ордонансах 1541 года включал в себя, как указывает Вендель, духовную юрисдикцию, посягающую на политическую прерогативу, принадлежащую исключительно магистрату. План его программы стал поводом для напряжённой дискуссии о том, разрешать ли консистории отлучать нарушителей порядка. Магистрат был склонен позволить ей изучать положение дел и увещевать нарушителей порядка, но этим они хотели ограничить сферу их деятельности. В конце дискуссии решили пойти на компромисс. Кальвин настоял на сохранении права консистории отлучать нарушителей, если таков был её приговор. Но члены городского магистрата добавили важное условие, что «служители не имеют гражданской юрисдикции и обладают, по словам св. Павла, только духовным мечом Слова Божьего, и что со своей стороны консистория не умаляет власть сеньории и магистрата, но граждан-

---

^a Register of Council, May 1548; cp. E. Doumergue, *Jean Calvin, Les hommes et les choses de son temps*, vol. VI (Neuilly, 1926), pp. 131ff.

^b C.L. to Zerkinden, February 21, 1556.

ская власть продолжает осуществлять свои функции во всей полноте».^a

Рвение магистрата по сохранению своего влияния в церковных делах была понятна. Почти во всех церквях Реформации власть перешла к мирянам. Утверждая свою свободу от папской власти, гражданские правители стремились отказать Церкви в праве действительного контроля над любым важным для неё делом. На дебатах в Цюрихе в 1523 году именно члены магистрата созвали собрание. Они остановили заседание, когда посчитали, что Цвингли доказал свою правоту, а затем своей властью снова назначили его на прежнюю должность. В Берне, у которого многому научились женевские власти, магистрат в отношении к служащим избрал высокий тон. Когда они начали преобразования в кантоне Вод, указ магистрата гласил: «Никто не может быть назначенным проповедовать Слово Божье в указанном месте, если только он не послан нами на эту работу». И они выбрали четырёх пасторов, которые ранее не были испытаны находящимися там другими служащими.^b

Существует доказательство того, что некоторые члены местного магистрата разделяли мнение короля Иакова I, когда тот, изучив Священное Писание, обнаружил, что «даже сам Бог называет правителей богами», обладающими властью возвышать низкое и принижать высокое и считать своих подданных шахматными фигурами, пешками, чтобы выбрать епископа». Когда в Невшателе Фарель критиковал поведение дочери одного важного человека Сьера де Ваттевилля, ему сказали от имени бернского правительства, что теперь оно легко нанимает и увольняет служащих как прислугу когда пожелает.^c

---

^a *Ecclesiastical Ordinances*, 1541. R.C.P., p. 49.

^b Cf. J. L. Ainslie, *The Doctrines of Ministerial Order in the Reformed Churches* (Edinburgh, 1940), p. 126.

^c Ср. А. Bouvier, *Henri Bullinger* (Neuchatel, 1949), p. 96. Однажды Фрэнсис Дрейк приковал своего корабельного капеллана цепями к палубе после, как он полагал, непочтительной проповеди, и созвав команду, сел, «скрестя ноги на морском сундуке и держа пару туфель в своей руке», и сказал священнику: «Фрэнсис Флетчер, я отлучаю тебя ныне от Церкви

Казалось, что ведущие реформатские учителя и проповедники безоговорочно согласились с притязаниями магистрата на такую власть в Церкви. Вольфганг Капито в Страсбурге считал, что светского государя назначил сам Христос, чтобы тот был пастырем и отцом Церкви в своём государстве, и потому он одобрил предложение Генриха VIII по поводу его управления Церковью Англии. Цвингли, по-видимому, ожидал, что гражданский магистрат будет управлять Церковью почти во всех аспектах её внешней деятельности. Лютер, временами противореча самому себе, отказывался оказывать серьёзное сопротивление гражданским властям, когда те контролировали церковные дела. Халлер в Берне считал себя слугой государства даже в раздаче Таинства Вечери Господней и утверждал, что даже тогда, когда он сам будет чувствовать нежелание давать Причастие, он всё равно даст его тому, кому разрешит причащаться государство. Как замечает Оуэн Чадвик: «Реформация не взяла духовную власть от Церкви, которая узурпировала её. Она предоставила возможность городам и князьям, наконец, вырвать власть из руки, из которой она уже ускользала».^a

Именно в таком контексте следует понимать и действительно оценивать борьбу, в которой Кальвин должен был добиться в Женеве хотя бы небольшой духовной независимости и свободы, которыми, как он считал, обладали Церковь и её служители в новозаветное время. Конечно, когда он вернулся в Женеву в 1541 году, члены городского магистрата контролировали все события, ведущие к Реформации или следующие за ней. Они увольняли пасторов, когда были недовольны ими. И они решили призвать Кальвина обратно, когда посчитали, что он им нужен.

Однако не следует считать, будто все мирские власти несерьёзно относились к своим обязанностям в отношении Церкви. Многие из них были богобоязненными людьми, находившимися под большим влиянием происходившего духовного обновления,

---

Божьей и всех благ и милостей оной и предаю тебя сатане и всем его ангелам». Garrett Mattingly, *The Defeat of a Spanish Armada*, p. 119.

^a *Op. cit.*, p. 68; cp. Elton, *op. cit.*, p. 156; R. N. Carew Hunt, *op. cit.*, p. 254.

и сами изучали Библию. Например, был такой Ами Поррал, один из главных представителей женевского магистрата, который проявил себя более способным богословом, нежели некоторые из коллег Кальвина в служении. Он раскрыл ошибки двух неопытных молодых пасторов и с одобрения Кальвина лично увещевал их. Этот почтенный пожилой человек, находясь на смертном одре, проповедовал собравшимся вокруг него людям, раскрывая суть служения и благодати Божьей, что очень поразило Кальвина.^a

Несомненно, такие люди искренне верили, что, находясь на скамье городского магистрата, могут сами очень хорошо различать то, что идёт на пользу местной Церкви. Позволь служителям сотрудничать, и они бы стали сотрудничать с ними, но они полагали, что именно на них лежит конечная ответственность за духовное благоденствие города. Реформация научила их священству всех верующих.

в. Компромисс и сопротивление

Пока Кальвин выжидал, он шёл на компромисс. Имевшие опыт пасторского служения в общинах, где прихожане обладали настоящей традицией независимости, смогут его понять и отнестись к нему благожелательно. Он принял изменения, которые считал нежелательными.

Противоречия его взглядам, власти Женевы, например, окончательно упразднили все праздники. Кальвин даёт собственную оценку этому событию в письмах, которые он посылал в Берн, защищая себя от обвинений в автократии. Перемена, утверждал он, произошла только из-за публичной дискуссии и напряжённости. Когда его и Фареля изгнали из Женевы, праздничные дни были полностью упразднены «беспорядочным насилием нечестивых». В этих условиях после своего возвращения в Женеву Кальвин придерживался умеренного курса и ничего не менял, попытавшись ввести хотя бы празднование Рождества. Но перемены происходили быстро и без инициативы с его стороны. В дни

---

^a C.L. to Farel June 16, 1542.

поминовения святых по старому обычаю, чтобы удовлетворить тех, кто желал какого-нибудь празднования, по утрам закрывались магазины и проводились публичные молитвы. Однако такой порядок привёл к тому, что «отдельные непреклонные личности, не подчинявшиеся всеобщему обычаю из-за упорствующей злобы или иной причины», всё расстроили, и, в результате, не проходило и года, чтобы не было «каких-либо ссор и перебранок, потому что люди разделились, и до такой степени, что обнажали свои мечи».

Кальвин призывал магистрат, по крайней мере, устранить разногласия, сделав это «умеренно». Но конечный результат его поразил. Магистрат разрешил проблему упразднением сразу всех будних праздников, так что Женеве ничего не осталось, кроме Субботы.^a Кальвин ничего не знал о таком решении до тех пор, пока дебаты не закончились.

Таким образом, Женева лишилась всех своих праздников. Кальвин утверждал, что если бы у него был выбор, он бы так не поступил. Но эти проблемы были «незначительными проблемами», которые можно «было решить в местном масштабе». Распространение памфлета Больсека способствовало развитию слухов о том, что Кальвин хотел отменить воскресенье, чтобы вместо этого соблюдать пятницу. Ответ Кальвина на такое обвинение был следующим: «Я никогда не показывал даже признака жажды подобных нововведений, но очень желал противоположного». Ссылаясь на иные обвинения в радикальных переменах, которые, как предполагали, он осуществил, он утверждал: «До моего прибытия в Женеву способ проведения Вечери Господней, крещения, бракосочетания и праздников был такой же, как и сейчас, и я ничего в них не менял».^b

Даже после победы Кальвина над либертинами и роста доверия между ним и общиной он не настаивал на собственном способе решения таких вопросов. В 1558 году он выразил сожаление

---

^a То есть воскресного дня (прим. ред.).

^b For above see C.L. to Haller, January 2, 1554; C.L. to Segneurs of Bern, March 14, 1555.

о том, что Вечерю Господню не давали больным, а также о том, что тех, кто оставлял этот мир, следовало лишать такого утешения. Но он знал, что перемена вызовет негодование. «Я предпочёл сохранить мир»,^a – писал он. Кальвин всегда хотел, чтобы празднование Вечери Господней проводилось, по меньшей мере, раз в месяц или даже чаще. Но ему пришлось довольствоваться четырьмя в год.

Вместе с политическим компромиссом он принимал и личное унижение. Его унижали синдики даже после 1554 года, когда настаивали на том, чтобы послать одну из его книг на просмотр цензуре. Доведённый до белого каления, он сказал им, что если бы жил 1000 лет, то никогда бы ничего больше не издавал в Женеве.^b Когда жена его брата нарушила верность, и брат хотел с ней развестись, всё семейство Кальвина вынуждено было испытывать стыд в суде, и Кальвин был глубоко огорчён по этому поводу. Однажды ему пришлось принять выговор и принести, по сути, публичные извинения магистрату, когда перехватили его письмо к Вире, письмо, в котором он дал волю своим чувствам и обвинил магистрат в лицемерии и желании править без Бога.^c

Так как он легко уступал в меньших вопросах, его твёрдая позиция в иных вопросах ясно показывает, где он проводил границу этому и исходя из каких принципов. Например, он мог принять личное оскорбление, но никогда не мог скрыть сильных чувств, когда считал, что это оскорбление подразумевает презрение к служению Слова или так или иначе направлено на то, чтобы ослабить влияние такового. Один из первых случаев, который вызвал сильное общественное напряжение в Женеве в 1546 году, был связан с Пьером Амо.¹⁵

Сначала Амо был стойким приверженцем Кальвина. Он производил игральные карты и восковые свечи, и городские преобразования должны были плохо отразиться на его деле. Во время

---

^a C.L. to Venceslas Zeuleger, August 1558.

^b В 1554 году. Это произошло после того, как он сам был назначен цензором в 1542 году.

^c C.L. to Viret, September 20, 1548.

ужина, устроенного для своих друзей, он напал на Кальвина, заявив, что Кальвин – скверный человек, а его учение ложно. Амо арестовали. Малый магистрат хотел применить к нему суровые меры. Ему приказали публично признать свою вину и наложили большой штраф. Когда Амо должны были освободить после пяти недель тюремного заключения, Кальвин воспротивился этому. Вместе с другими служителями он предстал перед магистратом и настаивал, что Амо необходимо принести публичные извинения, отказываясь принять уже сделанные им перед магистратом двухсот и угрожая воздержанием от проповедования, если такое извинение не будет принесено. Кальвин настоял на своём, зная даже, что большая часть населения была вовсе против того, на чём он настаивал. В день его очередной проповеди, в церкви некоторые выразили протест его мнению. На следующий день за этим последовали сильные волнения, для успокоения которых магистрат установил перед церковью виселицы с целью предупреждения. Кальвин продолжал настаивать, и, в конце концов, Амо пришлось пройти по городу с обнажённой головой, в одной рубашке и с факелом в руке и в разных местах своего маршрута вставать на колени, умоляя о Божьей милости.

Позднее магистрат понял, что Кальвин не менее чувствителен, когда они сами более остро, чем прежде, бросают ему вызов в вопросе о том, кто должен контролировать допущение к Вечере Господней. Очевидно, как мы уже видели, формулировка конечного проекта ордонансов может быть истолкована по-разному, и обязательно возникли бы проблемы, как только появилась бы необходимость разъяснить его значение.

Серьезное напряжение началось в марте 1543 года, когда магистрат шестидесяти постановил, что консистория не должна иметь ни юрисдикции, ни власти отлучать от Вечери. В письме Вире накануне Пасхи того же года Кальвин выражает шок, с которым приняли этот указ, когда член магистрата огласил его на собрании консистории. «Я немедленно ответил, что подобный указ может быть утверждён только через мою смерть или отлучение». Он придавал буквальное значение своим словам. Сенат провёл внеочередное заседание, на котором Кальвин предоставил «объ-

ёмное рассуждение относительно важного довода». Они согласились, но неохотно.^a

Вопрос вновь остро встал в 1548 году, когда магистрат заявил, что служители имеют право «только на наставление, а не на отлучение», а в декабре того же года они разрешили некоему Гишару Ро получить Таинство против желания пасторов. Однако решающим был случай с Филибером Бертелье.

Его отец умер мучительной смертью за свободу Женевы. Он был одарён и сравнительно хорошо образован. Он женился, думая, что у его жены есть деньги, а когда обнаружил, что это не так, отказался от брачного договора. В 1548 году официально сообщили, что из-за пьянства и словесных оскорблений его приговаривают к тюремному заключению. В 1551 году выяснили, что в марте он имел незаконную связь со вдовой в доме рабочего, а в октябре с двумя другими людьми гнал по улицам одного из пасторов в собор Св. Петра. Его отлучили от Причастия.

В 1552 году магистрат пытался вернуть его к Причастию, но, увидев его бунтарское отношение, вначале одобрили отлучение. Однако позднее они изменили своё мнение, только для того, чтобы получить протест от служителей, которые взывали к церковным ордонансам и «единодушно заявляли, что не могут допустить этого человека и других, подобных ему, к Вечере, пока консистория не будет иметь доказательство его раскаяния и не отпустит ему грехи». В сентябре 1553 года, когда дополнительное напряжение вызывало дело Сервета, а оппоненты Кальвина имели большое влияние на магистрат, один из его членов, Ами Перрин, заклятый враг Кальвина, подтолкнул Бертелье к тому, чтобы обойти консисторию и испросить разрешения непосредственно магистрата на допущение к Вечере Господней. Разрешение дали. 4 сентября Кальвин в письме Вире описывает его встречу с двумя членами совета, где он пытался «частично горячностью, частично выдержкой довести их до здравого ума», повторяя свою клятву о том, что он скорее примет смерть, чем позорно осквернит Святую

---

^a C.L. to Viret "The day before Easter", 1543. Прекрасную и краткую оценку дела Бертелье см. в R.C.P. Introduction, pp. 10ff.

Вечерю Господа. Магистрат подтвердил своё решение, но проявил беспокойство, в тайне советуя Бертелье не бросать вызов Кальвину, пытаясь причаститься.

В ближайшее воскресенье должна была праздноваться Вечеря. Кальвин, как говорит де Без: «во время своей проповеди после того, как подробно сказал о презирующих священные таинства, возвысил голос, поднял руку и воскликнул словами св. Иоанна Златоуста: «Я скорее умру, чем это рука протянет святыню Господню тому, кто был заклеимён презирателем оного». Таинство праздновали в необычайной тишине, но без малейшего страха так, как будто сам Бог в действительности присутствовал там».^a

В этот момент Кальвин осознал, что под угрозой было всё его будущее в Женеве, и в тот же день днём он прочитал проповедь, которую можно было бы считать прощальной, где он выражал готовность остаться, если ему дадут «свободу проповедовать и служить», и где подтверждал своё решение уйти, если его «отяготят невыносимыми ограничениями».

На это раз на уступки пошёл магистрат. Поэтому Кальвин одержал решающую моральную и политическую победу, и во многих биографиях Кальвина этот случай считается поворотным моментом в его борьбе в Женеве. 21 декабря 1553 года сам магистрат постановил, что Бертелье не может быть допущен до Вечери, а 24 января 1555 года было принято решение о том, что «консистерия должна сохранить свой устав и исполнять привычные ей полномочия в согласии со Словом Божьим и ранее принятыми ордонансами».

Можно понять чувства Кальвина в данный момент. Ибо определение гражданскими властями тех, кто должен получать Вечерю, означало, что в конечном итоге они могут решать, каким должно быть содержание проповедуемого слова. Пасторам бы пришлось толковать некоторые новозаветные отрывки так, как указывает им светский магистрат. Проблема в деле Бертелье бы-

---

^a C.Tr., vol. 1, pp. lxii-lxiii.

ла той же, что и в случае с Амо: власть и независимость служения Слова.

Для Кальвина проповедуемое Слово Божье было скипетром, которым Христос постоянно устанавливал единственное в своём роде и духовное правление над помыслами и сердцами людей. Если таковое слово должно было быть услышано во всей своей силе и власти, пасторам необходимо было предоставить полную свободу проповедовать его без малейшего вмешательства со стороны. Он верил, что подобным образом освобождённая проповедь Слова может изменить Женеву, а в действительности и весь мир. Но в этой сфере деятельности Церковь должна сохранить независимость от всех гражданских властей. Поэтому он утверждал, что хотя служители в Женеве при своём назначении должны были давать клятву чтить членов магистрата и подчиняться форме правления и уставу города, они, тем не менее, сохраняли свободу учить «в соответствии с заповедуемым Богом», а каждый из них давал следующий обет: «Я обещаю быть слугой магистрата и всего народа настолько, насколько это не помешает служению, которое я должен отдать Богу в своём призвании».^a

г. Проблемы в дальней перспективе

Мы видели, что после своего обращения Кальвин не отказался от любви к гуманизму, хотя прежнее изучение он продолжал с «меньшим рвением». Однако он начал понимать, что гуманизм — это слишком сложное и всестороннее движение, чтобы содержаться внутри любой христианской формы. Наконец, оно имеет более глубокие корни в языческой древности, чем в Библии. Это движение возникло в Средние века как побочный продукт возрождения древних знаний и раскрытия всего величия классического времени. Оно стремилось показать, насколько хороша была жизнь до появления в мире христианского Евангелия. Поэтому

---

^a См. Ainslie, *op. cit.*, p. 137 и R.C.P., pp. 36ff., о тех чувствах, которые Кальвин выражал в подобных делах; ср. C.L. to Viret, August 23, 1542; to Dr. Marbach, August 25, 1554.

оно могло также показать, насколько хороша могла бы быть жизнь вне того, что Евангелие должно было принести в жертву.

Таким образом, на стадии своего полного развития гуманизм был вынужден проявить такие черты и выразить такие взгляды, которые были чужды христианской вере. Он безмерно гордился тем, что делало человека просто человеком; в искусстве же он выражался в прославлении более человека, нежели Бога. Это было насквозь светское движение, ибо оно отказывалось находить значение человеческой жизни и его предназначения через отношение к другому миру. Человеку не нужно было небесное измерение, чтобы придать своей жизни божественное значение. Его собственная форма в своём высшем развитии была божественной. Зачем искать где-то ещё? Человек мог найти вечности в имеющемся у него человеческом опыте познания. Он был предназначен просто для того, чтобы получить такой опыт и пользоваться им во всей полноте.^a Человеку нужно было только образование, а не спасение. Его собственные способности могли заменить любой закон как правило этики. Гуманисты до мозга костей, такие как Лоренцо Валла, учили, что человек никогда не должен идти в разрез со своим саморазвитием и самореализацией, даже когда это может потребовать свободного выражения плотских желаний. По своей сути их следовало считать хорошими. Самовыражение, а не самоотречение должно было быть правилом жизни.

Во время Кальвина такие взгляды нашли своё выражение в учении тех, кто был широко известен в Европе как «либертины» или «духовные либертины». Кальвин иногда выступал против этих сект, а в 1545 году написал трактат, названный им «*Против фантастической и буйной секты либертинов*». Некоторые из

---

^a О конфликте между гуманизмом и Евангелием см. Louis Bouyer, *Erasmus and his Times* (MD, 1959), pp. 22f; Van Gelder, *The Two Reformations of the Sixteen Century* (The Hague, 1964), pp. 37ff; Herbert Grierson, *Cross Currents in English Literature in the Sixteen Century* (London, 1929), pp. 31ff; J. Bronowsky and Bruce Mazlish, *The Western Intellectual Tradition* (Penguin, 1963), pp. 85f, 551ff.

этой секты были откровенными анти-христианами. Эпоха Возрождения дала им возможность для нового видения того, что они считали человеческой полнотой и жизнеспособностью в язычестве, прежде чем Евангелие испортило эту жизнь. Христианство, утверждали они, создало рабскую мораль в отношении совести и ограничений, от которых людей освобождает снисходительность к плотским желаниям. Иные любили подчеркивать, что являются духовными, и верили, что такое освобождение должно иметь связь с Евангелием. Так как Христос – это Дух, который пребывает во всех нас, уступать себе – значит уступать Духу. Новое рождение – это сила для подавления страха Божьего. Детям Божиим, возрождённым Христом до состояния совершенства и невинности, теперь нет необходимости обуздывать свою «плоть». Таким было проклятие древнего Адама, результатом чего стало различие между честью и бесчестьем, блудом и воздержанностью, прямою и хитростью. Но власть древнего Адама закончилась во Христе, и все эти различия уничтожились.

Странным соединением с учением либертинов был жесткий нравственный детерминизм. Как может человек грешить, спрашивали они, если Бог управляет его внутренними импульсами? Как может кто-то молиться, когда всякий просвещённый и повзрослевший видит, что такая практика совершенно излишня? Как будто людей, пытающихся доказать, что всё в христианской традиции ошибочно, охватила какая-то необузданная умозрительная лихорадка, которой они просто не могли противостать.^а

Нельзя назвать это учение «гуманизмом». Скорее, это следствие возможного распада гуманизма. Вероятно, Кальвин видел в

---

^а Сам Сервет был типичным представителем такого склада ума, который скорее делал бы предположения относительно того, был ли Сын Божий двуполом, коли родился от женщины, чем с уверенностью размышлять о смысле самого волощения. Отголоски крикики Кальвина либертинов можно найти в *Наставлении*: см. I, IX, 1; II, I, 10; II, VII, 13; III, III, 14; III, XX, 45 и другие. Ср. “The description of the spirit of libertinism” in Paul Hazard, *The European Mind, 1680-1715* (Pelican Books, 1964), p. 155. И поскольку оппоненты Кальвина имели склонность к подобному «духу» их безо всякого сомнения называли партией «либертинов».

этом падшем гуманизме, угрожающем захватить существующую культуру в Женеве, дух времени, который мог невольно, или даже подсознательно, победить умы людей. Он понял, что такой дух широко распространён в оппозиционной партии либертинов, а также в их ревности к светской автономии, с которой он сталкивался в магистрате. И его миссия заключалась в сохранении независимости Слова Божьего от подобных учений и взглядов.

Сэр Герберт Гриерсон в своей работе *«Перекрёстные течения в английской литературе XVII века»* напоминает о трудностях, с которыми столкнулись ранние отцы Церкви, пытаясь примирить прежние культурные стремления с новым христианским Евангелием. Они перестали находить удовольствие в том, что ранее было предметом их гордости. Многие из них пытались насколько могли отказаться от сознательного использования риторики, приобретённой ранее. Им казалось, что всё это принадлежало миру, чуждому Царству Божьему, вход в которое предоставил им Христос. Гриерсон уподобляет эту ситуацию той, что испытали люди в XVI веке, когда поняли, что с одной стороны их подхватила Реформация, а с другой они столкнулись с Ренессансом:

В Италии XV века Ренессанс быстро проявил себя как радикально-светское и не обязательно религиозное движение, и когда туда же последовала Реформация, она встала лицом к лицу с сознательным секуляризмом, вновь утвердившим себя, и с пробудившимся нравом раннего христианства, непреклонного в своём отношении к любому принятию мира как самоконечного, как того, чем надо наслаждаться.^а

Прежде всего, Гриерсон ссылается на пережитое английскими пуританами. Но Кальвин был до них, и они могли перенять его опыт столетней давности. Мы увидим далее, что он пытался поощрять в Женеве то, что считал настоящим гуманизмом, а также стремился отдавать должное очевидному благу, которое было присуще всему человеческому и самой жизни. Разве Павел не хвалил всё, «что только... любезно, что достославно»? И разве

---

^а *Op. cit.*, p. 26.

бессмертная плач-поэма Давида о Сауле и Ионафане не является совершенным примером гуманистической хвалы за то, что было просто человеческим?^а Но он верил, что гуманизм может получить развитие и принести пользу только внутри общины, где свободно проповедуется и с уважением принимается Слово Божие.

д. Падение либертинов

После моральной победы Кальвина в деле Бертелье в 1553 года политическая ситуация в Женеве стала для него опасной. Перрин, Бертелье, Вендель и их союзники использовали свою власть в делах магистрата, чтобы иметь сторонников в собраниях комитета, а своих единомышленников и родственников продвинуть на важные посты. Сам Перрин имел должность главнокомандующего республики и мог вывести на улицу толпу своих молодых сторонников для демонстрации преданности Женеве.

У них была власть и преимущество, необходимые для того, чтобы, в конечном счете, погубить Кальвина, но они зашли слишком далеко и начали проявлять высокомерие. Поэтому общественное мнение стало отворачиваться от них. Они ощутимо проиграла выборы, состоявшиеся в начале 1555 года, и их оппоненты смогли провести чистку магистрата и его ведомств в свою пользу.

Ситуацию обострило желание части сторонников Кальвина дать право женевского гражданства ещё шестидесяти французским беженцам. Город уже дал этот статус многим французским эмигрантам, и прежде даже либертины приветствовали такое решение, ибо это способствовало снижению уровня налогов в Женеве. Но теперь они проснулись слишком поздно и поняли, что присутствие французских протестантов в Женеве серьёзно усиливает влияние Кальвина. Отправляя грозные делегации в магистрат, либертины пытались воспрепятствовать осуществлению плана приёма новых эмигрантов. Кроме того, они добивались принятия постановлений, ограничивающих уже признанные права французов.

---

^а Флп. 4:8; 2 Цар. 1:1.

Утром 16 мая они провели смешанную антифранцузскую демонстрацию к гостинице де Вилль. Некоторые из них были с мечами, чтобы подчеркнуть серьёзность их намерений. Получившие отпор, их руководители встретились в тавернах и домах. Странные разговоры о том, чтобы прибегнуть к насилию, стали приобретать форму решительного заговора, хотя определённого плана создано не было. После этого вечером произошла осечка. Некоторые члены партии не могли ждать и вышли на улицы в поисках жертв. Французов они не нашли. Кальвин в одном письме того времени благодарит Бога за то, что в тот вечер Он их всех усыпил, так что все они находились в своих домах. Тем не менее, сеющие раздор встретили члена магистрата и напали на него, а Перрин, в конечном итоге, вырвал служебный жезл из руки одного из синдиков, который пришёл арестовать их.

Последствия стали катастрофой для Перрина и его последователей. Ему, Венделю и Бертелье пришлось бежать. В их отсутствие они были приговорены к казни, а затем казнили их изображения. Иным зачинщикам отрубили голову. Рассказывали, что Кальвин сам присутствовал на пытках и проявлял активность за кулисами. Однако нет основания для того, чтобы подвергать сомнению его утверждение в письмах Буллинджеру того времени о том, что он держался в стороне от всех судебных разбирательств и посещал тюрьму только потому, что жертвы просили его пасторской опеки. К сожалению, в письме Фарелю, ссылаясь на арест самой сильной группы, он писал: «Посмотрим, какая пытка причинит им страдания».

Что-то из возмущения, вызванного потоком эмигрантов, понять можно. Считалось, что если бы Реформация снискала расположение в самой Франции, большинство из них уехали бы обратно и довольствовались бы тем, что оставили Женеву в беспорядке. Но их политика в целом была негативна. Думерг высказывает мнение, что «с того момента Женева начала вершить историю».^a

---

^a *Op. cit.*, vol. II, p. 118. О событиях, которые привели к поражению либертинов см. H. R. Reyburn, *op. cit.*, ch. XII.

ГЛАВА 6

СЛУХИ, КЛЕВЕТА И ФАКТЫ

Слава о достижениях Кальвина в Женеве распространялась. Одновременно распространялись и слухи о нём. Особенно это затронуло территорию вокруг Берна, где нашли убежище изгнанные либертины и где местные пасторы, на которых оказывалось сильное давление относительно содержания проповеди, понимали, что для получения одобрения им нужно только проповедовать против Кальвина. Ссылные распространяли преувеличенные и искажённые истории о том, что происходило в Женеве. Поэтому Кальвин понял, что, так как они не смогли уничтожить его в Женеве, они решили повсюду сделать его «объектом сильного отвращения».^a Даже до Пуатье доходили их рассказы о том, что Кальвин окружил себя помпой и теперь заставляет каждого целовать его туфлю.^b Другие ссылные, тем или иным образом поливавшие Кальвина грязью в Женеве, рассказывали свой вариант истории, и везде, где существовала настоящая неприязнь к учению Кальвина и его политике, подобные случаи создавали для его внешних врагов основание для личной критики самого человека.

Хотя Кальвина считал слухи неприятными и унижающими, он, в конечном итоге, понял, что как бы ясно он ни защищал себя, истории всё равно будут распространяться так, что его рука никогда бы не выпускала перо. Наибольшее количество слухов было вызвано тремя делами, которые создали Кальвину больше всего проблем. Это были случаи Себастьяна Каstellio, Иеронима Больсека и Мигеля Сервета.

---

^a I.C.P., pp. xlv-xlvii, C.L. to Bullinger, June 15, 1555.

^b C.L. to Bullinger, September 18, 1554; to Church at Poitiers, February 15, 1555.

а. Кастеллио

Себастьян Кастеллио был на 6 лет младше Кальвина.¹⁶ Будучи студентом, он на короткое время останавливался в доме реформатора в Страсбурге. Кальвин, как он считал, его оскорбил. Кастеллио попросили освободить свою комнату, чтобы разместить в ней слугу одной французской дамы, которая приехала искать убежища в доме. Выселив Кастеллио, Кальвин позднее несколько бесцеремонным образом позвал его обратно в качестве сиделки, когда тот слуга заболел. Бесплатное питание, которое предоставили Кастеллио за столом Кальвина, не могло в то время компенсировать нанесённую обиду.

В 1541 году по рекомендации Фареля его пригласили в Женеву на должность директора школы, которую после некоторых усилий вновь открыли в Ривском монастыре.

После приезда Кальвина пошли разговоры о недостатке денег, и Кальвин ясно дал понять, что предпочитает призвать обратно Матурина Кордые, которого он поставил на эту должность во время своего первого периода в Женеве. Но место Кастеллио сохранили, и он остался. Казалось, его расхождение с Кальвином в характерах было таким же, как и во взглядах. Когда он советовался с Кальвином по поводу французского перевода Нового Завета, который он должен был сделать, он заметил нетерпение старшего товарища и сильное желание сэкономить во времени, которое он ему дал. Когда Кастеллио обратился за предоставлением статуса пастора в Женеве, ему отказали на основании того, что он считал книгу Песнь Песней сладострастным продуктом молодости Соломона и потому неканонической книгой, и что он не мог принять фразу «сошёл в ад» в символе веры, и его не убедила в этом интерпретация самого Кальвина.¹⁷

Со своей стороны Кальвин не видел никаких заслуг в попытках Кастеллио перевести Новый Завет и посчитал его самонадеянным и неисправимым в своих взглядах. Он выражал недовольство, теряя с ним время, и считал, что невозможно иметь в служении человека, который настолько агрессивен по поводу таких различий. Однако он не поднимал вопрос относительно желательности

его пребывания на должности директора школы в Женеве. Он великодушно дал Каstellлио рекомендацию на другой пост, объясняя, что отказ сделать его пастором в Женеве вызван не личными или нравственными недостатками, но лишь вследствие двух спорных доктринальных вопросов.

В 1544 году Каstellлио, потребовав открытой полемики и получив отказ, сам усугубил положение, дав выход своим чувствам в резких публичных нападках на искренность и добрую веру Кальвина и его коллег на собрании по обсуждению учения. Дело передали в магистрат, который поддержал Кальвина, и Каstellлио понял, что должен уйти. Несколько лет спустя он стал лектором греческого языка в Базеле. После известий о сожжении Сервета, он написал критикующий Кальвина памфлет, выражая взгляды, передовые для своего времени, и умоляя о терпимости по отношению к любому типу мышления. Кальвин и де Без считали его автором двух анонимных трудов, резко нападавших на учение Кальвина о предопределении.

Последующая жизнь Каstellлио была очень тяжела. Он был вынужден даже опустошать берега реки в Базеле в поисках дров, чтобы иметь возможность разжечь огонь в своём доме поздно вечером, чтобы закончить работу по переводу Библии. Некоторые люди замечали его и распространяли слухи о том, что Каstellлио крадёт вещи. В Женеве Кальвин воспользовался болтовнёй, и в одной из своих нападок на этого человека, ставшей достоянием гласности, обвинил вора. Благодаря ответу Каstellлио правда о его положении стала известна всем. Он умер от голода. Монтейн заметил, что мир должен стыдиться за своё пренебрежение таким выдающимся учёным. Те, кто не любит Кальвина, стараются преувеличить способности Каstellлио. Те, кто всегда инстинктивно поддерживает побеждённую сторону, легко представляют его мучеником. В конце концов, нет сомнения, что более поздняя часть его полемики не выявила лучшее в женевском реформаторе.^a

---

^a Cf. C.L. to Viret, September 11, 1542; to Viret, March 1544; to Farel, May 30, 1544.

б. Больсек

С Иеронимом Больсеком Кальвин был замешан в совершенно ином деле. Одно время он был монахом-кармелитом, но обратился в реформатскую веру. После бегства в Италию он в числе беженцев прибыл в Женеву, в окрестностях которой устроился на жильё и занимался медициной. Одним из его пациентов был де Фалай, французский дворянин, которого привлекли в Женеву успехи Кальвина, и с которым последний в течение многих лет в письмах поддерживал теплую личную дружбу.

Сам Больсек восхищался учением Кальвина по большинству вопросов, кроме учения о предопределении. Как можно было представить, что Бог определил судьбу человека до его рождения? Разве это не сделало бы его подобно Юпитеру автором греха и источником зла? К сожалению, взгляды Больсека стали известны благодаря его довольно драматической вспышке во время общей дискуссии после проповеди одного из молодых коллег Кальвина.¹⁸ В своём выпаде он, как и Каstellлио, по всей видимости, поставил вопрос о честности и прямоте Кальвина. Суть его суждений заключалась в том, что Кальвин сознательно искажил учение Августина, чтобы оно подходило для его цели. Неожиданно в церковь приехал Кальвин, и как раз в то время, когда Больсек начинал своё нападение. Бывший монах был совершенно сражён ответом Кальвина, в котором тот с привычным для него непревзойдённым умением аргументации и безошибочной способностью цитировать то, что нужно, и там, где нужно, опроверг все вынесенные обвинения. Это произошло в октябре 1551 года

Вскоре Больсека изгнали из Женевы.¹⁹ Городские власти по совету Кальвина потрудились испросить мнение пасторов соседних кантонов по проблемам, затронутым Больсеком, а самого Больсека в ожидании ответов заключили в тюрьму. По одному из вопросов пасторы выразили ясное намерение, чтобы Церковь была «очищена от этого паразита так, чтобы она не стала оскорбительной для наших соседей». Власти хотели изгнать Больсека из всех швейцарских земель. Ответы их расстроили. Соседние

кантоны в целом посоветовали не считать предопределение решающим вопросом. Но взвесив все вопросы, они в данном деле твёрдо встали на сторону своих проповедников. Люди, подобные Больсеку, могли легко обосноваться там, где услышат проповедование, которое им больше придётся по душе. Они также подозревали, что Больсек был выставлен теми, кто хотел разжечь беспорядки по другим причинам, а они не хотели новых волнений в Женеве. Больсеку они предпочли Кальвина.

Несомненно, Кальвин считал, что не может выполнять свою работу в Женеве, если людям позволят запросто ходить и открыто говорить, что его учение сознательно основано на лжи. Тем не менее, его очень огорчило отсутствие поддержки со стороны Берна и Цюриха. Одновременно данное дело положило конец его дружбе с де Фалайсом. Всё стало ясно. Больсек в отличие от Кастеллио показал, что едва ли он заслуживал защиты своих покровителей, а желание Кальвина избавиться от него было полностью оправдано. В Берне Больсек поднял новые волнения. Бернцы должны были выставить его со своей территории. После нового обращения на должность пастора, сделанного позже, он снова проявил свою неустойчивость, возвратясь в Римско-католическую церковь, когда положение стало слишком трудным.²⁰ После смерти Кальвина Больсек опубликовал жизнеописание Кальвина, полное резкой и нелепой клеветы. Жалко, что римские католики в своём стремлении сказать что-нибудь против Кальвина иногда воспринимали эту книгу всерьёз.^{a 21}

в. Сервет

27 октября 1553 года на костре в Женеве был сожжён Мигель Сервет как «предупреждение всем, кто возводит хулу на Бога». Его обвинили в «ужасных богохульствах на Троицу и Сына Божье-

---

^a Более полную информацию по делу Больсека вместе с документами и протоколами можно найти в R.C.P., pp. 137-186. Истинный взгляд на дело даёт Hughes' indroduction to the Register (pp. 20-4). Cp. Doumergue, *op. cit.*, vol. VI, pp. 148ff.

го». Палач был неопытен, и любопытствующие, напуганные длительными пронзительными криками жертвы, из чувства жалости пытались помочь и ускорить наступление смерти и, чтобы огонь горел сильнее, бросали в него охапки хвороста. Единственное, что эффективно сработало в данном деле, была цепь, крепко державшая тело, и толстый шнур, несколько раз обмотанный вокруг шеи. Потребовалось полчаса, чтобы убить его таким образом. Кальвина там не было. Он не хотел, чтобы Сервет был предан смерти через сожжение. Говорят, что Фарель лишился дара речи от того, что увидел в конце казни, и сразу же вернулся в Невшатель, не обращаясь к Кальвину. В одном злобном сообщении о том дне говорится, что после казни он поехал с отчетом к Кальвину, и их разговор перешёл в обсуждение теоретической необходимости сожжения еретиков.

Слышали, будто перед смертью Сервет взмолился Иисусу о милосердии. Несомненно, то был настоящий крик совершенно сломленного человека, обращающегося к милосердному Богу. Но не было в нём утешения для тех, кто хотел узнать, действительно ли огонь очистил душу этого человека. Долгое время Сервета призывали возложить своё упование на Христа, вечного Сына Божьего. Его последним криком было: «Иисусе, Сын вечного Бога».²² Поэтому ни сожжение, ни беспокойные до самого последнего момента мольбы Фареля так ничего не решили. Это был единственный и последний случай, когда верующие из Реформатской Церкви собирались играть с огнём как со способом очищения еретиков.

Однако в то время все известные люди, к которым обращались за советом, одобрили такой поступок. Сервета хорошо знали и ненавидели во многих местах помимо Женевы. Его карьера была удивительной. Родившись в Испании, он с довольно раннего возраста был захвачен идеей о том, что его призвание – продвинуть Реформацию Церкви и мира дальше, чем того желали Лютер и Кальвин. Подобно самому Кальвину он оставил карьеру юриста для того, чтобы посвятить себя богословию. Он ушёл с должности секретаря в Римской церкви и стал свободомыслящим богословом, общаясь время от времени с хорошо известными реформат-

скими учителями в Базеле и Страсбурге. Однако из-за своих крайних взглядов ему не удалось втянуть в серьёзный диалог ни одного из них, и он чувствовал, что ему дали отпор.

В разочаровании он обращается к письменной работе и в 22 года в 1531 году публикует одно из самых первых и значительных наступлений на учение о Троице, когда-либо написанных: *De Trinitatis Erroribus*.²³ Троица у него получила прозвище Цербера,²⁴ измышления дьявола. Даже Буцер, этот мудрый апостол любви, заявил с кафедры, что автор заслуживает того, чтобы у него вырвали внутренности. Римские власти осудили книгу. Сервет, которого заставляли отречься от сказанного, опубликовал вторую работу, в которой отрекался от своих ранних взглядов, называя их просто незрелыми. Затем он решил скрыться. Он изменил своё имя на Вильнёв, путешествовал и занимался медициной. Некоторые полагают, что на год или два он уехал в Италию, ибо в это время в итальянских провинциях неожиданно возникло течение анти-тринитаризма, схожее с его учением.

В 1535 году он приехал в Лион и работал корректором в типографии, пока публиковал издание «*Географии*» Птолемея. Затем в 1536 году он вернулся в Париж, где заслужил репутацию одного из самых талантливых врачей Франции, читал лекции по медицине и написал книгу о сиропах. Среди его произведений есть один отрывок, который предлагает теорию кровообращения. Он верил, что астрология дала ключ к медицинской практике, опубликовал книгу, чтобы это доказать, и жалел своих коллег по профессии за их незнание звёзд. Он стал таким же несносным в медицинских учреждениях в Париже, каким ранее был в богословском мире в Базеле и Страсбурге. Ему пришлось уехать.^{a 25}

В 1540 году Сервет, судя по всему, пытался тихо обосноваться в Виенне в Дофине, где один из его друзей стал архиепископом. Он мог очень удобно устроиться, потому что всегда был способен заработать деньги. Но он продолжал прислушиваться к прежнему

---

^a Говорят, что Сервет назначил Кальвину встречу в Париже, чтобы обсудить некоторые богословские вопросы, но когда последний пришёл на указанное место, Сервет не появился.

зову радикально преобразить Церковь и переписывался с Кальвином, чьи произведения и образ вселили в него чувство восхищения и ненависти. Если Кальвин в своём реформаторском рвении смог написать *Institutio*, то он мог бы сделать шаг вперёд и написать *Restitutio*.²⁶ Сервет послал Кальвину несколько писем, которые, по мнению Кальвина, были полны вздора. Наконец, он выслал ему рукопись своей главной и только что написанной работы, которую Кальвин в письме общему другу описал как «длинный свиток умопомешательств». Сервета задело, когда он понял, что не может вовлечь Кальвина даже в полемику, которая показала бы, что как богослова его воспринимают всерьёз. Он отреагировал на это тем, что выслал Кальвину копию принадлежащего ему «Наставления» Кальвина. Она была полна многочисленных оскорбительных замечаний на полях.

Случилось так, что Кальвин против своего желания оказался в таком положении, когда он мог выставить как скрытое прошлое, так и настоящие взгляды Сервета. В конечном счете, в Женеве до него дошла напечатанная копия *Restitutio*, которую тайно опубликовали в 1553 году в Виенне. Разоблачение началось тогда, когда кто-то из Виенны написал своему другу де Трие в Женеву, упрекая его за всю ту ересь, которой его учили в городе. Де Трие ответил с усмешкой, что никто в Виенне не должен громогласно заявлять о чистоте учения, когда они укрывают у себя того, кто не стыдится печатать самое худшее из всех богохульств. Некоторые страницы напечатанной копии *Restitutio* прилагались в качестве доказательства издания подобного произведения в Виенне.

Это письмо де Трие является свидетельством того, что на данной стадии Кальвин взял инициативу в разоблачении Сервета и был ответственным за последующую передачу доказательств из Женевы в Лион, раскрывая истинную сущность автора *Restitutio*. Однако, возможно, сам Сервет в стремлении распространить своё учение отослал пачку копий Роберу Этьену, женевскому торговцу книг. Нет причин предполагать, что Кальвин вообще побудил де Трие раскрыть роковую переписку только потому, что он был настроен преследовать Сервета. Как и во многих спорах относительно роли Кальвина в различных делах, всё зависит от

того, как читать свидетельство, которое может быть истолковано по-разному. Сервета взяли под арест в Лионе в ожидании суда за ересь, и, несомненно, римские власти сожгли бы его на костре. Но он бежал.

Трудно в точности понять, почему в конечном итоге он оказался в Женеве. Правда, в течение нескольких лет он был очарован Кальвином, но одновременно чувствовал сильную ненависть к нему. Он был так уверен в своём предназначении и способностях, что допускал мысль о том, что может завоевать Женеву так же, как он почти завоевал медицинский мир Парижа, и таким образом занять положение Кальвина. Знаменательно, что он прибыл именно тогда, когда положение для Кальвина было самым затруднительным, и получил поддержку руководителей партии либертинов. Во всяком случае, Кальвин был вынужден объяснить его появление в Женеве как откровенное объявление войны и вызов всему, за что он боролся в городе. Из прошлого опыта он знал, что те, кто говорит о просвещении, стремясь укрепить свои взгляды с помощью политики, могут быть так же безжалостны, как и те, кто противостоит им.

Сервета арестовали в Женеве 13 августа 1553 года, в день его прибытия. Кальвин подал жалобу на него, состоялись предварительные слушания, и власти Женевы решили начать судебное разбирательство. Обвинением руководил главный прокурор Клод Риго, один из членов партии либертинов. Главным свидетелем обвинения, конечно же, был Кальвин. Его показания были изобличающими и иногда давались в сильном душевном волнении, так что чувствовалось наличие личного подтекста. Только один или двое в городе, кто противостоял Кальвину по иным причинам, не одобрили действия, направленные против Сервета. Кальвин действительно просил магистрат применить более милосердное наказание, чем сожжение, но магистрат не изменил своё решение, чтобы соответствовать привычному способу обращения с такими еретиками.

После казни Кальвин добивался и получил такую всеобщую поддержку со всего мира относительно совершённого в Женеве, и даже сожжения (с которым сам он был не согласен), что стало

ясно, что мир того времени чувствовал, что нельзя давать ни малейшей возможности такому радикальному фанатику проводить воинственную кампанию в поддержку своих взглядов. Однако время шло, и многие люди перестали ощущать уверенность в этом деле, и было бы лучше, если бы Кальвин и де Без не пытались продолжать с таким усердием оправдывать его.

В 1903 году комитет Реформатских Церквей установил гранитный монумент Сервету на месте его смерти, и на камне начертали: «Мы, почтительные и благодарные сыновья Кальвина, нашего великого реформатора, осуждая ошибку, которая была ошибкой его эпохи, и твердо веря в свободу совести согласно истинным принципам Реформации и Евангелия, поставили этот покаянный памятник».^a

г. Ситуация и практика того времени

Рассматривая вышеприведённые случаи, следует помнить не только существующее настроение и обычаи того времени, но и

---

^a Действия Кальвина в деле Сервета предоставили возможность для большого исследования. В. Низель перечисляет пятьдесят книг и статей на эту тему, появившиеся только в промежутке между 1901 и 1959 годами (*Calvin -Bibliographie 1901-1959*, München, 1961). Столетие назад Боннэ заметил, что это дело было «извечным предметом обвинения для врагов реформатора», и до сих пор Кальвина изображают «Божьей ищейкой». Большинство друзей Кальвина, подобно Думергу, который является автором надписи на покаянном памятнике, признают, что «его ошибка была ошибкой его времени». Эммануил Стикелберген (*Calvin*, London, 1959) защищает его более отважно и пишет, что во время казни Сервета Кальвин в течение часа стоял «на коленях», собираясь с мыслями, которые «сильно одолевали его». Хотелось бы сейчас знать эти мысли. Доктор Генри Стеббинг, англиканин, переведший в 1849 году книгу Пола Генри *Life and Times of Calvin*, утверждал, что «только если бы Кальвин молился об освобождении от рабства, которое сделало его преследователем», можно было бы примириться с этим «единственным пятном, портящим его прочную и безупречную репутацию».

самую ситуацию в Женеве той эпохи. В деле Каstellio главным вопросом, прежде всего, было его соответствие месту служителя.

В Женеве был колледж служителей под названием «Коллегия пасторов Женевы», собрания которой проводились часто и регулярно. Любимый человек, готовящийся на служение, сначала проходил этот орган, а затем, если его считали пригодным, представлялся городскому магистрату, который и производил назначение. Подробные протоколы этой коллегии показывают, что к мнению Кальвина во время его пребывания в Женеве прислушивались чаще всего не более чем к другим мнениям, хотя его всегда просили председательствовать.

Как только служителя назначали, снять его с должности можно было только по решению городского магистрата. Поэтому пастор, имеющий зуб на своих коллег, мог втереться в доверие к членам магистрата, не симпатизировавшим церковному служению. И тем самым он получал свободу жить в городе недостойным своего призвания образом. В течение многих лет «Коллегия пасторов» в Женеве имела серьёзные проблемы с пасторами, распространявшими слухи и ложные учения и пытавшимися вызвать разлад и злословие.^а Поэтому Кальвин и его коллеги были вынуждены давать рекомендации на служение с крайней осторожностью.

Более того, Кальвин считал исповедание Реформатской Церкви касательно того, что всё Писание богодухновенно, одним из основных положений вероучения. Он не сомневался, что библейские авторы, составляя богодухновенные писания, полностью выразили свою истинную человечность, и до определённых границ мы можем отличить взгляд Кальвина на Писание от современного и так называемого «фундаменталистского» взгляда. Но он верил, что Святой Дух «запечатлевает в сердцах» верующих Слово Божье в его единстве так, чтобы «помимо всякого челове-

---

^а См. мнение, высказанное в Hughes, *Introduction to R.C.P.*, о деле пастора де Эклесия, которому в течение многих лет позволяли распространять сплетни, и который был бельмом на глазу у всех своих коллег, потому что городской магистрат отказывался подвергнуть его наказанию.

ческого мнения» мы могли обрести несомненную уверенность, что «оно изошло из уст самого Бога при посредничестве людей». Он верил, что в дополнение к этому мы можем найти много доводов в пользу его достоверности.^a Каstellio, очевидно, не согласился с этим утверждением. В объединённой общине, предусмотренной Кальвином для своего города, невозможно было позволить служителю распространять сомнения по поводу такого важного вопроса.^b

Каstellio за его убеждения ни преследовали, ни ссылали. Он был волен покинуть Женеву или остаться. Когда позднее Кальвин и де Без стали его критиковать за отстаивание свободы выражения любого мнения в сообществе, они отвечали на то, что считали политическим нападением на способ управления Женевой. Однако Иероним Больсек нападал на власти Женевы за их приверженность учению о предопределении. Если бы он решил противостать им в менее важном вопросе, он не был бы изгнан. Но Реформация сама возникла благодаря тому открытию, что когда Бог проявляет милость, причина такого милосердия в Нём самом, а не в делах и поступках того, к кому Он испытывает жалость. Когда кажется, что в своём желании спасти мир Он избирает одного человека, а не другого, и отдаёт предпочтение одному, а другому, причину этого выбора можно найти только в Его милости и благожелании. Люди во времена Кальвина везде боролись, главным образом, за религиозную уверенность. Поэтому учение о предопределении требовало, чтобы его подчеркивали, а не подвергали сомнению. По мнению Кальвина, это учение утверждало, что

---

^a Ср. *Наст.*, I, VII, 5; I, VIII, 4.

^b Лорд Халдан в своей *Autobiography* (London, 1929), pp.5-6, рассказывает, как его учили Библии в школе под руководством доктора Клайда. Хотя обязанностью учителя было только обучение историям Ветхого Завета без выражения собственного мнения, «он не мог удержаться от того, чтобы не донести до нас своё неприятие этих историй». Результатом было то, что: «Вскоре я стал неподвизтым в своём отношении к ранним библейским учениям». Халдан делает вывод, что глупо «допускать, чтобы религиозное обучение проводили те, кто в действительности не симпатизирует ему».

Божья любовь такова, что к каждому отдельному человеку она приходит особым индивидуальным путём.^a

Некоторые части догматической системы, созданные Кальвином и его последователями с целью поддержать учение, сегодня могут показаться нам неудачными. Но в то время они не могли думать об иной структуре для его защиты. Большек должен был считаться нападающим на сердце Евангелия, как это видели реформаторы.

В действительности, с Большеком обошлись сравнительно мягко. Конечно, его выслали, но он спокойно мог путешествовать, искать и находить общество, которое было более близким ему по духу. Принимая такую линию поведения, власти Женевы следовали тогда прогрессивному примеру, который подали лютеране в Германии, разрешив сектантам свободно эмигрировать, если те того желали. Карл Холл, ссылаясь на такую инициативу в Германии, называет её «отходом от более чем тысячелетней традиции, первым существенным ограничением государства своих собственных полномочий и первым официальным признанием права личности в вопросах веры» и проводит контраст между протестантским обычаем в данном случае и отказом гугенотам даже в таком праве со стороны Людовика XIV.^b

Тогда почему по отношению к Сервету была проявлена такая строгость? Просто потому, что деятели Реформации в своей вере были не только реформатами, но и католиками. Они всегда утверждали, что являются истинными преемниками в историческом развитии Святой и Кафолической Церкви. Но вера в Троицу была основой не только всего Кафолического учения, но и самой христианской цивилизации. Распространение отрицания такой доктрины было актом предательства и попыткой создания анархии.^c Это был основной вопрос, относительно которого только

---

^a Ср. *Насм.*, III, XXII, 6; III, XXI, 1-3.

^b Karl Holl, *The Cultural Significance of the Reformation* (New York, 1959), p.54.

^c В. Улманн указывает, что первая статья Юстиниановского кодекса называлась «О Троице и Католической вере», *op. cit.* p. 48.

сумасшедший мог попытаться сделать свои собственные предположения. В данном случае личная совесть, которая, тем не менее, имеет свободу не соглашаться с властями по другим вопросам, может только сделать выбор веры. Ни в протестантских, ни в католических странах в то время не было места, где бы Сервет получил что-либо иное, кроме смертного приговора. Имелись споры о способе исполнения приговора для таких еретиков,^a и, несомненно, странно, что против желания Кальвина женевские власти настояли на сожжении Сервета.

Участие Кальвина в деле Сервета можно понять в свете той чрезвычайно критической политической ситуации, в которую вторгся последний, и где он, по всей вероятности, решил сыграть активную оппозиционную роль. В Женеве и Церковь и Государство были так тесно связаны, что серьёзное нападение на исповедание веры было серьёзным нападением на политические основы государственного строя. Как замечает Элтон: «пока членство в светской организации подразумевало членство в церковной организации, положение религиозного диссидента было сродни положению политической нелояльности и даже измены».^b Это был случай, в котором религиозная терпимость была «несовместима с поддержкой правительства».^c

Хотя происшедшее в Женеве и, прежде всего, случай с Серветом связало имя Кальвина, особенно во многих умах, с нетерпимостью, он не отличался в этом деле от большинства своих современников. Несомненно, Эразм выступал в пользу широкой терпимости. Но он не участвовал в необходимых мерах по осуществлению, а затем и контролированию, перемен, заставивших реформаторов размышлять над происходящими реформами в более тесной связи с насущными вопросами своего времени. Дж. В. Аллен дал весьма полезную информацию о позиции Лютера.

---

^a Cp. J. Lecler, *Toleration and the Reformation* (New York, 1960), vol. I., pp. 80,85,88.

^b In *New Cambridge Modern History*, vol. III, p. 5.

^c J. W. Allen, *A History of Political Thought in the Sixteen Century* (London, 1961), p. 42.

Вначале Лютер великодушно выразился по вопросу сектантов: «Ересь никогда нельзя сдержать силой... Ересь – это нечто духовное, что не режется железом, не сгорает в огне и не тонет в воде. Помогает только Слово Божье». Он утверждает, что «все должны проповедовать свободно и решительно, по мере своих сил, и против кого пожелают... Пусть духи натолкнутся друг на друга и доведут дело до конца». Но испытав на себе последствия свободы, предоставленной анабаптистам и другим, он говорит: «Обстоятельства были слишком сильны для него, и после 1531 года он почти полностью перешёл на сторону тех, кто по той или иной причине верил в сохранение чистоты религии с помощью силы».^a

Карл Холл, защищая реформаторов в вопросе терпимости, заявляет, что «протестант никогда не ставит католику клеймо еретика за его ошибки, не говоря уже о его наказании». Он утверждал, что католиков не беспокоили, пока их не было слышно. Даже в Англии их преследовали только потому, что подозревали в измене. Вопрос о ереси возникал только тогда, когда сомнению подвергались такие доктрины, как Троица или Божественность Христа. Холл напоминает, что Кальвин также принял такую снисходительную позицию по отношению к католикам.^b

д. Цена и награда за участие

Силу политического напряжения, часто проявлявшуюся внутри города, можно понять из реакции властей на Жака Груйе, одного из первых оппонентов Кальвина.²⁷ В 1547 году к кафедре Кальвина приколоты клочок бумаги следующего содержания: «Ты и вся твоя компания мало чего добьётесь своими мерами. Если вы не уберётесь, никто не спасёт вас от гибели, и вы проклянёте тот час,

---

^a *Ibid.*, p. 26.

^b Karl Holl, *op. cit.*, p. 55. Дж. В. Аллен показывает (*op. cit.*, p.34), что Меланхтон считал Римский католицизм ересью, которая «грешила через прибавление». Такая ересь может быть терпимой в правильно управляемом обществе – не то, что ереси, которые богохульствуют через отрицание.

когда оставили монашество. Нас заранее предупредили, что сюда придёт дьявол со своими легионами,²⁸ чтобы всё разрушить. И хотя какое-то время мы терпели, теперь, наконец, произойдёт мщение. Защищайтесь, или вы разделите участь Верле из Фрибурга.²⁹ Нам не нужно здесь так много хозяев. Запомните, что я сказал».³⁰ Подозрение пало на Груйе, выходца из старой женевской семьи. Его дом обыскали и нашли документы, содержащие оскорбление Кальвина, общепринятых норм морали и апостолов.³¹ К тому же было найдено письмо к королю Франции, которое возбудило подозрение в подстрекательстве к мятежу. Власти пытались Груйе, чтобы узнать, были ли у него сообщники, а затем казнили, и не из-за Кальвина или того, что Груйе был моральным преступником, а из-за его измены.³²

Кальвин не мог стоять в стороне от такого человека и не принять поддержку тех, кто казнил Груйе и хотел сохранить Женеву независимым и безопасным убежищем для многих в городе, уже избежавших тирании во Франции.

Такое политическое напряжение было долгодействующим фактором в борьбе между Кальвином и либертинами. Однажды французский король сказал, что «даст два миллиона, чтобы стать хозяином Женевы», а Ами Перрин, говорят, ответил, что «двухсот лошадей будет достаточно, чтобы захватить город». Люди испытывали постоянное раздражение, и любое подозрение в измене вызывало беспощадную реакцию.

Из-за того, что Кальвин позволил себе увлечься такой политической деятельностью в Женеве, он стал очень тесно связан с делами, которые сегодня покажутся безжалостными по своей жестокости. Ему приходилось делать выбор между очень ограниченными альтернативными направлениями, в которых даже стиль его деятельности до определённой степени диктовали его союзниками. Он чувствовал всё большую стеснённость, ибо знал, что Бог возложил на него бремя руководства. В такие времена «дрожь генерала или руководителя», писал он Меланхтону, «более бесчестна, чем бегство целого войска отдельных солдат».^a

---

^a C.L. to Melanchthon, June 18, 1550.

Он верил, что его время требует более жёстких меры руководства, чем обычно. В *Наставлении* он утверждает:

Есть области, где убийства и грабежи достигли бы невиданных размеров, если не ввести страшной пытки для убийц. Есть времена, требующие ужесточения наказаний... Есть народы, у которых нужно строго карать какой-нибудь особый порок ввиду того, что данный народ склонен к нему более других.^a

Во время конфликта с либертинами были моменты, когда, как в прелюдии ко второму пришествию Христа, он боялся, что на улицах его города появится огромный зверь Апокалипсиса, чтобы довести до кульминации мучения и унижения, которые в течение долгих лет кротко сносили он и его собратья, французские изгнанники. «Идёт последнее действие; ибо после многих побед враг замышляет решающий триумф над Христом, Его учением, Его служением и, одним словом, над всеми Его членами». В требовании либертинов снять наказание и всем без исключения предоставить право участвовать в Вечере Господней Кальвин видел последнюю зловещую угрозу антихриста: «Их распутство достигло такого уровня... что они упорно желают превратить дом Господень в бордель».^b

Кальвин всегда помнил, что многие вокруг него продолжали страдать за веру, которую Бог поручил ему защищать в Женеве. «Для себя я желаю, чтобы долг моего положения и совести позволили мне хранить молчание так же, как я закалил своё сердце, чтобы всё вынести. Но когда я вижу небесное учение Христа, служителем которого Ему было угодно меня сделать, которое вздорно нарушают, какой позор соблюдать спокойствие, как будто мне связали язык! Должен ли я обманом оставлять без защиты учение, за которое святые мученики без колебаний проливали свою кровь?».^c

---

^a *Наст.*, IV, XX, 16.

^b C.L. to the Pastors and Doctors of the Church of Zurich, November 26, 1553.

^c C.L. to the Pastors of Bern, May, 1555.

ГЛАВА 7

ЭКОНОМИКА В ЖЕНЕВЕ

а. По направлению к здоровой торговле

Когда Лютер посмотрел на сферу жизни, которую захватили торговые компании, он увидел такую «глубокую яму алчности и преступления, что с доброй совестью здесь не о чем и говорить».^а Для него любой торговец неизбежно был обманщиком. Англичане и португальцы, торговцы из Индии и Калькутты лишали Германию её золота. Мудрое правительство заделало бы эту брешь. «Что хорошего может быть в торговле?».^б

В XVI веке с открытием Америки и новых торговых путей мировая торговля сильно расширилась. Увеличение запаса золота и чеканка монет стали причиной широко распространённой инфляции. Казалось, новая торговля делала бедных людей ещё беднее. Служители Церкви и пасторы стали чувствительны к создаваемым ею проблемам. В Англии и Римско-католические и протестантские проповедники в некоторых проповедях эффективно разоблачали происходящее торговое мошенничество и жёстко критиковали торговцев.^в Несомненно, иногда, когда последние, сидя на церковной скамье, тихо это слушали, они приписывали такие нападки консервативному снобизму второстепенного джентри, чьё место в обществе они теперь спокойно узурпировали.^г

---

^а L.W. , vol. 45, p. 270.

^б *Ibid.*, pp. 246-7; ср. Karl Holl, *The Cultural Significance of the Reformation* (New York, 1959), p. 79.

^в Ср. J. W. Blench, *Preaching in England* (Oxford, 1964), pp. 133, 244, 270; M. MacLure, *St. Paul's Cross Sermons 1534-1642* (Toronto, 1958), p. 123.

^г Ср. H. Holborn, *Ulrich von Hutten and the German Reformation* (New York), 1965, p. 45.

Сам Кальвин понимал, что в его время торговец начинает занимать место государя. «Купцы Венеции в настоящее время думают, что находятся на уровне правителей и что они выше всех остальных людей, кроме царей... Мне также говорили, что в Антверпене есть комиссионеры, которые без колебаний тратят столько, сколько не может выложить самый состоятельный из дворянства».^a Кальвин был также смел в осуждении «неприемлемого лица» недавно установившейся торговой системы, как и многие другие проповедники его времени. Он мог сам описать жизнь торговца как «сильно похожую на жизнь проститутки», полную хитростей, ловушек и обманов и «многих новых и неслыханных изобретений для извлечения прибыли».^b Но он признавал, что в XVI веке не может быть движения назад к «идеальному» примитивному аграрному обществу.

Кальвин решил подать свой голос не против, а за развитие рискованного бизнеса, который, как он знал, уже становился причиной повреждения человеческого характера.^c Он видел, что взаимобмены, предполагаемые в здоровых торговых отношениях между отдельными людьми и различными слоями общества, могут сыграть неоценимую роль в создании нормальной жизни. Он понимал важность денег для человеческого благополучия и даже для христианского блага людей. Он сравнивал годовые доходы, собранные гражданскими властями, с «народной кровью».^d Изла-

---

^a *Comm. on Isa.*, 23:8.

^b *Comm on Ezek.*, 23:17.

^c Cf. R. H. Tawney, *Religion and the Rise of Capitalism*, Penguin Ed., p. 92. Комментируя решение Кальвина в этом деле, Тони замечает, что «принятие реальностей торговой деятельности в качестве отправной точки имело важное значение. Это означает, что кальвинизм и его ответвления встали на сторону той деятельности, которая должна была стать наиболее отличительной чертой будущего. Кальвинизм настаивал, что можно и должно жить в соответствие с христианскими принципами не через отрицание торговой деятельности, а посредством неизнурительной концентрации на задаче использования предлагаемых ею возможностей для славы Божьей».

^d *Наст.* IV, XX, 13.

гая апокалипсическое видение Исаии, он быстро обратил внимание на то, что первым бедствием, которым Бог покарает народ в наказание за зло, будет то, что «прекратится покупка и продажа».^a

Билер говорит, что для Кальвина материальная торговля – это символ духовного причастия членов общества. Чем больше и богаче торговый взаимообмен, тем больше и богаче может стать нравственная и культурная жизнь участвующих в нём. Общественное благосостояние и экономическая жизнеспособность связаны вместе. «Ни одно государственное правительство не может быть длительным без торговых дел».^b

Его вера в силу Евангелия для обновления всего давала ему необычайный оптимизм в этом деле. Например, он находил утешение в видении Иезекииелем преобразования всей, иногда грязной, торговой жизни Тира к славе и служению Богу, который доказал ему, что Бог может заставить даже торговца прекратить грешное занятие и изменить свой характер. Его совсем не беспокоило, в отличие от других, то, что доходы от деловых предприятий были в его время больше доходов от землевладения. Почему бы нет? утверждал он. Торговцы должны были даже рисковать своей жизнью, продавая товар, и свой доход они заработали явным усердием и трудолюбием.^c

б. Ростовщичество

Задолго до времени Кальвина, Церковь и большинство иных властей совершенно открыто относили библейское осуждение ростовщичества к торговой деятельности и запрещали ссуды под проценты. Исключения допускались. Например, процент считался подлежащим уплате, если можно было показать, что ссуда явилась причиной утраты для заимодавца или лишила его возмож-

---

^a *Comm. on Isa.*, 24:2.

^b *Ibid.*, ср. A. Bieler, *The Social Humanism of Calvin* (Richmond, 1965), p. 51.

^c *Comm. on Ps.*, 15:5, E. Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Churches* (London, 1931), vol. 11, p. 642.

ности получить доход от владения ею. Но Святое Писание не проводит таких различий в запрещении «ростовщичества». Лютер считал, что для людей неправильно получать прибыль от простой ссуды денег, не работая и не подвергая себя риску. Однако практика получения процентов от ссуд развивалась, и правительство пыталось урегулировать ставку, по которой должны были брать проценты.

Кальвин был первым, кто поставил под сомнение прежний метод толкования Библии по данной теме. Он настаивал на том, что в контексте библейского мира «ростовщичество» было не совсем тем, что оно из себя представляло в XVI веке. В библейские времена, утверждал он, деловые предприятия требовали небольшого капитала, и из контекста понятно, что ссуды, о которых идёт речь, были чистыми ссудами, даваемыми тем, кто находится в нужде. Ростовщичество было запрещено только в отношении к таким непродуктивным ссудам, которые давали в помощь и потребление. Но наиболее распространенная ссуда в XVI веке – иного вида. Это ссуда, даваемая для производства, так что берущий может получить прибыль от её использования в своём деле или торговом предприятии. Кальвин утверждал, что, даже если человеку может не понравиться такое ростовщичество, нет оснований для предположения, что оно запрещено Словом Божиим.

Он отрицал учение Аристотеля о том, что деньги бесплодны и поэтому не могут породить себе подобных. Он утверждал, что неправильно, будто богатому и состоятельному человеку, который взял займы для того, чтобы купить кусок земли, можно разрешать получать прибыль с фермы, не заплатив займодателю часть дохода в качестве процента, пока не оплатится основная сумма. Ростовщичество, запрещённое в Библии, «только по отношению к бедному, и, следовательно, если мы имеем дело с богатым... ростовщичество разрешено».^а Таким образом, Кальвин дал ясную и смелую альтернативу традиционному учению, и люди нашли его аргументы более убедительными, чем софизмы, с

---

^а *Comm. on Exod.*, 22:25; *Comm. on Ezek.*, 18:1-9; ср. Письмо Кальвина по этой теме другу (предположительно Sachinus) in C.O. 10a:245-9.

помощью которых делались исключения из того, что, казалось, было открытым и резким запрещением. Вместо аргументов в пользу таких сложных казуистических исключений он сформулировал одно простое правило: «Насколько законным может быть получение ростовщического процента с займов, лучше предпишет закон справедливости, чем любые долгие дискуссии».^a

Хотя таким образом Кальвин ясно признавал, что ростовщичество допустимо, он постоянно выражал личное недовольство его практикой. Он настаивал, что никому нельзя позволять заниматься ростовщичеством как профессией. Для него это было странным и постыдным делом: в то время как все другие должны усиленно трудиться или подвергать себя опасности, чтобы заработать себе на жизнь, эти «торговцы деньгами» будут спокойно сидеть, ничего не делая, и получать дань с труда других людей.^b Поэтому он верил, что в упорядоченном обществе ростовщичество не допустимо, и нашёл поддержку своим взглядам даже у языческих писателей.^c

Однако предполагаемым инвесторам, желавшим получить процент, не принимая низкой профессии, он повторял библейские предостережения против «несправедливых и хитрых умений зарабатывать», с помощью которых богатые пожирают бедных,^d и он предлагал в качестве правила для взыскания процентов поговорку, хорошо известную в другом отношении: «Не везде, не всегда, не всё, не от всех».^e Процент должен быть умеренным, никто не может постоянно давать займы, внутри церковной общины этого вообще не должно быть, и никто не имеет права требовать проценты от бедного. Что касается уровня процента, он говорил, что не следует ожидать, будто закон допустит даже пять процентов.^f

---

^a *Comm. on Exod.*, 22:25.

^b *Comm. on Ps.*, 14:5.

^c *Comm. on Ezek.*, 18:5-9.

^d *Comm. on Ps.*, 14:5.

^e *Comm. on Ezek.*, 18:5-9.

^f *Sermons on Deut.*, 23:8-20, С.О., 28:117 и 121.

в. Создание и распределение богатства

Духовное богатство Церкви, согласно Кальвину, зависело от того, что можно назвать «взаимной передачей» даров внутри общества. Христос наградил каждого члена даром, от которого, по Его мнению, получает пользу вся община. Поэтому все члены должны зависеть друг от друга и делиться друг с другом в свободно предоставляемом взаимообмене услуг – общении, в котором соревнование исключается, а значение имеет только любовь.^a

Кальвин верил, что таким же образом благосостояние политической или общественной организации зависит от взаимной передачи товаров и услуг. Он понял, что такой взаимообмен будет зависеть от потока денег, источника жизненной силы сообщества, к каждому члену и от него.

Чтобы богатство текло рекой, сначала его следует создать. Внимательно исследовавшие городские летописи дают впечатляющий отчёт о том, как власти Женевы во время Кальвина способствовали основанию новых деловых предприятий. Они поддерживали тканное и печатное производство. В летописях упоминается фармацевтический завод. Расширилась шёлковая промышленность, молодых людей учил шёлковому прядению специалист из Лиона, а для разведения шелковичного червя культивировали тутовые деревья.

Документы показывают, что гражданские власти участвовали в решении торговых споров, замораживая в 1559 году заработную плату, запрещая мастерам и поденщикам в печатной промышленности формировать влиятельные группы, рассчитанные для того, чтобы двигать уровень заработной платы вниз или вверх, добиваясь гарантий безопасности труда для рабочих и рационального рабочего дня для мастеров. Кальвин и служители, по видимому, часто вмешивались, когда возникали проблемы. В конце концов, Кальвин был самым опытным юристом в городе и искусным переговорщиком. Указывают, что, вероятно, во время

---

^a Ср. pp. 94f, 117.

его пребывания в Страсбурге он заметил, что культурную и общественную жизнь города можно поднять с помощью успешно развивающейся промышленности и торговли, и он не мог не желать такого же высокого уровня процветания для Женевы.^а

Своё мнение по вопросу о распределении богатств Кальвин выражал часто и довольно ясно. Он понимал, что богатство склонно утекать к тем, у кого оно есть, и кто действительно может использовать его, чтобы вытянуть из других то, что те имеют. Поэтому гражданские власти вынуждены были не только поощрять торговлю, но и до определённой степени направлять поток изобилия вниз, так чтобы оно могло достичь не только богатых, но и бедных.

Во-первых, Кальвин настаивал на том, что должно стать законом жизни, то есть, там, где есть чрезмерное изобилие, должно быть и щедрое вознаграждение, даваемое богатыми бедным. В средние века помощь бедным в большей степени обеспечивалась личными благотворительными дарениями. Считалось, что бедный находится на ответственности богатого, которому следовало относиться к этому не только как к обязанности предоставлять нуждающимся еду и кров, но и как к привилегии. Когда к этому относились серьёзно, это означало, что иногда в благотворительности присутствовал желаемый элемент личного общения. Кальвин всё ещё считал проявление личного милосердия богатого по отношению к бедному важной частью социальной и экономической жизни сообщества, каким задумывал его Бог, и он призывал богатых исполнять свою обязанность милосердного дарения, как если бы это было выражением закона, по которому они должны жить.

Конечно, он полагал, что у каждого человека есть право на свою собственность. Это настолько определяло его богословскую позицию, что он не стремился оправдать право владения соб-

---

^а См., например, A. Bieler, *op. cit.*, pp. 49-50. E. Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Churches* (London, 1931), vol. II, p. 912. W. Fred Graham, *John Calvin, the Constructive Revolutionary* (Richmond, 1971), pp. 136f, 142.

ственностью так, как это делали Лютер и Цвингли.^a Если человек становится богатым, это «обусловлено не его собственным мастерством, а является плодом Божьего благословения». Своей бдительностью и усердием «люди ничего не добиваются настолько, насколько Бог благословляет их свыше».^b Следовательно, так как богатство даётся свыше, оно не может быть неоправданным. Но если у человека *своя* собственность, дарованная ему Богом, он в равной степени имеет *своего* бедняка, на которого он также должен смотреть как на человека, помещённого Богом в его окружение с определённой целью. Такие бедные люди, как и их семьи, принадлежали богатым.

Одним из отрывков, который он чаще других повторяет в своих произведениях и учении, является призыв Исаии к богатому человеку в Израиле «не прятаться от своей плоти».^c В одной из своих проповедей на книгу Второзаконие он действительно находит в этом отрывке, как он считает, ссылку на «твоего нищего». Именно в данном случае богатого призывают «радоваться пред Господом» не только со своим сыном, дочерью и женой, «но также с его нищими братьями». «Бог смешивает богатых и бедных, так чтобы они могли встречаться и поддерживать общение друг с другом, чтобы бедные получали, а богатые давали».^d

Бог сам является получателем того, что даётся нищим, и записывает в долг тем, кто даёт. Хотя мы не должны воображать себе, что способны объяснить все пути Божьи в том, почему одних Он делает богатыми, а других – бедными, мы, по крайней мере, можем видеть, что богатые постоянно испытываются через их отно-

---

^a См. G. W. Locher, *Der Eigentumsbegriff als Problem Evangelischer Theologie* (Zurich, 1962), pp. 36ff; cp. Mellone, *Western Christian Thought in Middle Ages* (Edinburgh, 1935), pp. 211-12.

^b *Comm. on Deut.*, 8:17.

^c Isa. 58:7, cf. e.g., *Sermon on Deut.*, 15:7-10, C.O., 27:326; *Sermon on Deut.*, 15:11-15, C.O., 27:349.

^d *Sermon on Deut.*, 15:11-15, C.O., 27:342.

шение к богатству и его использование, тогда как бедные проверяются своей бедностью.^a

В таком обмене благами от богатого бедному Кальвин видел проявление установления Божьего, по которому деньги и товары должны направляться вниз через сообщество людей естественным и разумным способом.

Но Кальвин понимал, что в развитии века торговли нельзя положиться даже на самую великую щедрость, чтобы гарантировать благосостояние нищего. Не стоит ожидать от частного лица, что он сможет разыскать их или полностью понять их нужду. Поэтому в обязанность дьякона входило поддержание связи с бедными посредством посещений, сотрудничество с пасторами и тем самым знакомство с истинными проблемами дома и отправление общественного благосостояния. Дьяконы, которые назначали и распределяли помощь бедным, были официальными лицами, чья задача была определена по образцу дьяконов ранней церкви.^b Один из них в Женеве должен был стать «достаточно оплачиваемым» и способным официальным лицом на полную занятость.

Ордонансы, которые Кальвин составил в 1541 году, говорят об «общественной больнице», которая должна «хорошо содержаться» со всеми условиями, доступными для больных и пожилых, не могущих работать, и быть с отдельным крылом для вдов, детей-сирот и других бедных и с приютом для странников. Более того, «также необходимо чтобы, как для нищих в больнице, так и для тех горожан, у кого нет средств помочь самим себе, врач или хирург назначался за счёт города».^c

2. Дух капитализма

Следует отметить, что Кальвин не предусматривал исчезновение из общества тех, кто бы потребовал оказания благотвори-

---

^a *Sermon on Deut.*, 15:7-10, С.О., 27:333, *Sermon on Deut.*, 15:11-15, С.О., 27:338.

^b *Наст.* IV, III, 9, см. R.C.P., p.42.

^c *Ibid.*, p.43; cp. *Sermon on Deut.*, 15:11-15, С.О., 27:341.

тельной финансовой помощи частным или общественным путём. Он не видел, как богатство общества сможет прийти до всех и всем помочь отдельно от такого сознательного общения. Как деловая и общественная жизнь требовала различия между хозяином и слугой, так и дела торговли, по его мнению, требовали различия между богатым и бедным. По-видимому, его идеей было то, что некоторые вынуждены владеть богатством так, чтобы быть способным обеспечить его обращение.^a

Поэтому он не считал, что богатые должны делиться с бедными до той степени, чтобы стереть различия между ними. Но веря в необходимость сохранения некоторой разницы, он утверждал, что появление крайних различий между богатством и бедностью внутри сообщества – непростительное зло. Разъясняющим является его комментарий к идеалу Павла «через дарение должно быть равномерность».³³ «Равномерность», по мнению Павла, как считает Кальвин, означает «справедливое распределение наших источников, чтобы мы могли, насколько позволяют денежные средства, помогать тем, кто в затруднении, чтобы не были одни в изобилии, а другие в нужде».^b Видение, данное в притче Христа о Лазаре, находящегося на небесах на лоне Авраамовом, подразумевает, что богатство не закрывает двери Царства Небесного кому бы то ни было, но они открыты в равной степени всем, кто либо разумно использовал свои богатства, либо терпеливо выносил недостаток в них.^c

Кальвин верил, что повеление Христа «продавать имущества ваши и давать милостыню» при определённых обстоятельствах может потребовать отдать свой капитал, как и текущий доход. Оно предписывало, что «мы не должны довольствоваться дарованием бедному того, чем мы с лёгкостью можем поделиться, но мы не должны отказываться отдавать свои имущества, если их годовой доход не удовлетворяет потребностям бедного. Значение этого повеления следующее: «Пусть ваша щедрость будет так велика,

---

^a См. *Comm. on Isa.*, 24:2.

^b *Comm. 2 Cor.*, 8:14.

^c *Comm. on Luke*, 16:35.

что уменьшит ваше имение и распорядится вашими землями». ^a Поэтому хотя человек имеет право быть богатым, он не имеет права оставаться очень богатым, в то время как между ним и бедными, окружающими его, сохраняется глубокая пропасть. Он должен считать себя управляющим того, что имеет. Жадному, который сильно отстаивает свои права на владение собственностью, Господь отвечает: «Это действительно твоё, но при условии, что ты разделишь его с голодным и жаждущим, чтобы ты не поедал это один». ^b

Дух Кальвина во всём его учении о владении и потоке богатства совершенно отличается от «духа капитализма», с которым очень тесно стали связывать его имя. Действительно, в деле собственности и управления богатством его проповедование склоняется к доктрине, полностью выраженной Левером и иными в проповедях в церкви Креста св. Павла в Англии. Левер заявил, что хотя «в ранней Церкви не было анабаптистского коммунизма», однако «христиане в том, что они христиане, имеют всё общее по сей день». «Богатые», – утверждал он, – «оставляют себе то, что им нужно, и дают бедным столько, сколько тем нужно». Добро христианина «обще с потребностью каждого человека и не частное для человеческой страсти». ^c Это учение склонно иметь боль-

---

^a *Comm. on Luke*, 12:33. Джон Уэсли в данном случае немного более легалистично, нежели Кальвин, учил, что веление Христа «Не собирайте себе сокровищ на земле» запрещает богатым увеличивать свой капитал. «Когда он приходит, ежедневно или ежегодно, отпусти его». Ср. *Works of Rev. John Wesley* (London, 1811), vol. X, p. 143.

^b *Comm. on Isa.*, 58:7. По-видимому, Кальвин принимает разделение собственности на «моё» и «твое» как необходимое зло, обусловленное нашей потребностью мира в мире эгоизма. Возможно, он бы согласился со средневековой доктриной о том, что в раю не будет «моего» или «твоего» (ср. Mellone, *op. cit.*, pp. 211-12). Паскаль считал, что источником происхождения частной собственности является инстинкт грабежа.

^c Quoted in MacLure, *op. cit.*, pp. 124ff. Следует заметить, что Кальвин отрицал любую насильственную общность владения имуществом. Комментируя Деян. 2:44, он говорит: «В данном месте необходимо некоторое толкование из-за фанатических настроений».

ше общего со средневековым мышлением, нежели с тем, что стоит за энергичным ростом капитализма.

На данном этапе следует отметить, что Кальвин никогда не мог одобрить идею о конкурирующем обществе. Соперничество и борьба одного члена с другим невозможны внутри истинного христианского общества. Никто не может жить в полную силу, пока соревнуется с другими. Интересно заметить, насколько близка позиция Кальвина в данном деле взглядам анархиста Кропоткина. В противоположность Хоббесу и всем мыслителям, которые оглядываются на естественное состояние человека в обществе, находящегося в постоянной борьбе, Кропоткин считал, что «законом природы является закон сотрудничества, взаимной помощи, а не борьбы. Внутри каждого рода существует правило взаимной поддержки...».^a

Более того, Кальвин всегда предупреждал о смертельных результатах алчности – неутолимом и непреодолимом огне в душе, разрушающем всё личное и общественное благо.^b Тех, кто вымогал дешёвый труд от бедняка, он называл кровососами, худшими убийцами по сравнению с любым уличным головорезом.^c Он никогда не уставал жёстко критиковать тех, кто использует свою финансовую власть, чтобы вытянуть из других деньги для себя.^d Он выражает тревогу о том, что, когда цены стали очень высоки, богатые торговцы могли держать свои амбары закрытыми, для того чтобы ещё более поднять цены и тем самым «перерезать горло бедным людям».^e Ничто в мире торговли, считал он, не может быть законным, если наносит вред другим людям, и «все сделки, в которых одна сторона старается нечестно получить прибыль

---

^a James Joll, *The Anarchists* (London, 1964), p. 155. Помнится, где-то я прочитал, что Ф. Д. Морис также на идею о конкурирующем обществе на земле ответил, что нат даже намёка на соревнование внутри Святой Троицы, по Чьей модели Бог сотворил человеческое общество.

^b *Comm. on Amos*, 8:5; *Comm. on I Cor.*, 11:3.

^c *Comm. on Jer.*, 22:13.

^d Ср., например, *Comm. on Jer.*, 5:28.

^e Cf. A. Bieler, *op. cit.*, pp. 52-3. По данному вопросу В. Фред Грэм цитирует *Sermon on Deut.*, 20:16-20, С.О., 27:639.

через убыток второй стороны», подлежат осуждению.^a Он никогда не мог согласиться с идеями о том, что любая форма соперничества в торговом предприятии может помочь обществу, или что своекорыстие может способствовать общему интересу. Он верил скорее в ограничение, а не освобождение духа соперничества.

Поэтому дух Кальвина не имеет ничего общего с «духом капитализма». Мнение Трёльча о том, что в этике Кальвина «есть дверь, в которую мог прокрасться капитализм»,^b указывает на отсутствие понимания. Конечно, он действительно одобрил развитие торговли и действительно выяснил запутанные мысли людей по вопросу ростовщичества. Но утверждение, что он «дал религиозное оправдание конкурирующему индивидуализму торгового предприятия»,^c настолько же далеко от истины, как заявление о том, что Христофор Колумб отвечает за гражданскую войну в Америке. Конечно, он виноват, что был так наивен и поверил, будто филантропия может в значительной степени помочь покрыть социальную несправедливость. Очевидно, в данный момент он более простодушно, чем многие сегодня, доверился потенциальной добродетели человеческой природы под властью Евангелия.^d Однако следует заметить, что там, где стоимость общественного благосостояния начинала непомерно расти, те, кто знал, как ценность духа добровольности, так и то, что называлось «благодетельностью», вновь желали, чтобы этого было больше. Очевидно, Кальвин не хотел, чтобы помощь бедным стала предписанным налогом, и старался сохранить дух добровольности.^e

---

^a *Comm. on Ps.*, 15:5. В данном случае Кальвин призывает своих читателей не думать, что «может быть законным... то, что вредно для других».

^b Ср., например, Troeltsch, *op. cit.*, pp. 644, 645, 915.

^c P. A. Micklem, *The Secular and the Sacred* (London, 1948), p. 174. По вопросу схожего отрицания любой предполагаемой связи между пуританством и капитализмом, см. Harold Laski, *The Rise of European Liberalism* (London, 1958), pp. 92ff.

^d Ср. R. Niebuhr, *An Interpretation of Christian Ethics* (London, 1937), p. 19.

^e Ср. *Sermon on Deut.*, 15:7-10, С.О., 27:333-4.

Глава 8

ОБРАЗОВАНИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ЖЕНЕВЕ

а. Основание университета

После достижения успеха в обеспечении прочного положения Слова Божьего в городе, Кальвин всё своё внимание направил на основание университета. С начала своей деятельности в качестве реформатора его, как и Лютера с Меланхтоном, беспокоило обучение и наставление детей. Людей необходимо было учить элементам веры, и они должны были уметь читать и понимать Слово Божье.

Неудивительно, что, когда граждане Женевы приняли Реформатскую веру, они одновременно согласились начать новое обучение молодежи. В ранний период своего пребывания в городе в 1537 году Кальвин написал первый катехизис – *«Наставление в вере»*.

В 1538-1541 гг. он находился в Страсбурге, городе, где обучению придавалось первостепенное значение, а в работе были заняты самые великие специалисты образования. Поэтому в 1541 году Кальвин возвращается в Женеву с далеко идущими планами, которые он изложил в ордонансах (указах), позднее представленных совету. Следовало не только улучшить существующие школы, но и учредить «колледж» с целью «подготовки наших детей» и «для служения и гражданского управления».^а

Наставлению молодых Кальвин всегда придавал большое значение. «Поверьте мне, милорд» – писал он Сомерсету,³⁴ – «Церковь Божья никогда не сохранится без катехизиса». «Истинному христианству» следует учить «в определённой письменной форме». Такое катехизическое обучение могло бы способствовать

---

^а 1541 Ordinances, R.C.P., p. 41.

единению, даже восполнить некоторый недостаток «пасторов и викариев» и помочь людям, чтобы их не сбили с пути «самонадежные личности». Но это должен быть «хороший катехизис», краткий и «на языковом уровне, соответствующем их молодому возрасту».^a

Поэтому в 1545 году Кальвин написал катехизис для Женевы.^b Но своего «колледжа» ему пришлось ждать долго. Сначала он и его собратья пасторы довольствовались незначительными улучшениями существующей системы начального образования и, насколько это было возможно, заботами о более способных учениках, проходящих через неё. Только в 1557 году, когда большая часть его споров с оппонентами закончилась, Кальвин начал настаивать на решительных действиях в этом вопросе. В 1558 году был назначен комитет и выбран местоположение колледжа. Ничто не могло быть второстепенным. Хотя Женева была сравнительно бедным городом с большой долей беженцев из Франции, ведущих финансовую борьбу за своё восстановление, всё предприятие казалось слишком претенциозным.

Стоимость здания оплачивалась из денег, которые появились тогда, когда Женева, подав дело против Ами Перрина и его союзников в независимый суд Базеля, в конечном итоге одержала в этом процессе победу и смогла продать с аукциона их имущества. Однако требовалось больше денег, и поэтому было решено обратиться к народу. Юристов просили подготовиться к тому, чтобы оформлять отданные наследства. Сам Кальвин участвовал в сборе денег по домам богатых и бедных. Без объединённых общественных усилий проект не мог иметь успех. Расположение большинства людей города к Кальвину ясно видно из того, как они его поддерживали. Новые иностранные жители и старые женевские семьи щедро содействовали ему в проекте.

Кальвин не имел цель создать целый университет со всем профессорско-преподавательским составом, но он настаивал на том, что стандарты преподавания должны быть самыми высоки-

---

^a C.L. to Protector Somerset, October 22, 1548.

^b Cf. C.Tr., vol. II, pp. 33ff.

ми и доступными всем. В его переписке есть письмо известному учителю в Париже, в котором сделана попытка уговорить его покинуть своё кресло и стать коллегой Кальвина. К счастью, его проблемы в поиске профессорско-преподавательского состава разрешились, когда возникли неприятности между властями и преподавателями Академии в Лозанне. Вире и некоторые другие хорошо известные профессора покинули её и переехали в Женеву. В их числе был и Теодор де Без, который стал первым ректором новой Академии.

Учебное заведение состояло из двух отделений. Сначала ребёнок шёл в колледж, или *School Privata*, состоящий из семи классов, постепенно ведущих в умению читать греческий и латинский и изучению диалектики. Среди читаемых авторов были Вергилий, Цицерон, Овидий, Цезарь, Сократ, Ливий, Ксенофонт, Полибий, Гомер, Демосфен. После этого шла академия или *Schola Publica*, где можно было выбирать различные курсы из предложенных предметов: богословие, иврит, греческий язык, поэзия, диалектика и риторика, физика и математика.

На открытии академии присутствовало 600 студентов. За первый год приём вырос до 900 человек. Люди приезжали со всей Европы; список известных учителей и учеников впечатляет. Кальвин сам писал устав для академии. Учителя должны были подписаться под исповеданием веры, которое, однако, не включало предопределение. Кампшульте, католический биограф Кальвина прошлого века, обращает внимание на то, что несколько десятилетий спустя, когда Аквавива, глава иезуитского ордена, составлял свою образовательную программу, он многое взял из женевских академических постановлений и был очень обязан Кальвину за его взгляд на учебные дела.

В. Фрэд Грэм представляет нашему вниманию доказательство того, что некоторые из правил, написанные Кальвином, проявляют его личное отношение к гуманитарным наукам. Профессоров предупреждают, что «они не должны бранить тех авторов, которых излагают, но всё своё внимание направить на верное развитие ума». Директор «должен быть *галантен*», ни грубого, ни резкого нрава, так что вся его жизнь может подать хороший пример

ученикам. Он также должен довольно мирно (*спокойно*) переносить неприятности своей обязанности. МакНил думает, что признание Кальвином своих недостатков в отношении вышесказанного было его скромным дарованием, что помешало ему занять такой пост самому, хотя он спокойно мог это сделать.^a

Назначив главой де Беза, он выбрал всемирно известного гуманиста и человека литературного, который писал и любил поэзию и опубликовал пьесу. Де Без выступил с речью на церемонии вступления в должность 5 июня 1559 года. Он рассказал об истории образования в прошлом, ссылаясь на то, как Моисей учился мудрости у египтян, и поздравил совет с предоставлением Женеве возможности участия в славном деле распространения знаний, свободных от суеверий.^b

б. Два мира в Женеве

Читатель заметит, что Кальвин, излагая цели колледжа в ордонансах 1541 года, упоминал подготовку для «служения» до «гражданского управления». Его первостепенная забота в основании академии была очевидна. В Женеве гуманитарные науки следовало направить на служение Слова Божьего. Понимание и проповедование Слова требовало умения, которое пастор мог получить обычным путём с помощью такого образования. Людям следовало читать проповеди, которые вместо того, чтобы спускаться до их уровня, постоянно будут поднимать стандарт мышления и рассуждения в каждой сфере жизни города. Их также следовало научить самостоятельно читать Слово Божье и давать оценку проповедованию вопреки власти Писания.

Конечно, никто не должен был становиться служителем Слова, если не знал человеческую природу, к которой было обращено Слово.^c Поэтому одновременно с христианскими науками его

---

^a W. Fred Graham, *op. cit.*, p. 1509. John T. McNeill, *op. cit.*, p. 194.

^b Ср. Reyburm, *op. cit.*, p. 285.

^c В течение столетий в Шотландии, например, служитель Слова должен был получить свою первую степень в области «гуманитарных наук»,

необходимо было обучить и гуманитарным наукам. Кальвин верил, что человеку можно помочь стать «человеком» с помощью такого образования. Он сам в *«Наставлениях»* цитирует многих классических авторов, то критикуя их, то следуя им, и используя всё, что может из их мудрости, чтобы прояснить своё толкование библейского текста. Он готов признать с благодарностью это, когда находит у Платона проблеск проникновения в суть божественных вопросов. В понимании человеческой психологии ему, конечно же, помогал Аристотель.^a

Кроме желания обеспечить Церковь образованным служением Кальвин понимал, что образование в гуманитарных науках обладает силой, способной обогатить всю жизнь Женевы как города и тем самым способствовать развитию «гражданского управления». «Насколько вполне заслуживают уважения», – писал он, – «свободные искусства и науки, которые оттачивают человека так, что дают ему достоинство истинного человеколюбия».^b «Ученье философов», – настаивал он, – «истинно и не только приятно для познания, но также полезно и хорошо продумано».^c Он был уверен, что «Господу было угодно помочь нам через физику, диалектику, математику и другие похожие науки трудом и служением нечестивых».^d

«Те, кто занимался философией», – писал он Буцеру, – «побуждались к этому самим Богом».^e В его комментариях к цитате из Эпименида, сказанной Павлом в Послании к Титу 1:12, он ссылается на работу св. Василия, в которой он наставляет молодых людей своего времени «относительно того, какую помощь они должны получить от языческих авторов» и добавляет: «Так как

прежде чем ему разрешали приступить к изучению «божественной природы». С таким основательным началом не считали необходимым то, что мы делаем сегодня, пытаясь дать кандидатам на служение знания в более строгих психологических и социальных науках.

^a Ср. *Наст.*, I, III, 3; I, V, 3; I, XV, 6 и т.д.

^b *Comm. on I Cor.*, 1:20.

^c *Наст.*, I, XV, 6.

^d *Наст.*, II, II, 16.

^e C.L. to Bucer, February 1549.

вся истина от Бога, если нечестивый говорит что-то правильное, мы не должны отвергать это, потому что оно также пришло от Бога. Кроме того, так как всё от Бога, что может быть неправильного в применении ради его славы всего, что можно таким образом правильно использовать?».^a

Поэтому Кальвин планировал, что Женева будет городом, открытым двум совершенно различным источникам вдохновения и жизни, оба идущие от Бога и оба являющиеся полезными; городом, открытым, в действительности, двум мирам: великому миру Библии, миру вечных христианских ценностей, и миру всего лучшего, что есть в человеческой культуре с незапамятных времён, — «небесным» и «земным» предметам.^b

Он отказывался следовать тем, кто в те дни слышал в известном вопросе Тертуллиана «Какое отношение Афины имеют к Иерусалиму?»^c ноту презрения и принимал решение основывать свою культуру только на Библии. Для Кальвина никакое учение, если оно делает людей беспечными по отношению к тому, что глубоко влияет на человеческую жизнь даже в его чисто человеческих заботах, не может быть христианским. Если он противостоял фальши Римско-католической церкви, он в равной степени противостоял слишком крайнему радикализму, который так сильно беспокоился о Царствии Божьем, что совсем не заботился о земном благосостоянии человека. Он хотел, чтобы женевская жизнь оставалась всегда открытой тому же потоку обновления и человеческой культуры, который прошёл через Афины и Рим, и который, как он знал, создал самое лучшее в нехристианском мире. Когда Кальвин писал в Англию регенту Сомерсету, что «наш вид христианства» никоим образом не перечит истинному гуманизму, он отделял себя от преуменьшающих ценность всего, что,

---

^a *Comm. on Titus*, 1:12. Позднее в своей жизни св. Василий очень подозрительно относился к образованию и нравам своего времени и исключил языческих классиков из монастырских школ. Похоже Кальвин об этом забыл.

^b Ср. *Наст.*, II, II, 12,13.

^c *De Praescr.*, 7; *Apol.*, 46.

по его убеждению, могло естественным образом процветать в человеческой жизни в стабильных социальных условиях.

Одной из причин для написания *«Наставлений»* он называл противодействие несправедливому обвинению в том, что реформатское учение призывало людей к восстанию против человеческой власти и презрению существующих основ государственного строя. Он считал, что сатана использовал смятение и суматоху, вызванную необходимой и подлинной оппозицией Риму, чтобы создать свой собственный хаос и беспорядок, в котором разрушилось бы всё хорошее и человеческое. Поэтому теперь Реформатская Церковь должна была бороться с такими сатанинскими фанатиками, презирающими сам гуманизм, и продолжить противостояние Риму.

в. Происхождение и сфера «свободных искусств и наук»

Понять мотивы Кальвина и его политику можно, поняв его взгляды на происхождение и цель человеческой культуры и её отношение к духу Божьему, взятые им из Библии.

В результате грехопадения Бог лишил человека всех его «духовных даров». Он потерял способность понимать то, что Кальвин называет «небесными предметами», касающиеся чистого познания Бога и Его Царства, истинной справедливости и блаженства будущей жизни. Когда дело доходит до познания таких вещей, все философы, говорит Кальвин, «слепее, чем кроты».

Однако последствия грехопадения не лишили человека его «естественных даров». Способность человека обращаться с «земными предметами» (то есть, управление, ведение хозяйства, механика, свободные искусства) лишь частично уменьшилась.^a По-

---

^a *Наст.*, II, II, 12,13. В проведении такого различия между небесными и земными предметами Кальвин следует общепринятой традиции в Церкви. В конечном счёте, Павел ссылался на «плотское» и «духовное», а Уолтер Ульман говорил, что Григорий Великий считал, что занятие человека плотскими делами обозначается в Писании собирательным термином «*humanitas*» (*The Individual and Society in the Middle Ages*,

этому естественный человек всё ещё сохраняет достаточную способность вести политические дела и определённое количество нравственной пронизательности. Некоторые семена политического порядка были посажены во всех людях, и нет ни одного человека без проблеска разума, необходимого для обустройства жизни. Человек должен лишь изучать историю человеческих достижений в области управления, искусства и науки, и он вынужден восхищаться. «Разве можем мы сейчас отрицать, что древние правоведы обладали ясным мышлением и благоразумием, благодаря которым они создали столь добрые установления и столь справедливую власть? Можем ли мы сказать, что философы были слепы, если они так прилежно исследовали тайны природы и так изобретательно о них рассказывали?».^a

То, что во время грехопадения человечество не лишилось всего, что было хорошим, Кальвин без колебаний приписывает Божьей благодати, которая приходит к нам во Христе. Благодаря этой милости образ Божий не был полностью разрушен или уничтожен. Поэтому он говорит о «всеобщей благодати Бога»,^b явленной во всём добром, что в нас сохранилось, и благодаря которой мы отличаемся от грубых животных. К числу проявлений такой всеобщей благодати Бога он относит не только способность человека контролировать себя в благопристойных социальных взаимоотношениях, но и «универсальную восприимчивость разума, заложенную от природы во всех людях». Только по милости Божьей не все мы глупцы.^c

Иногда этот аспект учения Кальвина о милости называется его доктриной о «всеобщей благодати». Однако не следует думать, что для Кальвина существует два вида благодати: искупительная и общая. Эта всеобщая милость Божья является просто поворотом той же искупительной благодати, известной нам во Христе, к

Baltimore, 1966, p. 8 n.). В отличии «сверхъестественных» даров от «естественных» он следует Августину.

^a *Наст.*, II, II, 13,15.

^b *Наст.*, II, II, 17.

^c *Наст.*, II, II, 14.

человеку в его падении. Она содержит в себе отрицание искупительной любви для освобождения человека.

Более того, Кальвин считал действие всеобщей благодати Бога работой Сына Божьего. Согласно Кальвину, Христос сам проливает на мир свет двумя различными способами. Во-первых, будучи вечным созидательным Словом Божиим, Он поддерживает всё сущее в жизни и существовании, украшает человека разумом и сохраняет для него то количество света, которое не было уничтожено его грехопадением. Во-вторых, он обновляет и восстанавливает падшего человека.^a

Кальвин подчеркивал, что добрые естественные дары, которыми мы так восхищаемся и с благодарностью используем, принадлежат человеку, главным образом, в присущей ему секулярности и, в действительности, его падшей порочности. Он указывает, что Ветхий Завет приписывает дары, создающие в наибольшей степени человеческую культуру, семье Каина, чьи сыновья, хотя и лишённые Духа возрождения, открыли некоторые искусства. Дальнейшее изучение истории, утверждал он, покажет, насколько далеко лучи божественного света освещали неверующие народы ради блага настоящей жизни. Поэтому свободные искусства и науки «спустились к нам от язычников. Мы действительно вынуждены признать, что получили от них астрономию и другие части философии, медицину и порядок гражданского управления».^b

д. Развитие и управление светским

Кальвин признавал существование естественной склонности мужчин и женщин к художественным и культурным занятиям и их развитию. «Среди сыновей Адама были трудолюбивые и способные люди, которые выражали своё усердие в изобретении и развитии искусств».^c Этой склонностью они обязаны именно Богу

---

^a *Comm. on John*, 1:15.

^b *Comm. on Gen.*, 4:20

^c *Comm. on Gen.*, 4:20

Творцу и Искупителю. «Такая подвижность и разносторонность души», – пишет он далее, – «которая способна обозревать небо и землю, увязывать прошлое с будущим, сохранять память о давно минувшем и создавать представление о благе, есть признак божественности в человеке. Душа наделена столь живым воображением, что может быть названа матерью во всяком роде искусств. Более того... постигает множество хороших и полезных вещей... Что можно сказать обо всём этом? Только одно: запечатлённые Богом в человеке знаки божественности неистребимы».^a

Кальвин считал, что до некоторой степени художественный талант был широко распространён в человеческой жизни, и его можно было обнаружить у довольно простых людей. «Мы», – пишет он, – «в некоторой степени способны к искусствам». Правда, к их изучению одни не так способны как другие. Однако вряд ли найдётся тот, «кто бы так или иначе не проявлял талантов».^b

Можно заметить, как хорошо он развил свой собственный дар прекрасного умения писать красивую прозу, и хотя сам он не писал много стихов, но, тем не менее, позднее признавался, что имел естественную склонность к поэзии.^c Но, говорит он, ради небывалого прогресса в искусствах мы должны ждать появления гения. Большинство людей в своих артистических занятиях идут не далее «совершенствования того, чему научились у других». Однако есть те, кто могут «изобрести что-нибудь новое» в различных искусствах.^d Другими словами, общераспространённая культура должна поощряться и направляться культурной элитой, способной творческим способом прорываться в различные поколения и открывать для остальных людей новые возможности следования за ними в распространении новых культурных форм.

В то время как Кальвин таким решительным способом устанавливает связь человеческой культуры с милостью Божьей во Христе, он одновременно подчёркивает совершенно ограничен-

---

^a *Наст.*, I, V, 5.

^b *Наст.*, II, II, 14.

^c To Conrad Herbert, May 19, 1557. Cp. M'Neill, *op. cit.*, p. 232.

^d *Наст.*, II, II, 14.

ную сферу, в пределах которой заключалось её влияние, а также второстепенное место, приписанное ей в Божьем порядке вещей.

В те дни Кальвин во многих местах видел, как даже Слово Божье и новая жизнь Духа искажались либертинами и энтузиастами, сильно желающими распространить пагубную ересь, оправдать вспышки кровавых восстаний и необузданную страсть. Он понимал, что художники и деятели культуры могут стать не менее открытыми тому же разрушительному и незаконному духу и выродиться под его влиянием. Поэтому в то время ради соблюдения основных приличий и стабильности общества тем, чьё призвание находилось в светской сфере, следовало напоминать о законе Божьем для того, чтобы они нашли лучшее самовыражение. Слову Божьему есть что сказать даже «естественному человеку» о такой деятельности естественного человека. «Так пусть каждый из нас, бросив оценивающий взгляд на самого себя, помнит, что есть лишь один Бог, правящий всяким сущим и желающий, чтобы мы взирали на Него, обращались к Нему со своей верою, служили Ему и призывали Его. Ведь нет ничего нелепее и безрассуднее, чем наслаждаться драгоценными дарами, являющимися определённую божественность в нас, и в то же время презирать подателя этих даров».^a

Поэтому Кальвин верил, что рядом с «человеческим» должно быть христианское. Оно может найти направление и помощь в собственном образе жизни только при постоянном взгляде на образ жизни, явленный в Церкви. Необходимо позволить свету Евангелия всегда освещать из Церкви окружающее общество, чтобы помочь всем людям найти лучшее направление и границы саморазвития в личной, семейной, общественной и культурной жизни и прийти к истинному пониманию себя. Существуют границы, заходя за которые в своём самовыражении и саморазвитии человек начинает разрушать свою человеческую природу.

Поэтому свободные искусства и науки ради своего блага должны занимать в жизни место, предписанное им Богом. На практике для Кальвина это означало, что их применение будет в

---

^a *Наст.* I, V, 6.

значительной степени ограничено светской сферой, в которой соответственно будет раскрываться их истинная ценность. Очевидно, он верил, что Церковь может использовать человеческую культуру, чтобы лучше понять Слово Божье, а также может обуздывать экспрессивные дары, чтобы дать им возможность достойно ответить Богу на Его благодать, и прежде всего, в церковных зданиях и с точки зрения литургии и поклонения. В такой степени искусство, музыка и архитектура могут оказать помощь в ориентации нашей жизни по направлению к Богу и будущему, хотя такая помощь и ограничена.^a Однако он не хотел бы, чтобы мы переоценивали силу этих искусств в возвышении наших душ к Господу таким способом, что они как бы давали нам связь со спасительной силой Евангелия.

Он был убежден, что исказить величие Бога неподобающими выдуманнами образами ошибочно и опасно.^b Он соглашался с порядком десяти заповедей, согласно которому вторая выделяется в отдельную заповедь, запрещающую поклонение созданным человеком изображениям. Мы должны сдерживать безрассудство, с которым пытаемся свести непостижимого Бога к тому, что доступно нашим чувствам, или изобразить зримые образы Бога.^c Он признавал, что человеческая природа нуждается того, чтобы во время богослужения к ней обращались и через видимые обряды, и через произносимое слово. Но он верил, что Бог полностью предусмотрел нашу нужду в этом отношении через установление Крещения и Вечери Господней. Слово и эти два Таинства составляют образ, в котором Бог решил изобразить и представить Себя Своему народу. Человек не должен стремиться улучшить то, что предписал Бог. Так как они являются зеркалом, в котором мы видим лик Бога, нельзя изменять это лицо в случае, если оно становится непохожим на Бога. Так как они являются установленными символами Божьего присутствия среди нас, не стоит изобретать другие, ибо они обречены показывать просто

---

^a Ср. А. Kuyper, *Calvinism* (Edinburgh, 1898), pp. 208,209.

^b *Наст.* I, XI, 12.

^c *Наст.*, II, VIII, 17.

пустоту реальности Его присутствия. Нельзя превращать поклонение в игру, когда оно должно быть схваткой. Если проповедник через проповедование Слова и проведение Таинств верно отображает истинный образ Бога во Христе, человеку не нужно большего, чтобы получить возможность понять Христа и тем самым оказать Ему истинное почитание.

Следует заметить, что Кальвин направляет свою критику существующего в Церкви наглядного искусства главным образом против использования его в целях побуждения к набожности или ответу в актах поклонения там, где одно только милостивое присутствие Бога может дать истинную реальность и жизнь. Он не критикует в такой же степени строительство просторных и красивых храмов и признаёт, что в Церкви наглядные искусства могут быть полезны в наставлении, потому что художник может изображать исторические события, которые «послужат предупреждением или напоминанием».^a

Для Кальвина «предупреждение» людей с помощью библейских событий и истории Церкви и то, что они означали, довольно сильно отличалось от действия самого поклонения и поэтому оно могло поддерживаться использованием наглядных искусств. Поэтому он, вероятно, не возражал против романской резьбы по дереву, изображающей исторические сцены, и статуй, которые украшали средневековые церкви, пока их не стали использовать для поклонения. Он выражал сильное несогласие, когда слышал об уничтожении образов. Его заявления по данному вопросу шире сделанных Цвингли, который допускал, чтобы изображения исторических событий имели место около Церкви, и признавал, что искусство может иметь христианское применение, но полностью лишал его «не только какого-либо литургического или церковного содержания и цели, но и любого духовного измерения».^b

Реформаторы до Кальвина обсуждали роль, которую может играть музыка и музыкальные инструменты в Церкви и светской жизни. Лютер без колебаний утверждал, что «Святой Дух почита-

---

^a *Насм.*, I, XI, 12.

^b C. Garside, *Zwingli and the Arts* (New Haven, Conn., 1966), p. 172.

ет музыку как инструмент Своего действия», используя в качестве примера воздействие игры Давида на гуслях на Саула. Несмотря на людей, подобных Карлштадту, который говорил о «сладострастный звуках органа» и хотел оставить их вместе с трубами и флейтами театру, лютеранские церкви продолжают использовать инструментальную музыку в богослужении. Цвингли не соглашался с этим. Он признавал, что музыка может иметь сильный, глубокий, но чисто психологический эффект временного характера на людей, и только это является объяснением воздействия игры Давида на Саула.^a Он соглашался, что музыка в человеческой жизни занимает уникальное место над всеми другими искусствами. Способность реагировать на неё имеет глубокие корни в человеческой природе. Он утверждал, что главной её функцией является сдерживание и успокоение диких страстей, и считал злоупотреблением использование её для побуждения страстей. Но он считал, что музыку необходимо ограничить для человеческого использования и удовольствия как чисто светский дар Божий. В пределах Церкви его решение было следующим: «Я никого не беспокою своей музыкой». Новый Завет, считал он, не установил в Церкви вокальное пение, а скорее велел людям петь в своих сердцах, и мы не должны добавлять свои ритуалы к установленным Христом. Поэтому под влиянием Цвингли в цюрихской Церкви в течение двух поколений из богослужения было удалено всё пение. Тем не менее, сам Цвингли сочинял музыку, и она играла большую роль в его домашней жизни.^b

В отношении музыки Кальвин придерживался середины между Лютером и Цвингли. Он считал, что музыке следует разрешить играть свою роль в «религиозных службах», из которых он исключил наглядные искусства. Музыка, по его утверждению, имеет природу, приспособленную для принесения пользы в этой связи.^c Поэтому, как мы видели это выше, он поддерживал общинное пение. Более того, объясняя воздействие на Саула игры Давида

---

^a 1 Цар. 16:23.

^b *Op.cit.*, pp. 59f, 67.

^c *Comm. on Gen.*, 4:22.

на гусях, он ссылается на внутреннее вдохновение Господом сердца Саула, сопутствующее музыке. Однако Кальвин полагал, что согласно Новому Завету многие обряды Ветхого Завета были отменены или упрощены, поэтому, как он считал, использование инструментальной музыки в новой диспенсации исключено из церковного богослужения. Применение инструментов в служении подходило тем, кто «ещё молод, как дети», кого обучают согласно закону, но «голос человека... несомненно, превосходит все неживые орудия музыки». Более того, он говорил, что инструментальная музыка слишком похожа на «неизвестный язык», на котором, согласно св. Павлу, нам запрещается славить Бога.^{a 35}

Поэтому Кальвин отнёс инструментальную музыку к светской области, где она «может служить нашему удовольствию, а не нашей настоятельной потребности», однако «не следует всю её считать ненужной», и её нельзя осуждать в каком-либо отношении.^b

---

^a 1 Кор. 14:23; cf. *Comm. on Ps.*, 33:2, *Comm. on Ps.*, 81:2, *Comm. on Exod.*, 15:20.

^b *Comm. on Gen.*, 4:20. В таких маленьких городах, как Цюрих, когда Церковь прекратили нанимать художников и ремесленников, те нашли новых покровителей среди богатых бюргеров. Это означало развитие портретной живописи и внутреннее украшение домов. Также это означало, что художественное мастерство расточалось на светские, а не религиозные предметы. Такое движение имело место везде, где существовала Реформация.

ГЛАВА 9

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ХРИСТИАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

а. Общие направления XVI века

Оценить намерения Кальвина и его подлинные достижения в Женеве мы сможем, если рассмотрим их в свете определённых развитий, которые происходили как в мышлении, так и в социальной структуре того времени, в котором он жил.

В течение столетий в христианском мире и Церковь, и гражданское правительство вместе участвовали во всех важных событиях общественной жизни. Они считали, что Бог, податель всякой власти, связал их таким образом вместе. То государство, то Церковь доминировали в таком партнёрстве, но каждый стремился держаться за другого в пределах объединённого христианского общества. Жизнь в таком мире была слишком тяжелой и опасной, чтобы Церкви не требовалась поддержка гражданских сил. Вера в будущую жизнь была слишком сильна для земных правителей, чтобы представлять, что они могут обойтись без Церкви.

В дни Кальвина ситуация изменилась. Люди начали менять центр своего внимания. Требования земной деятельности оказывались более срочными, чем те, которые делались во имя отдалённого грядущего мира; оказалось, что земные удобства доставляют больше удовольствия. Майнярд Смит выражает сложившуюся ситуацию так: «очаг покорил монастырь».^а

Кальвин часто сожалеет о том, что руководители Церкви позволили себе увлечься такой переменой. Они тоже изменили свои приоритеты. Их более заботило обладание временной властью ради временных целей, нежели духовной властью ради духовных целей. Поэтому они отвергали своё истинное призвание, подвер-

---

^а Н. Maynard Smith, *Pre-Reformation England*, London, 1963, pp. 516ff.

гали себя обоснованному презрению и теряли истинное положение и нравственные полномочия.

Важное развитие мышления Церкви касательно самого человека произошло в XIII веке, когда Фома Аквинский объединил Аристотеля и христианство. Аквинат представлял нашу жизнь как проходящую в двух различных сферах, естественной и сверхъестественной, и, следуя Аристотелю, очень высоко оценивал естественные дары человека и его естественный этический и религиозный потенциал.

Естество было составной частью, имеющей собственную силу, свои правила действия, и те, кто просто следовал природе, могли с чрезвычайно богатыми ресурсами и достигать важные и хорошо определяемые цели. «Естественного» человека, просто живущего в пределах этой сферы природы с её естественными ресурсами, собственными добродетелями и ограниченными целями, считали имеющим независимое состояние и собственную индивидуальность, даже если его жизнь не стремилась быть особо христианской.^a

Так как различие между естественной и христианской (сверхъестественной) сферами стало ясным, это вызвало далеко идущие

---

^a W. Ullmann, *op. cit.*, pp. 175, 184. Конечно, для Фомы между Богом и природой всегда существовала живая, тесная связь, то есть между благодатью и естеством; но идея о естественном законе, благоразумном по своей сути, давала определённую независимость государству в его секулярности. Фома также подчёркивал различие между человеком как естественным существом и человеком как христианином, так чтобы считать их двумя потенциальными возможностями, способными к особой самореализации, а естественный аспект человека заслуживающим собственного свободного самовыражения и способного достигнуть своих естественных целей. Ср. также Ullmann, *op. cit.*, pp. 128ff, 134ff и A. Lang, "Reformation and Natural Law" in *Calvin and the Reformation*, New York, 1909, p.90. Фрэнсис Шеффер обвиняет Аквината в начале движения, которое сделало светское государство свободным и несвязанным с тем, что суть христианское, тем самым позволяя природе стать не только «автономной», но и контролировать и «поглощать» благодать. Ср. *Escape from Reason*, London, 1968, pp. 10ff.

последствия в политическом и этическом мышлении Церкви. Стало возможным на примере государства с его гражданским правительством, приспособленным к этой области природы, представить разумный продукт человеческого природы. Человек по своей природе рассматривается как политическое животное. Теперь богословы могли ясно развить свои идеи о естественном законе и естественном богословии. Государство со своими гражданскими и естественными законами теперь имело сферу деятельности, которая стала исключительно его собственной. Создавалось ощущение, что оно взывало к развитию естественной и неотъемлемой человечности самого человека, не считая необходимым делать его христианином.

Результатом этого стало то, что ведомое собственной мудростью и доверяющее своим земным возможностям государство почувствовало, что может найти свой путь в жизни без руководства Церкви. Возникла набирающая силу тенденция развала любого объединения Церкви и государства, а также стремление у последнего управлять без посторонней помощи – процесс, который Батерфилд назвал «великим обмирщением».^a Сама Реформация не намного помогла залечить этот разрыв, потому что тех, кто управлял светскими делами, она учила священству всех верующих и поэтому ответственности и высокому положению мирянина, следуя его светскому призванию в непосредственном послушании Богу, чтобы самому найти свой путь.^b

Более того, единство Церкви и государства было в значительной степени создано внутри Священной Римской Империи. Когда единство Священной Римской Империи развалилось, региональные и национальные государства сами стали центрами собственной суверенной власти. Часто именно к правителям этих национальных государств обращались реформаторы, чтобы осуще-

---

^a Н. Butterfield, *Christianity in European History*, London, 1952, p. 37.

^b Ср. Karl Holl, *op. cit.*, pp. 45,46.

ствить необходимые перемены внутри Церкви.^a Этот процесс ослабил положение всеобщих и национальных церквей.

Отдельные мужчины и женщины, жившие во время этих больших социальных перемен, попали также под их сильное влияние. Реформация добилась успеха в избавлении многих людей от религиозных страхов и суеверий, которые внедрила в их сознание искажённая Церковь. Но простые люди в XVI веке сталкивались со многими другими проблемами и вопросами, которые заставляли их чувствовать своё бессилие и тревогу. Перемены в социальной структуре ломали прежние связи, которые давали каждому отдельному человеку помощь групповой поддержки. Люди в торговле и коммерции начали ощущать давление «рыночных сил». Отдельному человеку, особенно неудачливому в этом процессе, грозило обнаружение разрыва тех связей, которые «давали ему безопасность и чувство причастности». Окружающий мир становился более угрожающим, чем он мог себе это когда-либо представить. Он «терял своё твёрдое место в замкнутом мире, в центре которого находился человек».^b

б. Содружество под властью Слова Божьего.

В Женеве для Кальвина важным делом было новое соединение Церкви и государства во взаимной зависимости таким образом, чтобы Церковь восстановила свою духовную независимость, а гражданское правительство сохранило полную власть над каждым решением, соответствующим его сфере. Так М. Паркер указывал, что разграничение и одновременно тесный союз Церкви и государства, которого добился Кальвин с точностью, возможной в самоуправляемом городе-государстве, был важным фактором в

---

^a Например, в Германии; ср. O. Chadwick, *The Reformation* (Penguin Books, 1964), pp. 27f, 68.

^b Ср. Erich Fromm, *The Fear of Freedom* (London, 1942), pp. 52,53.

распространении кальвинизма и «проявил свои свойства как на большой арене, так и на узкой сцене женевской политики».^a

Кроме того, Кальвина беспокоило то, чтобы человек его времени не только находил спасение через веру в Иисуса Христа, но и различал важное в своей общине. В Женеве Кальвин пытался устроить так, чтобы каждый отдельный человек чувствовал, что другие обращаются к нему и заботятся о нём, и он должен понять, что его собственное содействие социальной группе является для них очень ценным. То, чего Кальвин смог достичь в Женеве, заслуживает, чтобы это назвали содружеством, в котором и Церковь и государство помогают друг другу в служении Слову Божьему, а отдельный человек воспитывается и приучается истинной свободе и ответственности в обществе.

Некоторые церковные историки описывали режим, установленный Кальвином в Женеве, как теократию; другие называли его клерикратией. Трёлътч, изучая деятельность Кальвина в Женеве, справедливо указывает, что Кальвин занимался «организованной властью христианской мысли над обществом», но он добавил, что «невозможно оказать влияние на общество таким образом, только если Церковь не является верховной над обществом», тем самым контролируя государство и общественную жизнь вообще. На практике, утверждал он, Кальвин сделал государство подчинённым Церкви.^b

Последние утверждения не отражают правильно ни намерения Кальвина, ни его достижения. Он не стремился сделать Церковь или духовенство верховной властью. Его заботило только то, чтобы предлагаемое Церковью имело высшее значение. Сам Трёлътч более прав, когда говорит, что Кальвин желал развить необходимые органы, посредством которых можно формировать общество через Божественного Духа и Божественное Слово в каждом аспекте жизни.^c

---

^a T. M. Parker, *Christianity and the State in the Light of History* (London, 1955), p. 160.

^b *Op. cit.*, pp. 627,628.

^c *Ibid.*, p. 591.

Чтобы достичь такого чуда в жизни Церкви и общества, необходимо предоставить полную свободу Слову Божьему, чтобы оно оказывало влияние на обе сферы. В действиях обеих сфер в деле Бертелье Кальвин видел угрозу со стороны гражданских властей благосостоянию всего церкви-городу. Действительно, Слово стало бы заглушённым и бесполезным семенем в тернистой земле, если бы общение в Вечере Господней запятнали позорным поступком, который готов был допустить совет. Поэтому Кальвин придавал большое значение свободе Слова Божьего для произведения плодов Духа.

Поэтому ради собственного благополучия городским властям нужны были не только Слово, но и Церковь, готовая проповедовать Его без осквернения. Кальвин не мог представить чисто светское правительство, которое каким-либо способом не признавало и не поддерживало такую Церковь. Для него даже языческие правительства обязательно признавали некую форму религии. Сама Церковь, тем не менее, не должна оставаться в стороне, а действовать, как самый жизненно важный орган всего общества. В противном случае, она не могла бы справедливо требовать помощи от гражданской власти для её основания и поддержки. Христианин тоже должен понять, что сам он не способен вырваться из всех внешних связей гражданского общества, в которых он предназначен давать своё ясное свидетельство.

Для Церкви свободно и беспрепятственно проповедовать Слово не обязательно подразумевало предоставление ей верховной власти или даже высокого положения в обществе. Кальвин знал, что в осуществлении своей задачи Церковь может принять, как это сделал Христос, скромный или даже уничижённый «вид слуги». Именно в такой форме сияющая правда её Слова стала бы более ясной. Неважно, насколько низко может иногда опуститься её состояние в ходе истории, она всегда будет возвращаться к новой жизни и свободе силой воскресения Христа. Кальвин обнаружил, что история Церкви была предзнаменована в том, что произошло с Иосифом: «Хотя Господь пожалел Египет, однако Он сделал это не ради царя или страны, но чтобы Иосифа можно было, наконец, выволить из тюрьмы; и далее, чтобы по время го-

лода можно было удовлетворить нужду Церкви, ибо хотя сельскохозяйственная продукция хранилась без какого-либо замысла, кроме обеспечения царства Египетского, тем не менее, Бог главным образом заботился о Церкви, которую Он ценил выше десяти миров». ^a

в. Гражданское правительство, «гуманность» и Церковь

Что касается гражданского управления, Кальвин отдавал должное идее о том, что оно должно поддерживать закон и порядок. Задача управления – следить, чтобы не было «идолопоклонства..., осквернения имени Божьего...», «оберегать общественное спокойствие и собственность каждого человека». ^b Кроме того, «для осуществления отмщения правители время от времени вынуждены вести войны». ^c Поэтому он целиком признаёт важность использования абсолютной силы в руках правителя. Но в «Наставлениях» эта функция государства представлена таким образом, будто считается второстепенной. ^d Для Кальвина политическое управление существует, прежде всего, для образования человека, культурного продвижения и общественного благосостояния в самом широком и определённом смысле.

Поэтому думать о структуре общества следует с точки зрения «человеческого порядка», как предлагает Раймонд Уилльямс, ^e а не просто «политического и экономического порядка».

В «Наставлениях» Кальвин дважды коротко выражает своё понимание функции гражданского управления на языке более позитивном, нежели негативном. «Короче говоря, чтобы у христиан открыто существовала публичная форма религии и среди людей

---

^a *Comm. on Gen.*, 41:9.

^b *Наст.* IV, XX, 3.

^c *Наст.* IV, XX, 11.

^d *Наст.* IV, XX, 3 и 9.

^e *Culture and Society 1780-1950*, Pelican, p. 131.

жила человечность».^a «Цель... этого порядка – ... учить нас применяться к требованиям совместного существования людей..., согласовывать наши нравы с гражданскими законами; учить нас договариваться между собой, поддерживать всеобщий мир и спокойствие».^b Читая его определения, мы отходим от традиционных идей, слишком часто выражаемых даже Лютером, в том, что гражданское управление предназначено для дурных и слабых, и что его главной функцией является осуществление власти над людьми. Кальвин соглашался с утверждением Джона МакМюррея о том, что цель политики – не использование насилия, и его уничтожение и достижение свободы через справедливость, и что если государство вынуждено обратиться к силе, это должно быть последним средством после испробования всех других.^c

Поэтому «порядок», который главным образом должен занимать политика, это общественный порядок, в котором первостепенное значение отводится благосостоянию и сотрудничеству каждого отдельного человека. Это порядок, само выражение которого, действительно, в некоторой степени определяется мышлением и желаниями людей, составляющих общество.^d

Но как знать, что есть истинная «человечность», и как её воспитать? У земных правителей может быть хорошее политическое чутьё, естественное понимание о справедливости и человеческих правах. В дополнение, они могут иметь способность вести исчерпывающее и эффективное психологическое и социологическое изучение состояния тех дел, которыми они занимаются. Однако остаётся верным то, что «само правительство не может править»,^e более того, никакое исследование человеческого поведения и обстановки, как говорит Джон МакМюррей, «не может сформировать».

---

^a *Насм. IV, XX, 3.*

^b *Насм. IV, XX, 2.*

^c *Op. cit.*, p. 33.

^d Ср. J. Bronowski и Bruce Mazlish, *The Western Intellectual Tradition* (Penguin, 1963), p. 549: «То, как человеческие существа думают и чувствуют, должно определённым образом формировать структуру человеческих обществ».

^e Jacques Maritain, *The Rights of Man* (London, 1945), p. 50.

ровать основу для существенного понимания человеческой природы. Доктрина о грехопадении занимает определённое место в христианской вере как постоянное свидетельство такого отвратительного, но самого важного события».^a

Поэтому Кальвин считал, что узнать истинную человечность и то, как следует жить, можно тогда, когда мы знаем Христа и Слово Божье. Без божественного откровения невозможно правильно понять ни значение и удел человеческой жизни, ни истинную сущность её законов. Церковь существует для того, чтобы через современное толкование Слова Божьего давать гражданским правителям необходимые им дополнительное понимание и мудрость.

Кальвин считал, что происходящее во время искупления человечества во Христе даёт нам истинную картину того, что должно было произойти в обществе изначально в его естественном виде. Потому что благодать всегда стремится раскрыть и восстановить исходную форму природы. Поэтому для себя Кальвин нашёл описание идеального человеческого строя в словах Павла о Церкви в Новом Завете: организм, или тело, в котором каждый член получает свою жизнь, благосостояние и питание от всего тела и имеет довольно уникальную и незаменимую функцию.^b В Женеве он хотел, чтобы даже гражданское общество, насколько возможно, служило образцом взаимной зависимости, сотрудничества, тесной сопричастности между телом в целом и его членами, которые он ожидал увидеть, прежде всего, в Церкви. Земное гражданство должно создаваться по образцу небесного гражданства. Поэтому социальная группа в целом должна быть организмом с большим разнообразием членов, где каждый занимает своё важное место и выполняет служение всей группе, а жизнеспособ-

---

^a John MacMurray, *Clue to History* (London, 1938), pp. 36f. Данное замечание имеет значение в виду того, что сегодня в правительственных решениях результаты исследования склонны заменять «естественный закон».

^b 1 Кор. 12:14-26; Рим. 12:4-6.

ность и благосостояние всех в целом зависит от преданного исполнения каждым своих функций.

Поэтому первоочередной заботой Кальвина в Женеве было создание в сердце города общины людей, верных Христу, чья взаимная снисходительность, любовь и прощение будут служить образцом для остального гражданского общества. Уча членов своего братства жизни истинного христианского освящения, Церковь одновременно создавала бы образец хорошего земного гражданства, которое невозможно достичь никаким чисто светским образованием. Более того, свободное и, тем не менее, контролируемое самовыражение, предлагаемое каждому в жизни Церкви, создаёт для общества человека, способного принять вызов руководства и ответственности в более широких общественных делах. Только таким образом Церковь может стать инструментом переустройства всей человеческой жизни.

Церковь должна была свидетельствовать государству в важных вопросах не только проповедованием Слова Божьего, но и вынесением резолюций на его собраниях, показывая, что всё это значит на образе жизни, который она вела. Своею собственной жизнью плоти и крови одна должна заявлять новый гуманизм и божественный порядок, который теперь вновь представлял в этом творении Иисус Христос через обновляющее действие Духа. Её задачей было, например, не просто обучение тому, что во вседозволенности не может быть смысла секса, что брак священен, моногамия разумна, а развод – это неправильно. Скорее, её задачей было показать истинное значение брака, создавая живые примеры супружеской жизни, основанные на любви и верности, образцом для которых были отношения Христа и Церкви. Только обращая внимание на такую Церковь, государство сможет правильно понять человеческую природу, с которой оно имеет дело, истинную сущность брака, родительства, цель самой жизни и природу зла.

Прежде чем мы оставим призыв Кальвина к правителям развивать «человечность», имеющую первоочередное значение во всей деятельности, и пойдём дальше, будет полезно обратить внимание на его отношение к войне того времени. Магистрат

имеет право вести войну и навлекает на себя вину, если не защищает свой народ. В мирное время он должен трезво готовиться к войне, ставить гарнизоны, вступать в оборонительные союзы с соседними правителями и даже участвовать в производстве вооружения. В наложении наказания он действует не от себя, но «исполняет приговоры самого Бога».^a

Однако, сомнительно, что Кальвин позволил бы себе заявление Лютера по данному предмету: «Не человек, а Бог вешает, мучает, обезглавливает, убивает и сражается. Все они – Божьи деяния».^b Напротив, его проповеди полны выражения ужаса по отношению к тому, что происходит на войне. Со своей кафедры он ясно заявлял, что нельзя оправдать войну, если она ведёт к распространённому и крайнему беспорядку, и когда люди, сотворённые по образу Божьему, бессмысленно уничтожаются. Он сокрушался, что современная война, насколько они её знали в XVI веке, была немного лучше разбоя, отмеченного такой бесчеловечностью, что уничтожается весь порядок, а люди становятся не лучше взбешенных животных.^c «Мы знаем, сколькими несчастьями переполнена война, ибо как только люди берутся за оружие, открывается путь грабежу, похищениям, сожжениям, кровопролитию, разврату и насилию; вся человечность и справедливость на войне предаются забвению». Поэтому «следует испробовать все другие средства, прежде чем браться за оружие».^d

Война всегда должна быть крайним, последним средством. Заметим, что Кальвин сознательно отказывался поддерживать начало войны на религиозных основаниях,^e и в «Наставлениях» нет и намёка на то, что религиозная война может быть оправдана. Очевидно, его глубоко беспокоила мысль о том, что гражданский магистрат может допустить политику войны, или ведение

---

^a *Наст.* IV, XX, 10 и 12.

^b LW, 46, p. 96.

^c *Sermon on Deut.*, 20:16-20; C.O., 27:636; *Sermon on Deut.*, 2:1-7; C.O., 26:14.

^d *Comm. on Ezek.*, 6:11; *Наст.* IV, XX, 12.

^e Ср. pp. 162ff.

войны, подчиняясь вспышке гнева или опрометчивым побуждениям, а не здоровой практической необходимости отчаянного положения. Во время войны, утверждал он, Бог допускает применение силы, только когда она с осторожностью сдерживается, и избегается любая излишняя жестокость. «Если такая умеренность не сопровождает исполнение долга, напрасно цари хвастаются, что они уполномочены Богом для исполнения отмщения».^а Очевидно, Кальвин верил, что с доступным в его дни вооружением есть возможность так контролировать ситуацию и борьбу, чтобы сохранять некоторую степень человечности. Что бы он проповедовал, столкнувшись с разрушительным действием современного оружия?

г. Ясные границы

Как мы видим, Кальвин провёл строгие линии границ между двумя сферами, касающимися человека, которые он назвал небесной и земной, и на которые мы иногда ссылаемся как на духовную и мирскую. По его мнению, эти границы никогда не стираются. Он не допускал мысли о возможном растворении одной сферы в другой.

Тем не менее, иногда утверждается, что Кальвин стремился создать в Женеве то, что можно назвать «христианской культурой». Такая фраза приводит в замешательство. Естественно, он верил, что в сердце и жизни каждого отдельного мужчины и женщины может произойти такое превращение, когда они станут «христианскими», а с помощью Слова разовьют новое мировоззрение, которое, действительно, может быть названо «христианским» взглядом на мир. Более того, он утверждал, что вся область

---

^а *Comm. on Ps.*, 18:48. Ср. *Sermon on Deut.*, 20:10-18 ; С.О., 27:617ff. В *Sermon on 2 Sam.*, 2:17ff Кальвин подробно останавливается на неспособности Авенира пощадить Асаила, когда началось сражение. Вероятно, эти проповеди были направлены против подоплёки первой религиозной войны во Франции, и Кальвин извлекает мораль (ср. стр. 44-46). *Supplementa Calviniana*, 1961, *Sermons on 2 Samuel*.

человеческих и светских дел в Женеве, несмотря на её непрочность и настойчивую тенденцию в отчуждении от Бога, может проникнуться Словом Божьим и, следовательно, милостью и Царствием Божьим, которые сильно овладеют ею. Тем самым, близость Царства благодати может оказать сильное влияние на царство природы, и жизнь «мира» в Женеве может создаваться под влиянием тех же возрождающих божественных действий, которые имеют место в Церкви. Поэтому Кальвин ожидал увидеть большие перемены в том, как работала и жила Женеве как светский город.

Однако сколько бы ни были велики изменения в сфере города, тем не менее, можно утверждать, что для Кальвина Женева всегда оставалась «светским» городом. Он не верил, что можно смешать христианское и человеческое. Так же как для него не было тесных отношений между истинами, выраженными в пределах понимания естественного разума человека, и истиной Евангелия, таким же образом не было существенных точек соприкосновения между дарами, данными Богом «естественному человеку», и тем, которые «переданы виновному человеку для его освящения».^а

Поэтому мы видим, что Кальвин сильно отличается от Аквината во взгляде на то, как эти две области связаны друг с другом. Аквинат пытался осуществить объединённый синтез, устанавливая точки соприкосновения и перехода от одной сферы в другую. Самое высокое и благородное в человеческой сфере затрагивало то, что предположительно было низшей степенью в сфере духовного. Действительно, высшие пределы досягаемости области природы, по-видимому, спокойно ведут нас в царство благодати, а благодать доводит природу до совершенства. Вся сфера естественного, тем самым, это основание для царства благодати. Однако у Кальвина мы не находим такого стремления сплотить воедино две области. «Естественное», считал он, слишком подвержено неустойчивости и тщеславию и склонно к сильному извращению посредством нашей постоянной человеческой греховно-

---

^аC.L. to Bucer, February 1549.

сти, чтобы доверить ему вести нас к высоким пределам его досягаемости до Царствия Божьего. Поэтому Кальвин просто допустил существование двух сфер: человеческой культуры и нашего главного христианского интереса, которые сосуществуют бок о бок параллельно и в вынужденном напряжении, особенно когда в человеческой сфере присутствует путаница чисто человеческих целей и намерений. Он не пробовал осуществить легкое или нереалистичное согласование в теории между тем, что происходило в каждой области.

То, что эта сфера мирского и естественного находится на более низком уровне, чем христианская, не означает, что она дальше от Бога. С точки зрения Кальвина, те, чья жизнь и работа располагаются в сфере мирского, никоим образом не являются более отдалёнными от единого живого Бога и менее ответственными перед Ним, чем те, чья жизнь и служение находятся в Церкви. Мы знаем, что Бог, дарующий спасение и небеса через наше искупление во Христе, даёт творение и землю, и та же самопередающаяся благодать и сила, которые вызывают искупление, осуществляют и само творение. Кальвин, признавая величие и благость Бога, так ясно сияющую в искуплении, не мог не признать, что та же слава и благость одновременно отражаются в естественной сфере, которая ждёт своего искупления.

Кальвин, по-видимому, никогда не допускал возможности того, что светский мир Женевских дел, в котором он призывал мужчин и женщин жить по-христиански, мог когда-либо так измениться, чтобы перестать быть просто «миром», о котором есть так много слов предупреждений в Новом Завете. Конечно, он пытался сделать Церковь и её членов в Женеве истинными и совершенными христианами. Он хотел увидеть, как эта святая и жизнеспособная Церковь развивается в жизни общества как богатая, разнообразная и процветающая в своих мирских делах, насколько возможно, пока продолжается этот мир. Он хотел добиться истинной «человеческой» культуры и «человеческого» общества в пределах христианского содружества.

Хотя Кальвин всегда старался держать Церковь и государство как можно ближе друг к другу, он думал, что сама Церковь жела-

ет существовать отдельно от гражданского общества. В его подходе к решению большинства проблем в Женеве он занимал позицию, господствующую со времён открытого признания христианства Римской империей, о том, что Церковь и государство – это одни и те же люди. Однако его мысль начала двигаться и в другом направлении. В это время взгляды анабаптистов и «конгрегационалистов» на историю завоёвывали себе место в Европе, что в конечном итоге вело к крайней необходимости отделения Церкви от государства. По их мнению, Церковь являлась добровольной организацией, состоящей из тех, кто по своему собственному убеждению исповедует веру, и чья жизнь находится в соответствии с их вероисповеданием. Есть много аспектов анабаптистского взгляда на Церковь, с которыми Кальвин не соглашался. Они полностью отбросили идею о том, что Церковь и государство – это две стороны одного общества. Они верили только в крещение взрослых. Они с подозрением относились к гражданской власти и часто отказывались сотрудничать с ней. Но они верили в строгую церковную дисциплину, в право Церкви налагать собственный стандарт членства, в необходимость для личного исповедания человека учения тех, кто относится к преданным. По этим последним вопросам Кальвин соглашался с ними. Он открыто говорил о вселенской Церкви, разделённой и разбросанной по разным местам, и допускал, что «отдельные церкви» обладают «званием и авторитетом Церкви».^a

Иногда утверждают, что добровольная Церковь в действительности впервые появилась в Англии среди независимых церквей времён Кромвеля. Однако кальвинистские церкви гугенотов во Франции, судя по всему, являются такими же открытыми и добровольными группами, стоящими особняком в гражданской обществу. В утверждении Рональда Бейтона есть верная мысль о том, что с Кальвином «представления о Церкви, охватывающей

---

^a *Насм. IV, 1, 9; ср. Comm. on I Pet., 5:3.*

всё общество, и о Церкви как о секте, включающей только спасённых... объединились».^а

Сегодня мы склонны приуменьшать в своём мышлении роль «государства» в обществе. Мы противимся той мысли, что оно может отождествляться с обществом. Мы чаще думаем с точки зрения «управления», установленного обществом и в пределах общества, чтобы содействовать его благосостоянию, защищать его свободу и сохранять лучшие ценности. Церковь считается просто одной из добровольных организаций, занимающей своё место наряду со многими другими, возможно, более властными по сравнению с ней: профсоюзами, промышленными конфедерациями, культурными организациями, спортивными ассоциациями и другими. Агломерат мы называем «плюралистическим обществом». Государство тоже заставляет Церковь принять эту добровольную форму, решительно защищая собственную секулярность и утверждая, что оно может продумывать и решать проблемы управления независимо от своего прежнего учителя и союзника.

Таким образом, идея Кальвина о Церкви и обществе легко приспосабливается к обстоятельствам, в которых она должна принять не установленное положение и форму и не может более считать, что количество её членов составляет большинство общества. Во многих местах Церковь должна была заново продумать свою задачу, осознавая себя слугой Божьей в весьма враждебном мире, для которого она снова должна стать источником непреклонного свидетельства и руководства. Этого можно было достигнуть только тогда, если она ясно поймет как недостатки, так и величие своего положения в мире.

д. Личность в обществе

Кальвин часто проявляет чувствительность к положению и потребностям человека в обществе, особенно, пользующегося

---

^а *The Reformation of the Sixteen Century* (London, 1963), p. 121; ср. Troeltsch, *op. cit.*, vol. II, pp. 627,628.

меньшими правами и бедного. С кафедры проповедника он зачастую отклонялся от темы, чтобы возбудить совесть слушателей насчет их долга по отношению к беспризорным детям вокруг них. Когда он читал проповедь о запрете Ветхого Завета лишать бедного должника верхнего жернова в качестве залога его долга, подтекст сказанного сегодня может быть понят как утверждение о том, что ни одно общество не должно лишать человека возможности зарабатывать себе на жизнь. «Бог говорит в данном случае о жерновах, но это является иллюстрацией всеобщего принципа... Лишая бедного человека орудий, с помощью которых он зарабатывает себе на жизнь, вы перерезаете ему горло... Лишая человека работы, его унижают».^a

Конечно, он постоянно напоминал человеку, что, так как Богом любима душа, он более ценен, чем даже общественное положение, которое он может иметь в социальном организме. Поэтому он старался помочь людям, даже когда они находили соответствующее место в обществе, также понимать, что они лично удостоены Божьей любви и работают по зову самого Бога. «Мы должны исполнять свои обязанности относительно Бога», – снова и снова повторяет он. Мы должны «служить самому Богу», не сводя с Бога глаз. Даже женщина на кухне, занимающаяся выпечкой, должна помнить, «что она служит Богу».^b Каждый должен почувствовать, что он или она имеют более великое предназначение, чем то, которое можно найти в пределах структуры Церкви и общества. «Мы должны находить удовольствие в его служении. Вся она должна быть радостью и удовольствием. Это рабство должно быть более приятным и любимым для нас, чем все свободы и все царства и государства мира». «Давайте уверимся, что наше положение перед Богом не ниже того, как если бы мы были правителями и все люди трепетали бы перед нами».^c

Конечно, такое учение было не ново. Оно проникло из новозаветных времён. Тем не менее, в средние века значение личности

---

^a *Sermon on Deut.*, 24:1-6, С.О., 28:161,162.

^b Ср. *Sermon on Eph.*, 6:5-9, *Sermon on I Tim.*, 2:13-15, С.О., 53-228-9.

^c *Sermon on Eph.*, 6:5-9, Е.Т., pp. 639,641.

просто как личности стало неясным. Часто считалось, что люди выводят свою значимость просто из должности, которую они занимают в обществе. Здесь Кальвин делает свой вклад в восстановление важного аспекта библейского взгляда на человека своего времени, утверждая, что каждый отдельный человек должен заслуживать безграничного уважения просто как личность.

Поэтому общество следует организовывать и обучать, чтобы признать каждого человека и помочь ему понять смысл своей ценности. Мы уже замечали, что в церковном наказании и пасторской работе, проводимой пресвитерами Женевы, никого не должны были упустить. Вот почему приход был разделён на районы, а пресвитеры осуществляли наблюдение над управляемыми территориями.

И снова мы видим, как идея Кальвина о церковной структуре могла создать модель идеальной общественной структуры. Женеву как город следовало устроить таким образом, чтобы никого не упустить или «потерять». В результате плана Кальвина должно было получиться крепко связанное общество, в котором каждому лично предоставляется насколько возможно тесная связь с кем-то по соседству, кто имеет непосредственный контакт с источником реальной власти. Возможно, Кальвин в своё время понял, что с ростом городских сообществ простой человек оставляется на милость беспристрастной бюрократии, которая зачастую не способна даже взвесить и решить его особые достоинства и потребности.

Городскую власть саму необходимо убеждать, чтобы она рассматривала своё дело управления как общественную заботу о благосостоянии каждого отдельного человека, в соотношении с пасторской заботой, проявляющейся в служении Слова. Местный магистрат, по мнению Кальвина, должен жить согласно имени, данному ему с незапамятных времён, – «судья своей земли... пастырь своего народа». Более того, подразумевается, что его люди увидят отражение образа Божьего в его пасторском и суверенном правлении.^a

---

^a *Наст. IV, XX, 4.*

Человек должен отвечать на подход и заботу общества и с радостью выполнять в нём своё призвание. Какая бы ни была его работа, он должен стараться видеть в ней священное призвание, а через её выполнение он сможет понять и исполнить волю Бога. В таком послушании его жизнь становится стабильной и целенаправленной. «Каждый образ жизни... – словно пост, на который он поставлен Богом, что ему не подобает скакать в разные стороны».^a В средние века, как известно, говорили то же самое. Но затем решили, что через отход от мирских дел и выбор монашеской жизни в стороне от мира можно следовать более высокому и более совершенному призванию. Лютер считал, и Кальвин соглашался с ним, что истинное христианское совершенство следует находить, а освящение личности осуществлять, не в стороне, а в рамках выполнения земной задачи, касается ли это мужа или жены, торговца или художника.

Хотя Кальвин говорит о земном занятии как о «бремени, которое возложил на его плечи Бог»,^b в своих произведениях и проповедях он пытается возбудить ум видением величия даже скромной задачи в обществе, которая сама по себе заслуживает того, чтобы называться «святой» или «христианской».^c

Иногда утверждают, что Кальвин не оставил свободы для того, чтобы человек мог изменить профессию, предписанную ему божественным провидением. Лёгкие намёки на это присутствуют в обсуждении им данной темы в «*Наставлениях*». Однако в одной проповеди он предупреждает всех, особенно, родителей детей,

---

^a *Наст.* III, X, 6.

^b *Наст.* III, X, 6.

^c Трёлътч утверждает, что для Лютера профессиональная система принималась как божественное установление для отдельного человека в обществе и не предназначалась сознательно для создания святого общества, чем она является в кальвинизме. СР., *op. cit.*, p. 610; Раймонд Уильямс (в *Culture and Society 1780-1950*, p. 210) цитирует Д.Х. Лоуренса: «Люди свободны, когда они связаны с живым, органическим, верующим обществом, занимающимся выполнением некоторых невыполненных, и возможно, неосуществимых задач», из *Studies in Classic American Culture*, p. 12.

что существуют занятия, которые «служат только для внешней видимости и великолепия и для неизвестных мне удовольствий и обольщений, но которые только и делают, что развращают людей». Многие, утверждает он, если рассмотрят цель, которой служит их профессия, «обнаружат, что она не представляет собой ничего, кроме заразы и зловония... расточением и извращением того, что Бог дал людям». «Недостаточно», – говорит он, – «когда человек говорит «О, я работаю, у меня есть своё ремесло», или, «Я занимаюсь торговлей». Этого недостаточно. Следует убедиться, полезно ли это и благоприятно для общего блага».^a

Всё это, конечно, звучит, как призыв внимательно выбирать профессию и даже переходить из одной в другую. Это является также напоминанием о том, насколько важно, чтобы каждый был способен понять, что общество, в котором он должен прожить свою жизнь, достойно преданного служения. Конечно, Кальвин подчеркивает тот факт, что все преобразования напрасны, если человек не научится любить своего соседа или того, с кем он работает или живёт.

Когда Кальвин, обсуждая христианскую жизнь, говорит: «Все наши дары суть имущество Бога, доверенное нам при условии, что мы отдадим его на пользу другим»,^b изучение контекста и языка покажет, что он одновременно говорит как о духовных дарах, которые мы имеем от Христа через Духа для блага Церкви, так и о собственности, состоянии и естественных способностях, которые мы имеем как привилегированные граждане для блага социального общества. Он говорит о нашем «соседе» на церковной скамье и на городской улице в одном духе. «Никакой образ жизни», – говорит он в другом месте, – «не заслуживает большей похвалы Бога, чем тот, который приносит некоторую пользу человеческому обществу».^c

Хотя Кальвин подчеркивал необходимость развития чувства братства и солидарности, он не говорил, что все люди равны. Хо-

---

^a *Sermon on Eph.*, 4:26-8, E.T., p.457.

^b *Насм.* III, VII, 5.

^c *Comm. on Matt.*, 25:24.

тя он утверждал, что все сотворены по образу Божьему,^a и что каждый должен относиться к своему ближнему с достоинством и уважением, «Божье намерение», – заявлял он, – «не в том, чтобы перемешать в беспорядке всех людей... но одни должны править... а те, кто под их властью, должны повиноваться».^b Христос пришёл не для того, чтобы «создать беспорядочное равенство, так что не будет известно, кто велик, а кто мал».^c

Поэтому все наши равенства и неравенства относятся только к тому, что в нашей жизни является поверхностным. Даже рабство, утверждал Кальвин, относится к просто внешнему положению дел. Необходимо взаимное уважение и любовь между хозяином и рабом, и если раб обязан хозяину, то и хозяин обязан рабу. Хозяин должен говорить: «Я хозяин не в тирании, но при том условии, что я так же и брат: я хозяин, но есть общий господин на небесах для меня и тех, кто под моей властью. Мы здесь как будто одна семья».^d Нельзя забывать, что «природа, через которую Бог соединяет нас вместе, едина для всех людей». Отношения хозяина-слуги всегда должны считаться эфемерными; «рабов следует считать оплачиваемыми слугами, нанятыми только на день», ибо «в Божьем учении, где существует братство между большими и маленькими... они разделяют одну надежду на вечную жизнь».^e Не следует допускать развития внерабочей классовой структуры, даже если в работе иерархия необходима.

Сам Кальвин мог легко забыть социальное положение человека, потому что, когда он думал о других мужчинах и женщинах, его разумом овладевала сильная уверенность в том, что для каждой души имеет значение только одно: её отношение ко Христу. Вот почему он с такой легкостью и часто бесцеремонно обращается к дворянству и правителям Европы. Изредка внешне и фор-

---

^a Ср. *Наст.* III, VII, 5.

^b *Sermon on Eph.*, 6:5-9, Е.Т., р. 637.

^c *Ibid.*, р. 640.

^d *Sermon on Deut.*, 15:16-23, С.О., 27:357; ср. *Comm. on I Cor.*, 11:3, *Comm. on Eph.*, 6:9.

^e *Sermon on Eph.*, 4:31-5:2, Е.Т., р. 480; *Sermon on Eph.*, 6:5-9, Е.Т., р. 646.

мально он проявляет признаки почтительного отношения. Но главным образом он пишет как брат и товарищ. Другой человек любого положения для него – это другая душа, отчаянно прилагающая все усилия перед лицом Бога и, как надеется Кальвин, во Христе.

Часть II

ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛИ ПАСТОР

ГЛАВА 10

РЕФОРМАТОР И АРХИТЕКТОР ЦЕРКВИ

а. Слуга Слова

Не важно, насколько Кальвин был вовлечён в гражданские дела, он, прежде всего, всегда был предан Церкви. Он получил Божий призыв на служение не только Женевской общине, но и вселенской Церкви. Кальвин считал своим первоочередным делом её благосостояние и различные проблемы, всегда участвовал в дискуссиях, оказывал горячую поддержку всякий раз, когда узнавал о полезном плане её реконструкции и переписывался почти со всеми её лидерами.^а

Он верил, что роль, которую он и другие его современники должны сыграть как реформаторы Церкви, довольно уникальна и целиком вызвана необходимостью времени, в котором они жили. В короткой автобиографии, представляя Псалмы, Кальвин приравнивал вмешательство, которое он должен был сделать в церковные дела, к такому же действию царя Давида, «взятого из загона для овец и поднятого до уровня верховной власти».^б В его

---

^а Ср. J. H. Kromminga, “Calvin and Ecumenicity”, p. 156 (in J. Calvin, Contemporary Prophet, Grand Rapids, 1959).

^б I.C.P., p. xl.

послании к Садолето он уподобляет себя обыкновенному солдату на границе, который, видя, как другие на его стороне уничтожают, изгоняют посты, отказываются от социального положения, поднимает знамя руководителя и призывает их вернуться к своим должностям.^a

Позднее в письме к королю Польши 5 декабря 1554 г. он снова настаивает на уникальности такого личного призвания, которое, по его мнению, заставило его вместе с некоторыми другими взять на себя ответственность и принимать решения, не отдаваемые людям в обычном ходе человеческих событий:

Эта обязанность, которую возложил на нас Господь, когда воспользовался нашими службами для овладения церквями, в общем, является аномальной. В таком случае, образ жизни тех, кто до некоторой степени непривычен и настолько против ожидания людей, выступающих защитниками истинной религии, не следует судить по общепринятому правилу. Они были призваны Богом для этой особой цели.^b

Ни один обычный пастор не мог без основания приписывать себе роль, которую взяли на себя в Церкви Кальвин, Лютер и их коллеги реформаторы! У нас нет записей о его посвящении в духовенство или на служение или на это особое задание, которое, по его мнению, он должен был выполнить в Церкви. Он никогда на это не ссылается. Возможно, Кальвин считал, что его задача слишком нестандартная, чтобы ее можно было подтвердить церемонией, включающей обычную церковную власть.

Конечно, Кальвин считал такое рукоположение на служение весьма важным в упорядоченной Церкви и осознавал его значение как внешнего признака исторической преемственности.^c Тем

---

^a C.Tr., vol. I, p. 59 – Кальвин понимал Реформацию как восстановление истинной Кафолической Церкви; cf. McNeill, *op. cit.*, p. 216.

^bC.L. to the King of Poland, December 5, 1554.

^cCf. *Inst.*, 4:3:16; 4:19:31; C.Tr. III, pp. 264, 266; C.L. to King of Poland, 1554.

не менее, он верил, что основой Церкви является Слово Божье.^a Признавать Апостольскую и Кафолическую Церковь следует там, где правильно проповедуется Слово Божие и совершаются Таинства.^b Слово и Таинства являются знаками присутствия Христа и залогом Церкви. Следует признавать Церковь там, где имеются такие признаки, даже если её собрание имеет некоторые недостатки и грехи. Ветхий и Новый Завет показывает нам Бога, который терпеливо держится за свой виновный народ и собрания, а история Церкви подтверждает, что она всегда жила прощением своих собственных грехов. Все-таки мы не должны покровительствовать даже мельчайшим ошибкам в нашей Церкви, и поэтому нельзя отделяться от собрания на основании его изъянов.^c

Через проповедование Слова Христос не только созывает и поддерживает Свою Церковь, но и осуществляет власть над сердцами и разумом людей. Несмотря на то, что Давид правил своим земным царством с помощью золотого скипетра, господство Небесного Царства Христа осуществляется посредством скипетра проповедования Евангелия.^d Когда Христос дал Петру и апостолам обещание, что они получают ключи от Царствия Небесного и смогут «связывать и разрешать» людей на земле, Он ссылался на действие, которое должно оказать проповедование ими Слова Божьего на тех, кто его услышит.^e Таким образом, власть, данная Христом проповедованию, должна вне сомнения приниматься всеми, кто будет каким-либо образом связан с Христом и Церковью.^f

Поэтому истинной Церковью в глазах Кальвина будет Церковь, которая стремится, чтобы Слово обладало такой властью в ее богослужении, консультациях и деятельности. Если Церковь постоянно слушает Слово Божье и повинуется ему, допускает, чтобы

---

^a*Inst.*, 4:2:4; 4:8:10ff.

^b*Inst.*, 4:1:9.

^c*Inst.*, 4:1:11-29.

^d*Comm. on Isa.*, 49:2; *on Hosea*, 1:11.

^e*Comm. on John*, 20:23; *on Matt.*, 16:19; *Inst.*, 4:11:1.

^f*Comm. on Eph.*, 4:11.

ее грехи очищались, а человеческая тенденция растущей испорченности и искажения непрерывно исправлялась таким послушанием, она останется жизнеспособной и преданной. Однако если Церковь в любом поколении допускает господство в ее жизни собственной человеческой мудрости и превратных желаний, и отказывается разрешить переделывающей и сдерживающей силе Слова изменить ее образ жизни и мышление, она начнет терять все права на истину и станет похожей на соль, потерявшую свой особый вкус.

Кальвину стало ясно, что Церковь Рима настолько порвала с истиной и Христом, что потеряла преемственность с древней католической церковью. В своем учении и поклонении она постепенно отходила от своего источника, пока ее форма не перестала иметь узнаваемое отношение к истинной Церкви. Во время Реформации ее призывали стать Церковью, реформированной по Слову Божьему. Но она решительно отказывалась. Она предпочла еще более укрепиться в своих ложных догматических и установленных порядках и становилась все более и более неисправляемой.^a

б. Архитектор Церкви – внешний порядок

Относительно Церкви Кальвин считал себя архитектором реконструкции. В письме, посвящающем его *«Комментарии к книге Исаии»* королю Эдварду VI, он описывает состояние Церкви. Она стала похожей на разрушенный храм Божий, совершенно изуродованный, потеряв всю славу ранних столетий своей жизни. Но Бог начал восстанавливать ее, чтобы люди могли снова увидеть красоту и величие прежних очертаний, и Кальвин называет себя одним из многих незначительных людей, избранных Богом «архитекторами, чтобы способствовать действию чистого учения».^b В важном письме королю Польши Кальвин снова ссылается на свое

---

^a Cf. T.F. Torrance, *Conflict and Agreement in the Church*, London, 1959, vol. I, pp. 96-7.

^b *Comm. on Isa.*, vol. I, pp. xxii-xxiii.

призвание «построить Церковь, которая сейчас лежит изуродованная в руинах католицизма».^a

Кальвин заботился о внешнем и общем виде церковной жизни больше, чем его современники. «Будет ли кто-нибудь возражать», - писал он герцогине Феррары, - «будто внешняя сторона религии совсем незначительна, и требуется только честное сердце, на это отвечает наш Господь; чтобы Он прославлялся в нашем теле, которое завоевал Своей кровью; что Он требует исповедания устами, и чтобы все наши молитвы были посвящены в Его честь, не будучи каким-либо образом оскверненные или загрязненные тем, что негодно Ему».^b

Он считал, что небрежность по отношению к внешним вопросам отрицает целостность искупления Христа и Его господство над всей жизнью. Для Церкви стремление к хорошим и достойным внешним формам выражения своей веры, внутренней жизни, любви и преданности Богу может усилить и укрепить ее свидетельство в пользу истинного учения. Порядки в Церкви, которые на согласуются с ее верой, могут разрушить ее свидетельство истины своей ошибочностью или самой пустотой.

Некоторые современники Кальвина верили, что внешнее можно оставить для постепенного самораспределения, пока Слово Божье слышат и получают. Сам Лютер иногда советовал, что мы должны «предоставить это Слово». Однако Кальвин был не доволен такой политикой. «Реформация» Церкви подразумевала сознательное восстановление хорошего порядка. Поэтому Церковь должна *поручиться*, что имеет “истинное и законное состояние”.^c «Прежде всего, примем во внимание, что всякое человеческое общество, очевидно, нуждается в наличии некоторого порядка для поддержания мира и согласия... Тем более это порядок должен соблюдаться в Церквях, которые поддерживаются добрым устройением, а отсутствием согласия разрушаются. Поэтому если мы хотим наилучшим образом содействовать сохранению

---

^a C.L. to King of Poland, 1554.

^b C.L., October, 1541.

^c *Inst.*, 4:2:12.

Церкви, мы должны заботиться о том, чтобы все делалось благопристойно и чинно - по заповеди св. Павла». Кальвин был твёрдо уверен, что «нравы и суждения людей весьма различны», и Церковь распадётся на части, если не установит некоторые определенные формы.^a

Выбирая внешние формы церковного порядка, которые согласуются со Словом Божиим, Кальвин признавал, что не всегда Святое Писание устанавливает определенные правила. Позднее многие английские пуритане считали, что все обряды, представленные со времен Нового Завета, можно отменить, и что в Божьей Церкви следует иметь только то, «что Сам Господь в Своем Слове повелел».^b Хотя иногда Кальвин делает такие утверждения, которые могут быть неправильно поняты, чтобы учить такой точке зрения,^c в других источниках он настаивает, что даже в делах, которые он считал особо важными для жизни Церкви, следует выбирать ее порядки иным образом, нежели «извлекая установления из библейских текстов». Несмотря на то, что Бог ясно и понятно предписал в Писаниях все, что касается спасения человека, «что касается внешней дисциплины и обрядов, бог не имел намерения подробно и мелочно регламентировать способ церковного устройства». Он предвидел, что «этот способ зависит от особенностей эпохи, и одни и те же формы не могут подходить к

---

^a*Inst.*, 4:10:27.

^bCf. *Puritan Manifestors*, W.H. Frere and C.E. Douglas, London, 1907, p. 8. Ainslie (J.L. Ainslie, *op. cit.*, p. 23) цитирует Джона Удала: «Бог совершенным образом описывает нам в Своём Слове ту форму управления, которая законна, и должностных лиц, которые должны также выполнять свои обязанности, от которых христианская Церковь не имеет права отклоняться».

^cCf. *C.Tr.*, vol. II, p. 126. Например, во время своего отсутствия в Женеве он написал: «Я очень прошу вас обдумать все способы приведения в должный порядок вашей Церкви, чтобы она могла управлять согласно духовному порядку нашего Господа». *C.L.*, February 19, 1541.

разным временам»^a. «Мы знаем», - пишет он - «что каждая церковь вольна создавать для себя форму управления, которая подходит ей и нужна для ее пользы, потому что Господь не дает конкретных предписаний»^b.

Он считал, что есть основные положения веры, которые должны признавать все, «например, утверждения о том, что Бог един, что Иисус Христос есть Бог и Сын Божий, что наше спасение заключено единственно в его милосердии, и прочие подобные им.»^c Кальвин не терпел отклонения от этих основных доктрин или неопределенности их выражения. Однако он признавал, что в его время церковные дела находятся в неустановившемся и ненадежном состоянии. Поэтому излишняя твердость в вопросах порядка была безрассудна; следовало вынести многое, что нельзя было с легкостью допустить в спокойное время.^d Ни одна Церковь, считал он, не является достаточно чистой, чтобы быть мелочной в не основных вопросах. «Едва ли найдется церковь, которая не сохранила следы прежнего невежества. Для нас достаточно, если учение, на котором основывается Церковь Божья, признается и сохраняет свое положение».^e

Его строгое и довольно ясное определение области, в которой не может быть компромисса, оставило ему гораздо более широкое поле действия, чем многим его современникам, на котором могло существовать многообразие выбора и взглядов, и когда по таким вопросам возникала полемика, он почти всегда занимал позицию снисходительности^f, пытаясь обуздать тех, кто слишком страстно желал либо согласия, либо несогласия. Многие вещи,

---

^a*Inst.*, 4:10:30.

^b*Comm. on I Cor.*, 11:2.

^c*Cf Inst.*, 4:1:12/

^dC.L. to the Church of Frankfurt, December 22, 1555; to Somerset, October 22, 1548.

^e*Cf.*, the plea for concord in C.L. to Zebedee, May 19, 1539.

^fC.L. to Somerset, October 22, 1548: «Следует соблюдать умеренность... «Перебор» ни благоразумен, ни полезен... необходимо приспособить формы богослужения состоянию и вкусам людей».

считал он, были настолько “незначительны”, что не заслуживали, чтобы за них дрались. Под эту категорию попали одеяния священнослужителей. Когда Хупера в Англии, назначенного епископом, заключили в тюрьму за то, что он отказался носить требуемые одежды (он называл их “первосвященническими привычками”) и дать клятву, предписанную для его введения в должность, Кальвин написал Буллинджеру, говоря: «Меня лучше устроило бы, если б он не заходил так далеко в своем противодействии относительно одежды и головного убора, даже если я с ними не согласен».^a

Подобным образом мы видели, что Кальвин хотел видеть, как Церковь отмечает христианские праздники, но он подчинился другим распорядкам, потому что не желал устраивать из-за этого драку. Более того, среди очень сильных эмоций людей относительно точного местоположения в Церкви, где должно праздноваться крещение - у входа или перед лицом собрания - он отказывался участвовать в спорах, потому что считал это недостаточно важным.^b

Так как обычно имя Кальвина связывали с крайне неприкрашенным и простым видом богослужения, стоит посмотреть, что он писал по данному вопросу. Кальвин верил, что наравне с установлением своей дисциплины, учения и формы управления для Церкви важно осуществлять власть над формами богослужения.^c

Он чувствительно относился к элементам, влияющим на то, как могли истолковать люди главные действия богослужения. Особенно он ненавидел неразрешенные обряды и молитвы, ложные толкования, которые искажают суть христианского богослужения в целом, что, как считал он, является идолопоклонством и разъединяет нас с Христом. Следует контролировать каждое действие и каждое слово, неважно насколько они незна-

---

^aC.L., March 24, 1551.

^bC.L. to Seigneurs of Bern, March, 1555. Cf. C.L. to the English at Frankfurt, January 13, 1555; to Knox, June 12, 1555. Он ссылается на то, что ему не понравилось, как на «терпимые глупости».

^cCf. *Inst.*, 4:8:1; 4:10:1; 4:11:1.

чительны, когда их ставят в центре церковной службы Богу. В данной области нельзя снисходительно относиться ко всему, что действительно оскорбляет учение. Открытое церковное богослужение всегда должно создавать остоу, в пределах которого можно ясно проиллюстрировать истину ее учения.

Именно в данный момент становится очевидным, что Кальвин отдает предпочтение простоте. По Ветхому Завету обряды, установленные для церковного богослужения, следовало тщательно разрабатывать и умножать, потому что все было пока непонятно. Но согласно ясному значению Нового Завета, Христу было угодно показывать себя в более простых формах, для того чтобы обряды сами по себе не могли отвлечь людей от осознания Его присутствия среди них.

Истинно, сир, что есть незначительные вещи, которые человек может допустимо терпеть. Но мы должны всегда с осторожностью настаивать на том, чтобы в совершении обрядов соблюдались простота и порядок, чтобы они не затуманивали ясный свет Евангелия, как если бы мы находились под тенью закона; и далее, нельзя допускать того, что не согласуется с порядком, установленным Сыном Божиим, и чтобы все служило и подходило назиданию Церкви.^a

Поэтому Кальвин считал, что, “когда в нашей власти чистый и простой порядок богослужения”, отягощать ритуал “зажженными свечками, распятиями и другой мишурой того же рода” не только легкомысленно, но и “пагубно” и обязательно станет причиной суеверия.^b

Основная критика Кальвина большинства банальностей, которым потакали люди на открытом богослужении, была направлена против тех, которые не имели отношения к истинному учению и были установлены исключительно по эмоциональным и эстетическим соображениям; они затмевали истину, которую должна была ясно показать служба, сосредоточенная на проповедовании Слова и простом праздновании Таинств. Все ритуалы должны

---

^aC.L. to King of England, January, 1551.

^bC.L. to John Knox, 1555.

быть объяснены теми, кто долгое время потворствовал им. Ритуал, не имеющий корней в истинном учении, обязан быть истолкован с точки зрения ложного учения, потому что естественный разум человека полон языческого богословия, противоположного Евангелию, и когда христиане занимаются изобретением обрядов, основываясь на собственном поспешном измышлении, в создаваемой нелепости они обычно превосходят язычников. Поэтому суеверия и ложные учения вынуждены распространяться и утверждаться в умах тех, кто обучен соблюдать “ложные” обряды. Вот почему вторая и третья заповеди направлены против ошибочного развития обрядовой религии. «Бог не разрешает, чтобы с Его именем играли, примешивая глупые фривольности к святым и неприкосновенным установлениям».^a

Целая глава «*Наставлений*», которую Кальвин посвящает дискуссии об истории извращения богослужения в Римской Церкви, степени такого искажения и текущих направлений его времени как среди энтузиастов, так и среди приверженцев к традициям, заслуживает того, чтобы сегодня ее изучали те, кто хочет представить новые формы литургии, и те, кто противостоит любым переменам.^b В этой главе он с одобрением ссылается на постапостольские традиции празднования Вечери Господней, которые “не заслуживают порицания”,^c и добрые традиции апостолов, которые “были приняты не в результате письменной передачи”.^d Кальвин внушал, что главному в церковном богослужении и управлении нужно учиться из доброй апостольской традиции в Церкви.

в. Служение в Церкви

Все члены тела Христова должны служить и заботиться друг о друге и обо всём теле. Кальвин считал деятельность и служение в

---

^aC.L. to King of England, January, 1551.

^b*Inst.*, 4, ch. 10.

^c*Inst.*, 4:10:19.

^d*Inst.*, 4:10:18.

Церкви участием в одном служении Христа, который сам активно и сильно вдохновляет все христианское служение. Но так же он верил, что некоторые в Церкви имеют особое призвание и дар от Христа, чтобы исполнять служебное, общественное и, тем самым, возможно, более полное служение.^a

Для такого общественного служения Христос делает определенных людей своей заменой, избирая их своими послами, «чтобы быть его представителем».^b Они назначены на определенные постоянные формы служения в собрании или Церкви и получили необходимые таланты и дары для того, чтобы их исполнить.

Изучив представленные св. Павлом три списка видов служения, которые практиковали христиане по отношению друг к другу в ранней Церкви,^c Кальвин вывел четыре постоянные и простые должности, которые всегда должны быть заняты и умело исполняться в любой Церкви. Первые две должности пастора и учителя (или доктора) наиболее тесно связаны со служением Слова. Обязанностью последней в основном является изложение Писания и сохранение чистоты учения в Церкви.^d Главная функция пастора – проповедовать, заботиться о дисциплине и совершать Таинства, являясь в действительности преемником апостолов в древней Церкви.^e Его можно называть «епископом», «пресвитером», «священником» так же, как и пастором.

К пасторам и докторам присоединяются «начальники», или «пресвитеры, избираемые из народа», чьей обязанностью является «содействие епископам в наставлении паствы и поддержании дисциплины».^f И, наконец, есть диаконы, в отношении которых Кальвин нашел два описания в Новом Завете, а именно, диа-

---

^a *Inst.*, 4:12:1.

^b *Inst.*, 4:1:3.

^c В Еф. 4:11; Рим. 12:7,8 и 1 Кор. 12:28.

^d *Inst.*, 4:3:4.

^e *Inst.*, 4:3:6.

^f *Inst.*, 4:3:8.

коны, распределяющие милостыню, и те, кто призывает бедных и больных.^a

Хотя деятельность пастора или епископа тесно связана с другими служениями в Церкви, они, заботясь, прежде всего о Слове и таинствах, несут уникальную ответственность за представление Христа и служение от Его Имени.^b У пастора есть единственные в своем роде отношения со всей паствой. В общем служении он больше, чем руководитель или глашатай. Временами его задача - стоять на позиции Слова Божьего довольно в стороне от всех остальных членов паствы, а иногда и против них. Его служение исходит не из всеобщего священства. Сам Бог во Христе дает его Церкви специально с целью, несравнимой с той, которую имеют остальные члены, сопоставимую только с единственным в своем роде служением Самого Христа или апостолов, которые, как однажды сказал П. Т. Форсит, "спустились на Церковь и не поднялись из неё"^c. Более того, когда он учит других, и те принимают общую доктрину из одних уст, пастора можно представить тем, кого использует Бог, чтобы связать вместе членов в его служении и в проявлении взаимного милосердия. Как только Церковь так собирается вокруг него, пастор становится знаком единства Церкви в ее отношении к единому Христу. Поэтому его служение является «скрепляющими жилами и нервами, соединяющими верующих в одно тело».^d

Похоже, что Кальвин, говоря языком, который часто сегодня используется во всеобщих дискуссиях, заявлял, что служение пастора или епископа больше относится к *esse*, нежели к *bene esse* Церкви. "Следует заметить, что Церкви не могут благополучно

---

^a *Inst.*, 4:3:9.

^b *Inst.*, 4:8:2; 4:12:14.

^c *Church and Sacrament*, London, 1917, pp. 133. Cf. also A. A. Van Ruler, "Das Leben und das Werk Calvins", in *Calvin Studien*, 1959, ed. J. Moltmann.

^d *Inst.*, 4:3:1-2.

существовать без служения пасторов, так что везде, где есть значительная группа людей, следует назначать над ними пастора”^a.

Библейское основание, которое дает Кальвин должности пресвитера, настолько неубедительно, что многие его ученики решили, что он просто пытается найти поддержку для установления, которое было задумано для того, чтобы удовлетворять срочным потребностям Церкви его времени, и которое оказывалось жизненно важным для здоровой преобразованной жизни Церкви. Он видел, что пресвитерство приносило хорошие результаты сначала в Базеле, а затем в Страсбурге. Как пишет Базил Холл, сам Буцер, который в значительной степени отвечал за разъяснение сущности должности, считал, что “у разных наций и разных правительств будут разные способы устройства служения Церкви, которые не являются важной причиной для ссор между христианами”.^b Кальвин тоже часто настаивал на том, что потребности разных времен и различия в местоположении и других местных установлениях послужат причиной возникновения небольших различий в дисциплине и обрядах Церкви.

Кальвин утверждал, что должность дьякона следует считать не лакейской, а внушающей почтение, и занимать ее должны внимательно избранные люди. В практике Римской церкви её унизили и свели к тривиальности, считая ее простым шагом к священству; от того, кто занимал эту должность, не требовалось ничего, кроме службы при жертвеннике, чтения нараспев Евангелие и “прочих безделиц”.^c То, что данная должность располагается бок о бок с явно более “духовно” направленными должностями, напоминает, что нельзя пренебрегать деятельностью Церкви в её общественном и “словесном” измерении в пользу более очевидных богонаправленных или литургических аспектов ее служения.

Кальвин предполагает, что хотя никто из апостолов не возвышался над другими, один из них должен был действовать как

---

^a*Comm. on Titus*, 1:5.

^b*In Service in Christ*, London, 1961, ed. J. I. M'Cord and T. H. L. Parker, p. 99.

^c*Inst.*, 4:5:15.

председатель, когда все собирались вместе. Кальвин не считал серьезным заблуждением то, что когда в качестве “человеческого соглашения” в ранней Церкви местные пресвитеры выбирали одного, которому давали особое звание “епископа” и который постоянно был ведущим их собраний. На этой стадии истории Церкви “эти древние епископы не имели желания создавать форму церковного управления, отличного от того, которое предписал Бог в Своем Слове”. Этот “епископ не настолько превосходил других пресвитеров честью и достоинством, чтобы господствовать над ними”. Он был своего рода постоянным председательствующим в совете - *primus inter pares*.^a В письме польскому королю Кальвин предлагал, чтобы при реформации Церкви существующие епископы продолжали свою деятельность, ради порядка сохраняя первое место в синоде, и заботливо хранили святое единство между коллегами и братством.^b

В своем комментарии на Ефессянам 4:11, Кальвин отмечал, что Павел сам нацелен на опровержение ложного первенства любой личности в Церкви кроме Христа. Он, таким образом, подтвердил ту точку зрения, что имеется только один *episcopus* (то есть руководство или епископат) и одно первенство внутри Церкви, какое принадлежит единственно Христу. Следовательно, всякий раз, когда осуществляется руководство, это – всегда просто участие в епископате Христа, которое никогда не может сводиться к одному человеку или осуществляться одним человеком без участия остальных, должных быть его «коллегами или товарищами» в управлении. Здесь Кальвин отметил что «Киприан, следуя Павлу, кратко и ясно определяет, что является законной монархией в Церкви. Имеется, говорит он, один епископат, участие в котором осуществляется людьми коллективно (*in solidum*). Сам этот епископат он предназначает для одного Христа. Тот передает часть своего управления людям, которые объединены коллективно, чтобы никто не возвеличил себя над другими».^c

---

^a*Inst.*, 4:4:2 and *Inst.*, 4:4:4.

^bC.L. to King of Poland, December 5, 1554.

^c *Комм. на Еф. 4:11.*

Более всего в своих размышлениях о служении Кальвин подчеркивает, что нельзя считать, будто власть перешла от Христа непосредственно к тем людям, которые служат во имя его^a. Конечно, он всегда и с постоянством заставляет пасторов увеличивать авторитет своего положения и жить соответственно всему, какое имя они носят — служитель, пастор, епископ, отец, — благодаря чему это дело, как он пишет, «небеспричинно».^b При всем том, пастор или епископ должен остерегаться высокомерия.

Независимо от того, как высоко Кальвин оценивает власть и достоинства служения проповеди, он подчеркивает тот факт, что «(власть ключей есть) не столько власть, сколько служение, если рассматривать ее применительно к людям. Ибо Христос дал власть не людям как таковым, но своему Слову, а людей поставил его служителями»^c. Когда Дух соединен со Словом, вся сила действия «...пребывает в Самом Духе», но Бог может отозвать Дух, когда пожелает.^d «Вся власть пастора, — говорит Кальвин, — состоит в управлении людьми согласно Слову Бога так, чтобы Иисус Христос мог всегда оставаться высшим Пастором и единым Господом Церкви, тем, кого единственно слушают».^e Нет никакого намека, что Христос передаёт пастору собственное право или честь. Он использует людей как инструменты «чтобы совершать собственную работу через их уста, подобно тому, как ремесленник пользуется инструментом». Он действует всегда так, чтобы самому сохранить единственное господство и непосредственную власть. Его воля «(в том, что) Он один должен править и водить»^f в Церкви.

«Управление Церковью посредством служителей Слова», таким образом, не означает управление служителей Слова. «Как Глава, — говорит Дж. К. С. Рейд, — Христос осуществляет господ-

---

^a *Наст.*, 3:1:1.

^b *Комм. на 1Тим.* 3:1; 4:5.

^c *Наст.*, 4:11:1.

^d *Комм. на Мал.* 4:6; *на Иез.* 2:2 и 7:26; *Наставление*, 4:1:6.

^e *Женевское исповедание 1537.* С. Тр., II, р. 134.

^f *Наставление*, 4:3:1.

ство над Церковью, и не она помещает Его на некотором расстоянии, где возникает некое зависимое руководство; напротив, Он как Глава никогда не пребывает без членов, которые составляют Его тело: церковное управление непосредственно принадлежит Главе. Где, следовательно, Христос имеет место, там Церковь, которая является Его телом, может сказать, что обрела Царство, поскольку Христос не желает ничего отдельно от Своих членов».^a

Каждый внутри Церкви, более того, должен подчиняться другому. Даже те, кто управляют, должны подчиниться тем, кто управляем. Точно как в некоторых вопросах в человеческой жизни муж должен быть подчинен своей жене или отец своим детям, так что «когда власть предоставляется пресвитерам, им не дается право или свобода отбросить узду, но они должны также сами хранить должный порядок взаимного подчинения».^b Служение, следовательно, должно выполнять свою функцию согласно образу служения самого Христа. Когда Павел описывает свое отношение к фессалоникийцам как матери к взращиваемому ею младенцу,^c Кальвин интерпретирует это как предоставление нам образца для осуществления власти в Церкви сообразно Христу и воздержания от всякой демонстрации достоинства, великолепия и хвастовства и высокомерия: «как мать, ухаживая за своими детьми, не являет никакой власти и достоинства».

Это, понятно, означало для Кальвина, что служители Христа в любом случае не должны жить в слишком большом богатстве или с особым великолепием. Тот факт, что служитель был епископом, не беспокоило его больше чем факт, что он был с очевидностью очень богат. Он особенно боялся не «епископства», а прелатства и гордости, все равно, развивались ли они в системе Епископальной или Пресвитерианской Церкви.

---

^a In *Service in Christ*, ed. M'Cord & Parker, p. 102, цит. *Комм. на Зах.* 2:9.

^b *Комм. на 1Пет.* 5:3-6.

^c *Комм. на 1Фесс.* 2:7.

ГЛАВА 11

ЦЕРКОВНОЕ РУКОВОДСТВО

а. Всемирная забота

Единство всей Церкви во Христе являлось центральным положением веры Кальвина. Он любил в этом отношении цитировать Киприана:

Есть только одна Церковь, которая, увеличивая свою плодотворность, распространилась во множестве, точно как есть много солнечных лучей солнца, но только один свет, много ветвей в дереве, но один ствол, удерживаемый своим крепким корнем и, наконец, много струй хлещет из одного фонтана и, хотя их обилие кажется разделенным на части, однако сохраняется единый источник. Отделен луч от тела солнца, но не разделено единство света. Отрубите ветвь от дерева, и то, что отрублено, не сможет прорасти. Отсеките струю от фонтана, и она высохнет. Также и церковь, сияя светом единого Бога, посылает его лучи над всей землей, однако это - один свет, который всюду проникает.^а

Когда мы верим во Христа, — говорит Кальвин, — мы принимаем единство Церкви. Оно предстоит нам во Христе, и, когда мы соединены с ним, сами мы едины сердцем и душой с неисчислимым множеством верующих, внутри одного Его тела. Церковь, таким образом, называется «Кафолической» или «Вселенской», поясняет Кальвин, и не может быть двух или трех церквей "без того, чтобы не разорвать Христа на части, что невозможно".^б

Реформатская Церковь была, таким образом, основана, чтобы

---

^а From Cyprian, *On the Unity of the Catholic Church*, Bk. v, цит. в *On the Necessity of Reforming the Church*, C. Tr., vol. I, p. 217 и *Наставление*, 4:2:6.

^б *Наставление*, 4:1:2-3.

выразить перед миром единство которым, как она верит, она уже обладает. То, что Кальвин видел вокруг себя, он описал как "ужасающее разорение христианского мира ... немногие церкви, которые поклоняются Богу в истине, ...рассеяны и окружены со всех сторонах синагогами Сатаны".^a Их недостаток общения и единства надо было "расценивать среди главных зол нашего времени",^b так как "Бог преимущественно стремится собрать нас в одно тело".^c Он, отсюда, с энтузиазмом отвечал на предложение архиепископа Кранмера в 1552 году, чтобы обученные и благочестивые люди со всего реформатского мира собрались вместе для поддержки богословского взаимопонимания и общих форм выражения веры. "Члены Церкви разъединены", — пишет он в ответе Кранмеру, — "её Тело лежит истекая кровью ", и подтверждает, что он " не пожалеет пересечь даже с десять морей ",^d чтобы присутствовать на таком соборе. Кальвин опасался схизматических результатов. Он заканчивает своё письмо к кардиналу Садо-лето молитвой о том, что Христос " соберет нас из нашего нынешнего рассеяния в сообщество Тела его, что так, через его Слово и Дух, мы могли бы соединяться вместе в одном сердце и душе». ^e

Кальвин определенно верил, что по мере того, как люди приближаются к Христу одновременно в сердце и в живом общении, они начнут находить, что их различия становятся все меньше и меньше.^f Те, кто соединены с Ним в чистой вере, - вне опасности схизмы, поскольку "все ереси и разделения являются результатом того, что люди пренебрегают обращаться к основанию исти-

---

^a *Dedication to Geneva Catechism*, C. Tr., vol. II, p. 35.

^b C.L. to Cranmer, April 1552 (cf. appended footnote by Bonnet); C.L. to Melanchthon, February 16, 1543.

^c *Комм. на Ис.* 33:20; 66:7.

^d C.L. to Cranmer, April 1552, cf. Letter to Churches of Lower Saxony, January 5, 1556.

^e C.Tr., vol. I, p. 68.

^f *Комм. на Мт.* 24:8.

ны, не ищут Главу, учение всевышнего Господа".^a Однако он настаивал, что нет никакого истинного единства, кроме того, которое найдено на основании истины. Даже когда Рене, герцогиня Феррарская, казалось, чувствовала склонность к компромиссу во имя того, что она называла христианской "любовью", он напомнил ей, что апостол Иоанн, от которого она, казалось, удержала, только слово "любовь", так вот он запретил своим ученикам даже приветствовать тех, кто отклонился от истинного учения.^b Он подозрительно относится ко всем попыткам добиться хотя бы вида единства посредством компромисса в формулировках, которые просто прикрывают фундаментальные расхождения.^c Кроме Божьего Слова там "нет никакого единства верующих, но лишь фракции безбожных".^d

Те, кто в чем-то разнятся друг от друга, те должны встречаться для диалога. Попытки избегать встреч, как делали некоторые в те годы, были, верил Кальвин, попытками избегать света.^e "Малый обмен мнениями будет вести ко всё большей опасности пагубного догматизма".^f Не должно иметь никакого отчаяния даже, когда трудности, стоящие перед единством сообщества кажется невозможно преодолеть. "Если бы только мы могли говорить вместе в течение половины дня", — пишет он однажды Буллинджеру, — "мы согласились бы без труда".^g Посредством более полного обсуждения могли бы быть найдены новые выражения,

---

^a *On the Necessity of Reforming the Church*, C.Tr., vol. I, p. 217.

^b C.L., January 24, 1564. Ср. у Лютера: "Никакие господа, ничто из этого мира и любви для меня ничего не значит! Если я должен был задушить чьего-то отца и мать, жену и дитя, постарался бы удушить также и его, а затем сказал бы: «Сохраняй спокойствие, дружище, мы призваны любить друг друга». О, как он любил бы меня". L.W., 37:24f.

^c C.L. to Farel, May 12, 1541.

^d *Наставление*, 4:2:5.

^e C.L. to Bullinger, April 22, 1556; July 1, 1556.

^f C.L. to Wolfgang Musculus, November 28, 1549.

^g C.L. to Bulhnger, November, 1544.

чтобы высветить различия и соединить стороны вместе. Дух Божий придет и покажет истину таким способом, который имеет власть убеждать и объединять. "В начале нашего обсуждения", — пишет он в одном письме Буцеру, — "соглашение казалось действительно безнадежным, но внезапно как бы ворвался Свет".^a Соглашение, которого Кальвин достиг, в конечном счете, среди швейцарских церквей касательно доктрины Вечери Господней — *Цюрихское Соглашение в отношении Святых Таинств* 1549 года — было результатом нескольких лет терпеливого обсуждения.

Его персональное отношение к коллегам в таких экуменических обсуждениях всегда привлекает интерес. Он всегда чувствовал себя свободным по отношению к ним. Он часто упрекает Меланхтона за его недостаток настоящего рвения и его тенденции идти на компромисс.^b Он полагал, что Буцер также имел склонность слишком легко сдаваться на существенных вопросах, и он так сказал ему: "Моя любовь и почтение к нему [к Буцеру] таковы, что я свободно предостерегаю его так часто, как считаю нужным".^c Но несколько раз, когда он слышал, что люди были подозрительны, или недружелюбны к кому-то из этих двух писал в их защиту.^d

Отношение Кальвина к Лютеру было самым почтительным. Он понимал человеческие слабости, особенно в старческом возрасте. Он мог обвинить его в высокомерии и пренебрежении об-

---

^a C.L. to Vucer, June 1549.

^b См. C.L., June 28, 1545; June 18, 1550; August 27, 1554. 23 августа 1555 он предупреждает своего друга что люди задаются вопросом, собирается ли он когда-либо выполнять свои обещания, и что "если это предупреждение, подобно позднему крику петуху не пробудит Вас, то все точно воскликнут что Вы – ленивый верующий".

^c C.L., June 26, 1548. Буллингер был склонен не доверять Буцеру: "Давайте не будем подозрительны там где нет к этому повода", — писал Кальвин.

^d Cf. C.L. to Farel, May 12, 1541; to the Seigneurs of Geneva, October 6, 1552.

щественным спокойствием, но когда он услышал, что Лютер напал на Буллинджера, он написал последнему, умоляя его быть тактичным в своей реакции:

Я искренне желаю, чтобы Вы уяснили, насколько выдающимся человеком является Лютер, и те превосходные дарования, которыми он одарён, с какой силой ума и решительным постоянством, и сколь большими навыками ... он до сего времени посвящает всю свою энергию борьбе с господством антихриста, и в то же самое время распространяет вдали и вблизи слово о спасении. Часто мне хотелось, а он и прямо называл меня дьяволом, но я ничуть не уменьшу его чести и должен признать, что он есть образец Божьего слуги ... Лыстецы причинили ему много вреда, так как он слишком склонен, чтобы быть чрезмерно снисходительным к себе. Тем не менее, наше дело – порицая какие бы то ни были плохие качества, обременяющие его, давать ему некоторую скидку в то же самое время. Полагаю, что Вы имеете дело с самым выдающимся служителем Христа, которому мы все в значительной степени обязаны.^a

Надежды Кальвина относительно любых перемен во взглядах со стороны Рима испытали серьезный удар, когда Тридентский Собор авторитетно подтвердил неизменность (нереформируемость) католических позиций в противовес Реформаторам. Его более поздние попытки достигнуть соглашения с лютеранами по поводу Вечери Господней были также постепенно расстроены. Но даже после того как смерть Меланхтона в 1560 году, когда казалось, как будто противостояние стало уступать место диалогу, он утверждал, что собор должен быть столь же свободным, сколь и вселенским, чтобы "устроить все проблемы христианского мира".^b Он был готов согласиться, что Папа будет председательствовать на этом соборе, обеспечивая тем самым последующее утверждение им решений всего собрания! Вся Церковь должна быть включена в экуменические дискуссии. Лидеры Церкви, однако, не должны пытаться навязывать соглашения, которые могли бы

---

^a C.L., November 25, 1554; C.L. to Farel, November 20, 1539.

^b Cf. Memoir of December 1560, C.O. 46:286.

вызывать пагубные разделения и противоречия внутри поместных церквей, где различные взгляды, не особо радикальные, но допустимые, могли бы преобладать. Руководящая забота об управлении Церковью никогда не позволит рассеяться овцам, которых Христос собрал вместе в своем стаде. Есть только всегдашняя потребность со стороны участвующих в управлении церкви по "сопряжению условий жизни и человеческих склонностей".^a

Кальвин, кажется, не имеет склонности видеть Реформатскую "Вселенскую Церковь" с "одним всеохватным управлением" в делах Церкви. Идеалом, которого он жаждал по опыту ранней Церкви, были частые собрания епископов для решения региональных проблем, по мере их возникновения, для поддержания общения и стремления к руководству Духом.^b Он полагал, что обычный порядок вещей, которым ранняя Церковь встречала свои трудности, заключался в созыве провинциальных синодов. Лишь изредка и ненадолго созывались Вселенские Соборы. Следовательно, он умоляет императора искать Реформации Церкви скорее через провинциальный синод в Германии, нежели через Тридентский Собор.^c Кажется возможным что, будь Кальвин среди нас, он предпочел бы церковь в ее перегруппировках по направлению к федеративным объединениям местных или провинциальных автономных церквей, нежели в движении к огромным бюрократическим структурам со "всемирными советами", также обретающими случайный и временный характер.^d

б. Дипломатические приобретения

Практическая забота Кальвина относительно благосостояния

---

^a C.L. to Somerset, October 22, 1548.

^b C.L. to the King of Poland, December 5, 1534; C.Tr., vol. II, p. 35; vol. III, p. 30.

^c C.Tr., vol. I, p. 223.

^d С точки зрения Кальвина форма церкви должна являть ее сущностный пасторский характер.

пострадавших вовлекала его в дипломатические миссии. Например, когда вальденсы безжалостно преследовались в 1545 году, он, не теряя времени, посетил ряд швейцарских кантонов, организуя помощь, протесты и защиту для беженцев.^a В течение периода дальнейших преследований и трудностей, он послал де Беза и Фареля с миссией по протестантским кантонам и немецким принцам, ища способы обеспечения беженцам защиты и покровительства.^b

Как только церковная власть в его дни стала попадать в руки мирских структур, Кальвин особенно старался наладить переписку с правителями, сильными дворянами и государственными деятелями, где бы это ни было. Он полагал, что земные правители его времени, находящиеся в области светских проблем, решаемых ими, не менее подчинены Христу, чем он сам, для того, чтобы проводить дальнейшую работу по обновлению общества и содействовать в реформе самой церкви. Божье Слово ясно обещает, что земные цари защитят обновленный Израиль в дни его будущей славы, и принесут свою дань к нему!^c Следовательно, он ожидал, что коронованные особы Европы прислушаются и откликнутся на его призыв к такому делу.

Публикация каждой новой книги, которую он писал, давала ему возможность осуществлять новый подход людям, которые могли бы стать влиятельными союзниками. Иногда он был разочарован. После посвящения своего комментария на послание к Галатам герцогу Орлеанскому Кальвин жаловался другу, что "прославленный герцог ... вовсе не соизволил хотя бы показать, одним словом, что моя вежливость понравилась ему".^d Но он никогда не успокаивался. Когда Эдуард VI воссел на трон в Англии, он направил посланника ко двору с письмами к лорду-протектору Сомерсету и к молодому королю, посвящая ему недавно изданный комментарий на книгу Исаяи.

---

^a C.L. to Farel, May 4, 1545; to Viret, May 25, 1545.

^b C.L. to Bullinger, May 30, 1557.

^c Ср. *Ис.* гл. 60.

^d C.L. to Charles du Moulin, July 27, 1554.

В своем письме монарху, он напомнил Эдуарду, что даже в ранние дни церкви, "надменное благородство Римской Империи" соглашалось с подчинением Христу, и признавало его божественным орудием для дела "дальнейшей заботы по восстановлению церкви", обещая, что, если бы он поступал также, это означало бы преуспевание не только для него, но для его всего королевства.^a

Посланник, которому были поручены эти письма, не мог пересечь Канал (пролив Ла-Манш) в течение семи дней из-за сильнейших ветров, затем едва спасся при кораблекрушении. В конечном счете, однако, он возвратился с хорошими новостями. Герцог принял послание Кальвина доброжелательно, и сам направил ко двору, чтобы лично представить королю. "Королевский Совет" был доволен письмом, а король "преисполнился... чрезвычайным восхищением". Архиепископ Кентерберийский послал личное послание Кальвину, сообщая ему, что он "не мог бы сделать ничего более полезного, чем почаще писать Королю". Кальвин, в письме к Фарелю, давая оценку этого предприятия, поздравил себя. Он составил небольшой список из преобразований, которые он хотел бы видеть осуществленными в Англии. "Я не буду прекращать подгонять их всех", он заключил он. Очевидно, он восхищался "христианским миром", ставшим результатом сотрудничества между церковью и империей в ранние дни и надеялся, что это вновь проявится в современной ему Англии.^b

Смерть Эдуарда и воцарение Марии Стюарт заставляет его придержать руку в течение нескольких лет. Но когда Мария умерла, новое издание комментария на Исаяю было готово. Он посылает его с новым письмом, посвящая книгу Елизавете и призывая ее как защитить книгу, запрет которой вызвал такую глубокую скорбь, так и ко многому другому, и, молясь, что её правле-

---

^a *Комм. на Ис.* (ET), vol. I, pp. xxii, xxv.

^b C.L. to Somerset, October 22, 1548; to Cecil, January 29, 1559. В целом мы находим что Кальвин выражается с самой большой уверенностью относительно будущего церкви, когда он пишет в Англию.

ние в Англии, "восстановит учение об истинной набожности ... согласно ее прежним образцам". Он привлек внимание новой королевы к тому факту, что письмо пишется им в тот самый день, который, как ему известно, назначен для ее коронации. Кроме того, как будто ожидая не только ее интереса, но также и симпатии, он добавил постскрипту, сообщающий ей, что, когда пишет письмо, он только частично поправился после "нападения приступа малярии (лихорадки)".^a

Но, увы, к тому времени как письмо достигает Англии, Джон Нокс пишет свой *First Blast of the Trumpet against the Monstrous Regiment of Women* («Первый трубный зов против ужасного правления женщин»). В этой книге Нокс, реагируя на такие примеры женщин-правительниц как Мария Стюарт и Мария Тюдор, пишет против всякого женского правления. Книга была опубликована в Женеве наряду с другим подобными ей Кристофером Гудманом. Сам Кальвин никогда не одобрил бы ни одного из этих трудов, а именно без его ведома они были изданы в его округе (еще одно доказательство, что мы не можем обвинять Кальвина во всех глупостях, творимых в Женеве). Курьер Кальвина, таким образом, возвратился из Англии с вестью, что на сей раз его почтение не было принято. И впустую он позже защищал свою невиновность и подтвердил, что, если бы он знал о книге Нокса, то запретил бы ее.^b В дальнейшем, хотя Кальвин и сумел заручиться дружбой архиепископа Гриндала, который искал и принимал его советы, его влияние в Англии почти полностью зависело от перевода и обращения его текстов.

Однако факт, что его влияние росло, несмотря на провалы его дипломатии,^c – напоминание нам, что "лишь небольшой голос" и сила тихих и смиренных семи тысяч, которые не "преклонили

---

^a *Комм. на Ис.* (ЕТ), vol. I, pp. xviff.

^b Cf. *The Works of John Knox*, ed. Laing, vol. 4, p. 357f. Letter to William Cecil, Zurich Letters, second series, p. 35.

^c Cf. C. D. Cremeans, *The Reception of Calvinistic Thought in England*, Urbana, 1949, pp. 73ff.

колена перед Ваалом",^a может быть гораздо мощнее чем землетрясения и огонь, и на которые нам надлежит надеяться в то время, когда мы заискиваем перед властью имущими. Англия была плодотворным полем, и Кальвин был в состоянии хотя бы подготовить семя!

В заметном контрасте к тому, что случилось в Англии, находится опыт Кальвина в Польше. Его дипломатия в высоких сферах имела блестящий успех. Король Сигизмунд Август с удовольствием принял посвящение Кальвином его комментария на послание к Евреям, читал *«Наставление»* и разрешил, чтобы их разъяснение два раза в неделю в его присутствии одним итальянским пастором. Он был рад получать письма Кальвина. Его режим был вполне толерантен. Богемские братья нашли при нём убежище в своем изгнании, и их свидетельство усилило евангельскую проповедь. Поляки, казалось, были склонны предпочесть Реформатское учение Лютеранскому.

Кальвин переписывался не только с Королем, но с одним из его наперсников – Николаем Радзивиллом, принявшим реформатскую веру. Кальвин был особенно боек пером, когда он знал, что имели место важные совещания (обсуждения). Так от 29 декабря 1555 года имеется несколько его писем. Приглашение, в конечном итоге, пришло от польской знати, но он был вынужден с сожалением его отклонить.^b В конце концов, однако, это всё оказалось бесполезным. Поляки, оказалось, не только терпимы к ереси, но просто таки любили ее. Труды Сервета обрели популярность, и антитринитаризм был взлелеян. Успешная дипломатия не сеет божественного Слова Бога в сердцах людей, а шипы и колючки могут задушить слабый побег". Перед своей смертью Кальвин начал обвинять целый народ". Одной из последних его работ, которую он диктует де Безу, уже находясь в постели, было "Предостережение польским братьям" – последнее предупре-

---

^a См. *1Цар.* 18.

^b C.L., March 17, 1557. О вышеизложенном см. C.L. to King of Poland, December 5, 1554; December 24, 1555; to Nicholas Radziwill, February 13, 1555.

ждение к упрямому народу!

Мы находим в его переписке в также письмо, написанным в 1558 шотландскому графу Аррану, бывшему во французской тюрьме.^a Здесь упомянут Джон Нокс, бывший тогда в Женеве и говорится о надежде на Реформацию в Шотландии. Возможно, Нокс предложил, чтобы Кальвин написал к Аррану. Кальвин дожид до того времени, он смог услышать об успехах Нокса в Шотландии и обсуждал с ним свои трудности. Однако Нокс стал Ноксом задолго до встречи с Кальвином, и он далеко не всегда принимал мудрые и взвешенные советы, которых искал и получал от своего женеvского друга. Несомненно, что богословие, которое Нокса выражал и проповедовал, он многим обязано времени его обучения и служения в Женеве, так что он разделял взгляды Кальвина на христианское сообщество.

в. Миссия во Францию

Кальвин, как можно было и ожидать, оказал мощное и непосредственное влияние на свою родную Францию. Он помог многим, принявшим реформатское исповедание, найти убежище в Женеве или в иных местах. Он также продолжал поддерживать отношения с теми, кто принял новую веру, но боялся открыто признавать это, продолжал посещать мессу и внешне сообразовывался со всеми папистскими ритуалами. Он не одобрял такое сокрытие правды и помимо личной переписки с теми, кто, как ему было известно, был в этой трудной ситуации, он написал два трактата на эту тему, обращаясь к тем, кто, как он чувствовал, отвергали веру. Он называл их "Никодимитами", потому что они оправдывали свое поведение примером Никодима, скрывшего свою веру, идя на встречу с Иисусом ночью.

В своем первом *Traité de fuir les Superstitions* («Трактат против мощей»), он советует своим соотечественникам покинуть страну. В ином случае они должны засвидетельствовать о своей вере отказом от участия в ложном богослужении. Им, возможно,

---

^a C.L., August I, 1558.

придётся встретиться лицом к лицу со смертью. Они бы тем самым победили и обрели бы венец истинной славы. Второй трактат *Excuse de Jehan Calvin a Messieurs les Nicodemites*, написанный, без сомнения, потому что первый призыв, казалось, остался незамеченным, был вызывающе обличительным. Его наиболее острая критика направлена на тех, кто, зная правду, по-прежнему наслаждался богатством и бесконтрольностью управленческих постов внутри Римской церкви, претерпевшей только незначительные преобразования. Он также бичевал пороки богатых прихожан, которые столь мало позволяли вере проявляться в их жизни, чтобы лишь сохранять популярность при легкомысленном дворе, где, как называл это Дайер, "налет евангелизма" стал модой. Никодим, подчеркивал Кальвин, похоронил только тело Христа, предварительно умастив его по ритуалу. Эти же люди, погребли и тело, и душу Его, Его божественность и человечество и все безо всякой чести.^а

После начала 1555 года, когда собственные проблемы Кальвина в городе начали разрешаться, мы находим в *Register of the Company of Pastors in Geneva* указания служителям, посланным с миссиями за пределы влияния Женевы — во Францию и Пьемонт. Эти указания иногда указывают на сложности, тюремные заключения и мученичество.

За этими страницами стоит история немалого героизма. С 1547 года пресловутые *Chambre Ardente* установили во Франции такое положение, что гражданские власти могли непосредственно осуществлять судебные действия в отношении еретиков. Эти инстанции отвечают за розыск, задержание и мученичество очень многих протестантов, как итог мучеников очень тяжелых условий тюремного заключения. В 1551 *Edict of Chateaubriand* кодифициро-

---

^а Cf. Thomas H. Dyer, *The Life of John Calvin*, London, 1850, pp. 187ff. Некоторые французские реформаты, озадаченные строгостью Кальвина в этой связи, предлагали ему направиться в Германию и обсудить вопрос с Лютером. Кальвин не поехал, но направил письмо через Меланхтона. Последний полагал, что Лютер не в том настроении, чтобы придать письму хоть какое то значение.

вал существующие законы, защищающие Римско-католическое исповедание, и дал новый стимул преследованию. Яростные нападки, однако, сделали протестантов еще упорнее в нарушении местных уставов. Пять молодых студентов являют яркий пример. Они учились в Лозанне и решили возвратиться во Францию, чтобы проповедовать. Они были арестованы, приговорены к сожжению заживо и содержались в лионской тюрьме. По истечении долгого срока, в протяжении которого отовсюду шли протесты и призывы к милосердию, казнь все же совершилась в мае 1553 года.

В следующие годы Реформация распространялась все дальше, пока, как было подсчитано, шестая часть страны не оказалась под преобладающим протестантским влиянием. Вначале сторонники протестантизма собирались в неформальных группах вокруг Слова Божьего. В 1555 году некоторые из них начали организоваться по женеvской модели, с пастором, старейшинами и дьяконами. Такая община была организована в Париже с пастором, посланным из Женевы. С 1559 года, как считается, семьдесят две группы были организованы таким образом, а много других продолжали свои собрания менее формально. В том же году состоялся Национальный Синод Реформатской Церкви в Париже. Исповедание веры, и богослужебные книги, которые были составлены, отражают влияние воззрений Кальвина.

Хотя дух мужчин и женщин во Французской Реформатской Церкви был непобедим, их способность к росту с такой силой как единой группы в условиях преследований во Франции многим обязана церковной структуре, изобретенной Кальвином, и его пасторской заботе. Он лично поддерживал связь с преследуемыми группами во Франции, которые в это время начинали формировать себя в организованные конгрегации и теперь обращались к Женеве, чтобы найти постоянных пасторов. Действительно, его небольшая пресвитерия в Женеве стала подобна штаб-квартире миссионерского совета. Доступные документы содержат имена 88 людей, отправленных между 1555 и 1562 годами. И есть свидетельство, что это лишь малая часть уполномоченных, которые

фактически названы в Register.^a Иногда используются псевдонимы, чтобы указать на людей и конгрегациям имеющие нужду в тайне.

Когда Кальвин слышал о христианах—одиночках или даже о целых группах, стремящихся собраться вместе, он как бы сам появлялся на пороге, с посланником и письмом, стремясь придать им ощущение причастности к большей общности людей, приобщения к Вселенской Церкви, которая молилась о них, имела слово для них, и стремилась поддержать их любым практически возможным способом. Каждую небольшую группу, которая только появлялась, он расценивал как ядро конгрегации, которая должна расти и самоопределяться, чтобы принять как пастора одного из тех, которых он обучил с целью такого руководства под водительством Слова Божия. Когда он посылал своего человека, он просил, чтобы они воспринимали пастора ради Христа и уважали бы его как того, кто представляет среди них Христа, Доброго Пастыря.

Внутри каждой конгрегации он стремился развить ячеистую структуру, в которой под мудрым и подготовленным руководством каждый давал бы другому поддержку, просвещение и ободрение и в которой те, кто имел склонность колебаться, будет держаться веры и образца ожидания, примера и ободрения в других и, если потребуется, будет обличен и наказан. Конгрегации также были должны быть организованы в группы, разделяющие взаимную заботу друг о друге и общий порядок.

Изучающие период Реформации и его последствия соглашались, что кальвинизм обрел такую способность к распространению, выживанию и даже росту в условиях весьма определенного и безжалостного противостояния, с которым он столкнулся, за счет того, что дала ему Женева — за счет сильной ячеистой организации, при содействии которой большое число людей могли удерживать существенное единство веры, начав учиться покло-

---

^a Cf. Hughes, R.C.P., p. 27f.

няться и бороться в маленькой группе.^a Действительно, кальвинизм, как говорит Нейл, был должен часто принимать форму восстания, а главное для длительного и успешного восстания – организация. Ни лютеранство, ни гуманизм не обладали практической необходимостью для такой организации. «Многое из английской, шотландской, голландской истории во второй половине шестнадцатого столетия могло бы быть списано с церковной организация кальвинизма».^b

Мы находим в более поздних письмах Кальвина частые дипломатические и пасторские обращения, адресованные представителям высшего слоя французского дворянства, которые пользовались иммунитетом в области преследований, падавших на голову прочих. Многие из них за счет своих прав и привилегий принимали реформатское исповедание. Кальвин использовал возможность переписываться с людьми подобными наваррскому королю Антуану Бурбонскому, с Людовиком принцем Конде, с Франциском d'Andelot и адмиралом Гаспаром Колиньи, а также с их женами. Он направлял свои письма и Рене, дочери Людовика XII, возвратившейся из Италии к французскому двору.

Наставления и письма Кальвина были найдены полезными и приемлемыми. Его просили прислать из Женевы пастора для проповеди и работы в дворцовых кругах. Как пишет Пол Генри, они прислушивались к нему таким же образом, как германские князья слушали Лютера.^c В 1561 году венецианский посол при французском дворе писал насчет Дожу: «Ваша светлость едва ли поверит влиянию и большой силе которыми женевский перво-

---

^a A. G. Dickens, *The Reformation in England*, London, 1965, p. 200.

^b J. E. Neale, *The Age of Catherine de Medici*, London, 1943, pp. 13ff. Нил указывает, что сила Римской Церкви на протяжении столетий лежала в ее организации и порядке, в той же мере, как и в ее догме, и он цитирует "выдающегося французского историка" для подтверждения того, что "уникальным достижением Кальвина, знаком его новизны, было создание нового католицизма вне прежнего и оппозиционного отношению к тому. Cf. p.17.

^c Henry, *op cit*, vol. II, p. 374.

священник, француз и уроженца Пикардии, обладает в королевстве. Он оказывается человеком неиссякаемой активности, кто за счет своего образа жизни, доктрин и писаний, возвысился превыше всех остальных».^a

Заинтересованность Кальвина в Реформатской Церкви во Франции также вовлекла его в незаконченную попытку миссионерствовать язычникам. Адмирал Колиньи заинтересовался основанием колонии в Южной Америке, где французские протестантские эмигранты могли бы селиться, поклоняться и распространять свою культуру безо всяких преследования — и евангелизируя южноамериканских индейцев. Два пастора, Пьер Ришар (Pierre Richer) и Гийом Шартене (Guillaume Chartener) были посланы из Женевы в августе 1556 года капелланами для группы реформатов и для евангелизации. Однако Губернатор колонии предал их, убил некоторых и вынудил других вернуться домой. "Хотя и незавершенная, эта попытка состоялась, пишет Филипп Хагз, и это свидетельствует о поразительно далеко идущем видении, которое Кальвин и церковь в Женеве имели касательно своих миссионерских задач."^b

д. Указание для Церкви находящейся в гонениях

Внутри самой Реформатской церкви мы находим, что Кальвин обрел тот же статус и почтение, какие многие другие оказывали Лютеру. В Женеве, непосредственно с момента его прибытия, "бригада" его сопасторов никогда не помышляла о выборе в качестве своего председателя и лидера кого-то другого, нежели он. Вот фрагмент записей, сделанных непосредственно после его кончины:

Что касается покойного мастера Кальвина... Бог так щедро наделил его благодатью и одарил его такой властью меж людей, тем самым освобождая каждого из нас от необходимо-

---

^a Цит. по: Т. М. Lindsay, *History of the Reformation*, vol. II, Edinburgh, 1907, p.153.

^b Ср. Hughes, *op. cit.*, p. 28.

сти делать выбор каждый год, да и мы не могли бы найти кого иного из нашей среды — что не должно быть понято в умаление того множества дарований, которые были в нашей среде.^a

Непроизвольно они говорили о нем как об "Отце всего общества и каждого из его членов отдельно", так, что "община никогда не была лишена мудрого совета. «Дорогой брат, писал де Без к нему в течение его пребывания во Франции, поскольку Вы неспособны помочь нам вашим присутствием, ведите нас подобно детям вашим советом! ... Я верю, что наш Бог прославится в похвале его мудрости через ваши уста».^b Де Без, действительно, однажды подтвердил, что "по какому бы вопросу не советовались с Кальвином, его суждение, было настолько ясным и правильна, что он часто, казалось, почти пророчествовал; и при этом я не припомню никого, кто был бы введен в заблуждение, следуя его совету".^c

Реформатские общины во Франции осознали, что они могли вполне доверять ему и постоянно консультировались с ним по самым разным вопросам: может ли вдова оставить своих детей, если ей придется бежать из католической страны; может ли истинный верующий посещать массу в любых обстоятельствах; допустимо ли для служителя Евангелия зарабатывать ростовщичеством; допустимо ли реагировать насилием на насильственное преследование? "Его мнения имели силу закона для синодов, пишет Пол Генри, частично потому что его голос расценивался как мнение отца церкви и его рассматривали как ее совесть"^d.

Советы Кальвина членам Реформатской Церкви Франции, в той связи, что они зачастую касались вопросов жизни и смерти, заслуживают внимательного рассмотрения в подробностях. Мы уже отметили бескомпромиссную серьезность, с которой ранее в своей карьере он критиковал тех, кто боялся открыто исповедовать свою веру и принимать последствия такого этого. "Бегите

---

^a R. C. P., p. 363.

^b C.L., August 30, 1561; cf. to Peter Martyr, May 22, 1558.

^c C.Tr., vol. I, p. xcvi.

^d Henry, *op. cit.*, vol. I, p. 469.

прежде, чем вы погрузитесь в столь глубокое болото, из которого будете не способны освободить себя", — писал он к мсье де Файльсу, когда совесть последнего была обеспокоена, и он беспокоился, должен ли он оставить Францию.^a

Кальвин продолжал в том же духе и закончил на самом бескомпромиссном уровне. Даме, схваченной при попытке эмиграции в Женеву и бывшей в большой опасности, он написал: "Если мы находимся в такой ситуации, когда никакие другие средства не могут избавить нас от тирании врагов правды, кроме тех отговорок, которые могли бы сбить нас с правильного пути, можно не сомневаться, что Бог призвал нас запечатлеть нашу веру кровью".^b Мсье Круссо спрашивал Кальвина, позволительно ли ему сопровождать своего суверена, когда тот идет к мессе, апеллируя к Нееману.^c "Не законно поступать таким образом, отвечал Кальвин, потому что такое поведение было бы соблазном для благочестивых и искушением для слабых. Пример Неемана не применим в случае, поскольку тот был единственный поклонник истинного Бога в Сирии и не мог, следовательно, давать никакого примера другому верующему. Он имел также собственный жертвенник для поклонения истинному Богу".^d

В течение того периода, когда закон запретил реформатские богослужения и преследования были особенно жестоки, Кальвин не прекращал советовать своим сторонникам нарушать закон — но осторожно! "Собирайтесь здесь и там небольшими группами, писал он общине в Пюиту, пока все члены церкви не соединены в царстве небесном... Боязнь преследования не должна удерживать нас от поиска живых пажитей и следования за добрым пастырем" Он уверяет их, что если они будут поступать таким образом, то Бог позаботится о них. Если они пренебрегут этим, то ко-

---

^a C.L., October 14, 1543; cf. to Monsieur de Bude, June 19, 1547; to a French Seigneur, October 18, 1548; to Madame de la Roche-Posay, June 10, 1549.

^b C.L., September 13, 1553.

^c См. 4Цар. 5.

^d C.L. to Monsieur de Crussol. July 31, 1563.

нечно отпадут. Он рекомендует затем избрать "средний путь между опрометчивостью и робостью": «Храните себя в тиши и уединении, но закрывайте дверь тем, кто желает войти в царство Божие с вами. Стремитесь обрести столь много душ для Бога, сколь это возможно». Он обещает им, что влияние такого, истинного, но скрытого поклонения будет распространяться в том образе, которым они устраивают всю жизнь, дома и где бы то ни было и даст свои результаты.^a В этом письме Кальвин, очевидно, дает свое одобрение тихому и взвешенному гражданскому повиновению.

Хотя Кальвин доходит до того, чтобы советовать христианам нарушить закон ради повиновения Богу, он не имел в виду, что они должны планировать или начинать насильственные действия, или активно стремиться к свержению тирании. Он не советует ничего другого, кроме как терпеливо страдать в части личных прав, когда правители и власти преследуют их за веру. Когда он слышал, что кое кто из церкви в Анжу, встретившись с преследованием, решили прибегнуть к насилию, нежели быть схваченными разными негодьями, он написал увещание, чтобы они "отказались от таких замыслов, которые никогда не получают божьего благословения, даже завершившись счастливым концом, поскольку Бог не одобряет этого". Кальвин не недооценивал тяжести страдания. Можно предстать перед смертью, но в таких тяготах, христиане не имеют никакого оправдания "отказу страдать за Того, кто умер и воскрес, чтобы мы могли бы посвятить наши жизни в жертву Ему". Чтобы подчинение такому страданию, утверждал он, заключено не только в призыве сообразовываться со Христом,^b это также и истинно безопасный образ действий, поскольку "наше единственно безопасное убежище от преследований, штормов и всех других опасностей находится под тенью его крыл. Однако, как только мы начинаем насильственно сопротивляться, мы отводим его руку и его помощь". Хотя Бог "даст пеплу рабов своих плодоносить ... возмущения и насилие прине-

---

^a C.L. to the Brethren of Poitou, September 1554.

^b C.L. to Church at Anjou, April 19, 1556.

сут нам только бесплодность. Мы должны, следовательно, никогда не забывать, что и волосы на нашей голове все пересчитаны, и что если Бог позволяет нам проходить через тяжкие страдания, он же не даст и одной слезе пролиться напрасно".^a

С ним заранее относительно заговора, чтобы разрушить влияние герцога Гиза и его семьи, и он выступал строго против этого. Заговор был раскрыт, и безжалостные репрессии обрушились на всех, кто был в нем замешан.

Первая религиозная война во Франции вспыхнула в 1562 году. Первого марта часть отрядов под руководством герцога Гиза жестоко вырезала протестантскую общину, которая собралась для поклонения в Вэсси. Реформатские лидеры почувствовали, что перейдена та точка, которая оправдывает их вооруженное сопротивление. Сражение произошло в Дрю, где, хотя и были побеждены протестанты, другая сторона не извлекала большой выгоды. В конечном счете, герцог Гиз был убит фанатиком. Переговоры происходили при участии Екатерины Медичи как регентши и принца Конде, возглавлявшего протестантскую партию и привели к принятию положений, впоследствии выраженных в Edict of Amboise в марте 1563 года. Эдикт даровал личную свободу протестантам, но не давал права на проведение совместных богослужений.

Что касается этой первой войны, Кальвин ни в коем случае не давал советов доктринерские. Он старался мудро реагировать на изменяющуюся ситуацию. Перед войной он выражал мнение, что "если прольется хоть капля крови, то потоки ее скоро зальют всю Европу. Таким образом, было бы лучше, чтобы все мы погибли сотню раз, нежели подвергли имя христианства и Евангелия такому позору".^b

После того как заговор в Amboise потерпел неудачу и усилилась свирепость преследований, и вновь к нему прибегают за советом касательно открытого восстания, так как составление тай-

---

^a C.L. to Church in Paris, September 16, 1557; to the Church at Aix, May 1, 1561.

^b C.L. to Coligny, April 16, 1561.

ных заговоров оказалось столь бедственным. Он указал, что в той ситуации, которая господствовала во Франции, даже если несколько принцев крови поддержат их права и если парламент присоединится к ним, только тогда будет законно получить помощь таким образом. В этом случае, Кальвин возвращается к тому, что он написал в «*Наставлении*» относительно права законных властей в государстве по обузданию тирании местных правителей.^a Кальвин, однако, признавал, что условиями, которые возникли в условиях войны, нельзя пренебрегать, так что некоторые правила более не действовали. Надо было оценить новые факты и принять свежие решения.

Его спрашивали, было ли законно помочь одному из преследуемых верующих бежать из тюрьмы посредством ключей полученных обманом или другим подобным образом. Он ответил: "я никогда не стану советовать такого или одобрять такие дела, но я искренне радуюсь освобождению любого и буду молиться о том, чтобы это могло бы быть осуществлено безо всякого правонарушения".^b Таким же образом, если только война вспыхнула, и мир был нарушен другими, христианин имеет право изучить ситуацию и принять решение насчет законной самообороны в ситуации открытой войны. Это, возможно, причина того, что Кальвин, как только вспыхивала религиозная война во Франции, тотчас выбирал одну или другую сторону, стремясь "поддерживать справедливую сторону" доходя до сбора средств для наемников и обсуждения наиболее желательной стратегии.^c Более того, он одобрил присутствие де Беза как священника и предводителя на поле битвы.^d Когда война закончилась, Кальвин расценил положения договора в Amboise как "отвратительные", но он немедленно посоветовал сложить оружие, так как мир был установлен "законным"

---

^a *Наставление* 4:20:30-1.

^b С.О. 10а: 257.

^c С.Л. to Bullinger, August 15, 1562; to the Churches of Languedoc, September 1562.

^d С.Л. to Coligny, April 16, 1561.

советом.^a Мадам де Рой он писал: "я всегда говорил, что мы должны скорее погибнуть, нежели позволить внести беспорядок в то, о чем свидетельствуем".^b

---

^a C.L. to Soubise, April 5, 1563.

^b C.L. to Madame de Roye, April 1563.

Глава 12

ПАСТОРСКОЕ ДУШЕПОПЕЧЕНИЕ

а. Человек перед Богом

Мы уже отметили ту заботу, которая, как верил Кальвин, принадлежит личности как члену социальной группы. Такая позиция личности в пределах общества явилась результатом его веры в ценность и ответственность каждой души в её личных отношениях с Богом.

Лютер подчеркивал свободу "внутреннего человека" от любого ограничения другими в призыве жить христианской жизнью. Он учил, что, когда перед каждым из нас стоят наиболее важные решения в жизни, мы оказываемся наедине перед Божьим словом, чтобы дать наш собственный ответ вере Богу, или поступить иначе. Кальвин здесь следует Лютеру. Каждый из нас, писал он, должен учиться оценивать свою отдельность или обособленность, также как нашу солидарность, в пределах социального тела. Мы должны понять себя как живущего одновременно «в двух мирах, которые могут управляться разными «царями» и разными законами»,^а во внешнем мире государства и во внутреннем мире духовного царства. Каждый из нас во внешнем царстве вовлечен, часто это может казаться неотделимо, в необходимость иметь дело с другими людьми по организации и устройству благосостояния земного общества, в вопросы, которые требуют человеческого повиновения и касаются социальной и национальной церковной и семейной лояльности. Мы живем там под давлением законов, установленных законными внешними властями. Но всегда в то же самое время мы живем при другом внутреннем ограничении. Мы живем в столкновении с одним только Богом. Во "внутреннем соборе совести" мы сами должны принимать самые важные решения своей жизни, в полной приватности и личной

---

^а *Наст.* III:XIX:15.

ответственности перед Богом.^a Кальвин часто подчеркивает этот аспект нашей личной жизни, особенно когда он имеет дело с вопросами христианской свободы. Для каждого из нас наша внутренняя обособленность прорывает нашу солидарность с другими. В окончательных решениях, которые мы должны принять в духовных вопросах, мы не должны больше зависеть от священника или собрания или даже от Церкви, и мы должны старательно учиться, чтобы осуществить эту свободу. Каждый из нас ответствен за его или ее самоопределение перед Богом. Кальвин рекомендовал, чтобы исповедание грехов приносилось одному только Богу. Только в исключительных случаях человек должен стремиться к тому, чтобы другой услышал его исповедь.^b

Кальвин учил, что эта обособленность, которая является столь важной характеристикой человеческой души, должна утверждаться и уважаться в общественной практике. Завеса тайны, которая окружает жизнь каждого человека перед Богом, и которая особенно охватывает жизнь христианина во Христе, не может быть пронизана другими. Ни под каким предлогом другие не должны стремиться нарушать эту сокровенную святость человека преднамеренным социальным давлением. Никакой человек, или суд, утверждал Кальвин, даже суд Церкви, не имеет власти, чтобы дать здоровое моральное или духовное суждение относительно того, что происходит в том царстве под поверхностью человеческой жизни.^c Живи он сегодня, кажется, можно с уверенностью сказать, что он отрицал бы также всякое право экспертов–психоаналитиков вмешиваться или исследовать, тем более одобрять или осуждать любые события в этом царстве. Кроме того,

---

^a *Наст.* IV:X:5; IV:XX:1.

^b *Наст.* III:IV:8-9; I.C.P., p. xxxviii.

^c *Комм. на 1Кор.* 5:11: " Внутреннее не благочестие, и что-либо, что является тайным, не находится в пределах суждения Церкви." См. *Наст.* IV:XII:6. Конечно, Церковь имеет право и власть, чтобы давать свои суждения относительно людей основываясь на их общественных отношениях и поведении — по их трудам и плодам.

никакой род силы, психологической или какой иной, не должен использоваться, чтобы заставить человека в его образе мышления или в его конечных суждениях соответствовать любой внешней норме.

Сегодня, перед лицом всех тех распространяющихся сил, влияющих на наши человеческие умы через средства массовой информации, и психологических и иных методов, которые могут использоваться иногда с хорошими, а иногда со злыми намерениями сделать людей соответствующими общим стандартам, кажется, что Кальвин здесь делает важное указание относительно настоящей человеческой свободы. Айрис Мюрдох писал: «Чем мы более признаём самостоятельность и дифференциацию людей, тем труднее становится рассматривать человека как вещь».^a Справедливое общество должно служить человеку, который принадлежит этому обществу, признавая в данном случае за ним или за ней совершенную индивидуальность, а значит и совершенную свободу. «Общество достигает своей цели», - говорит Маритейн, - «только тогда, когда служит человеку и когда понимает, что этот человек имеет свои секреты, скрывааемым им от общества, и призвание, на которое оно не может претендовать».^b

б. Пасторская забота

Когда Кальвин был занят защитой реформатских интересов на Вормском соборе в 1540 году, он слышал, что французская конгрегация, которую он оставил в Страсбурге, преуспевала в его отсутствие. Он написал своему заместителю Николя Парену, обсуждая дела церкви и говоря, как он горд, что Церковь сохраняла единство. Он добавлял, что хотя «хорошо устроенная Церковь - венец и слава пастора, даже в этом случае он не может ни ликовать, ни радоваться чему-либо в этой связи, кроме того, насколько они заботятся о спасении душ».

---

^a *The Sovereignty of Good*, London, 1970, p.66.

^b Jacques Maritain, *The Rights of Man*, London, 1945, p. 13.

Кальвин чувствовал, что одна из главных потребностей его времени — помочь людям через Слово достигать уверенности в их жизни перед Богом. Римская церковь в течение столетий не сумела дать людям познание милосердия Бога. Неясные и тривиальные церемонии, которые были созданы для приукрашивания исповедной и искупительной системы, вели в никуда. Евангелие, как полагается, уверяет, что душа достигает умиротворения: т.е. радостной, непрекращающейся, сияющей уверенности. "Блуждать, меняться, подниматься вверх и падать вниз, сомневаться, находится словно в подвешенном состоянии и, наконец, отчаиваться — значит не доверять Богу. Доверять можно, только утверждая свое сердце в постоянной и непреклонной уверенности, на том прочном основании, на котором только и можно покоится".^a "Верующий — это лишь тот, кто, опираясь на уверенность в своём спасении, осмеливается без колебаний хулить дьявола и смерть".^b Он верил, поэтому, что одной из его первых задач, вслед за его предшественниками в Реформации, все еще находится в этой области. Независимо от того, сколько он был вовлечен в социальные предприятия и в дела Церкви, он никогда не пренебрегал своим призванием, и это было залогом всей другой работы. Он согласился бы с Вине, "что Евангелие адресовано, и проповедник послан, не к народам и массам, но к каждому человеку, из каковых народы и массы составлены".^c

Мы видим, что он часто направлял своё служение к человеку с особой заботой, чтобы оказать пасторскую и личную заботу и руководство там, где имелось сердечное недоумение, сомнения, или духовная темнота. Как указал Тёрнейзен: сама Реформация была движением пасторской заботы, движущемся непосредственно от заботы о душе ко спасению души.

Его богословские труды имели зачастую пасторскую цель. Страницы «*Наставления*» усыпаны предложениями и даже пара-

---

^a *Наст.* III:XIII:3.

^b *Наставление* III:II:16; cf. A. N. S. Lane, Calvin's Doctrine of Assurance, in *Vox Evangelica*. No. XI.

^c Cf. A. Vinet, *Pastoral Theology*, Edinburgh, 1852, p. 229.

графами, написанными, чтобы помочь борющейся душе. Он говорит в предисловии к книге, что первоначально он "трудился" чтобы написать это "в основном ради моих соотечественников, французов, множества тех, кто, как я чувствовал, алкали и жаждали Христа".

Его писания было иногда целиком и полностью пасторскими в своем характере и поводе к написанию. При объяснении, почему он написал свой трактат *Concerning Scandals*, он говорит: "серьезная книга появляется, потому что много людей создают спрос на неё", и позже добавляет: "Я забочусь о немощных, поскольку, когда их вера шаткая, это - наша задача, протянуть им руку поддержки".^a Он написал эту самую книгу ради тех, кто посвятил себя служению Христу и начал свое христианское поприще. Он писал, чтобы ясно описать для их пользы те препятствия, которые они встретят и искушения, которые будут соблазнять их, по мере их успехов. Некоторые из этих препятствий были, объяснял он, частью самого Евангелия, некоторые происходят неизбежно везде, где Евангелие пускает корни в сообществе, а некоторые из-за преследований и клеветы врагов.^b Даже его дискуссионные письма, в которых он клянет своих теологических противников, пасторские в своих целях. Ибо истинный пастор, часто утверждал он, имеет два различных голоса — один для зова овцы, другой для отпугивания волков. "Тогда только пасторы научают Церковь, когда, помимо направления послушных душ ко Христу, они также вооружены, чтобы отразить нападки тех, кто стремятся препятствовать божьей работе".^c

Когда мы читаем его письма корреспондентам среди высшего французского дворянства во Франции, мы видим, что пасторский повод почти всегда доминирует. Например, его первое письмо адмиралу Колиньи написан, чтобы "обеспечить Вас доказательством моей заинтересованности в Вашем спасении". Он знал, что

---

^a *Concerning Scandals*, Edinburgh, 1978, pp. 4 & 12.

^b *Ibid.*, pp. 13-14.

^c C. Tr., vol. I, p. 29. Cf. A.-Marie Schmidt, *Jean Calvin et la Tradition Calcienne*, Paris 1957.

Колиньи в тюрьме в Сан-Квентин был болен, близок к смерти, и читал религиозные книги, в поисках надежды и успокоения. Письмо Кальвина касалось Бога, его славы, и обетований во Христе. Кроме того, в тот же самый день Кальвин написал столь же ободрительное и полезное письмо с духовными советами мадам Колиньи, которая, как он знал, была глубоко набожна.^a

Эти пасторские усилия тем более примечательны, что такие письма были часто написаны по церковным или национальным причинам, с некоторой дипломатической целью, для дальнейшего распространения Реформации в Европе. Но часто дипломатия открывает путь для евангелических целей; мы находим, что его основная забота связана с его корреспондентом как человеком. Близок ли тот к Богу, слушая его слово и продолжая сопротивляться сатанинским искушениям, чтобы достойно проходить свое христианское поприще, другими словами, как с вашей душой? Даже, когда он посылает посланника к королю Наварры со специальной целью получить в его области защиту для испанских лютеранских беженцев, некоторые из которых прибыли в Женеву, он не может удержаться, чтобы не затронуть других проблем. "Сир, ... приготовьтесь с самым большим великодушием, чтобы соблюсти себя с (духовным) постоянством, когда это потребуется. Ибо, хотя Вы держитесь на заднем плане, Бог поместит Вас вперед, чтобы послужить его замыслам. Так что вооружитесь заранее, молю Вас, сир, упражняя себя в слове божьем и терпя, так, чтобы богатство, почести, высокое положение, королевское достоинство, не воспрепятствовало бы Вам принять иго Иисуса Христа и так стремиться к царству небесному".^b

Его переписка с господином д'Анелотом, младшим братом Колиньи, является типичной для его пасторского служения среди французского дворянства. д'Анелот был заключен в тюрьму Генрихом II за разрешения реформатам свободно проповедовать в его больших имениях в Бретани. Немедленно, услышав о его тер-

---

^a C. L. to Admiral dc Coligny, September 4, 1558; to Madame de Coligny, September 4, 1558.

^b C. L. to the King of Navarre, December 10, 1558.

пении и жертве, Кальвин писал ему от 10 мая 1558 г. длинное письмо с личными советами, чтобы помочь все вынести и дать ободрение в вере. Вскоре 12 июля последовало другое более важное письмо. Кальвин узнал, что на д'Анелота оказывалось большое давление, чтобы заставить его подчиниться пожеланиям короля. Кальвин искренне призывает его к постоянству. Бог силён избавить его. Он может теперь вполне уподобиться Христу "не только в смерти, но также в погребении". Его страдание будет смягчено. Главное не позволить себе отклониться от простоты во Христе, но принести полную жертву. В том же месяце Кальвин узнал, что д'Анелот сдался, и он немедленно послал ему третье письмо. Позор общественного скандала упомянут там, но лишь мимоходом. Кальвин, должно быть, разрывался сердцем из-за возможных последствий этого отречения для многих верующих в Бретани. Но ничто из этого не упоминается здесь. Все письмо — образец сострадания христианину, кто начинает испытывать сожаление и ищет обратить его в истинное раскаяние. Кальвин подчеркивает серьезность греха и прилагает усилия показать ему, что путь обратно открыт. Он даёт ему совет о том, как стать более сильным христианином, когда он обретет этот путь.

в. Проповедь и пасторская забота

Кальвин верил, что Бог замыслил проповедь для пасторских целей, и он стремился через свое служение приводить души к полной свободной уверенности в вере. Истинная проповедь, как предполагается, открывает дверь царства Божия слушателю. Проповедь полноты благодати Божьей, обещанной в Новом Завете, не просто сообщает что-то людям, но являет им с подлинной действительностью и властью, что Христос не только стучит в дверь, но входит, чтобы овладеть сердцем.^a Поэтому пасторская

---

^a See, e. g., E. Mulhaupt: *Die Predigt Calvins*, Berlin, 1951, p. 29; T. H. L. Parker, *The Oracles of God*, London, 1947, p. 64; R. S. Wallace, *Calvin's Doctrine of the Word and Sacrament*, Edinburgh, 1953, ch. VII.

забота должна быть донесена до человека от проповеднической кафедры. "Всякий раз, когда Бог говорит со всем народом тела его", пишет Кальвин, "он адресует себя каждому лично".^a Если проповедь должна быть истинным отражением Слова, которое Бог стремится передать тем, кто сидит на церковной скамье, то проповедник, должен также стремиться делать так время от времени и даже часто, обращаясь к сердцу того, кому Бог стремится сообщить свою благодать.

Очевидно тогда, что если проповедник разделяет такую пасторскую заботу, какую имел Кальвин, то его точка зрения очень затронет стиль проповеди с данной кафедры. Истинный пастор на кафедре никогда не будет доволен простой ораторской подготовкой, направленной только к группе, или "типу людей", или приходу, или к человечеству вообще. Он будет иметь склонность скорее впасть в диалоговую и пасторскую манеру обращения к человеку среди общины. Он будет стремиться направить свои слова, столь анонимно, как только возможно и все же так лично, как он только может, чтобы вступить с кафедры в беседу, по крайней мере, с некоторым одинокими и озадаченным сердцем, о которых он знает, что они там перед ним. Он проповедует так в надежде, и иногда с кажущимся странным представлением, что Иисус как Добрый Пастырь, который знает Своих овец по имени и овцы знают Его, присутствует среди общины, как это видно в Евангелиях, когда он приходил к людям с особенно личным и близким словом.^b

Кроме того, если он имеет истинную пасторскую заботу к тем к кому он проповедует, он будет стремиться к тому, чтобы не избегать посещать их на дому. Кальвин полагал, что Павел дал образец для служения слова, когда он как он не прекращал предупреждать, и "публично" и "по домам". "Независимо от того, что думают другие", – писал Кальвин, - "мы не расцениваем наше положение как завязанное в узких пределах, и что, когда проповедь произнесена, мы можем отдыхать, как будто дело сделано.

---

^a *Comm. on Ps.*, 125: 2.

^b См. *Ин.* 10:1 слл.

Те, чья кровь будет на нас, если они погибнут через нашу пассивность, должны заботить нас много больше и ближе.^a

Кальвин был убеждён, что служение с кафедры, даже наиболее хорошо подготовленного проповедника, могло часто быть не в состоянии приводить души к Христу. "Ибо порой случается, что человек, знающий об обетованиях Бога как таковых, обратившись ко всей Церкви, всё ещё пребывает в нерешительности,^b в каком-то промежуточном состоянии, остается неуверенным в прощении своих грехов. "Поэтому, он утверждал, что проповедь сама по себе требует продолжения в виде пасторской беседы." Не достаточно, чтобы пастор с кафедры учил все собрание, если он не даёт личных наставлений, какие требуются в том или ином случае".^c

Подобно Буцеру, он оплакивал многих проповедников своего времени, бывших или слишком близорукими в понимании своего служения или слишком ленивыми, чтобы посещать дома тех, кто слушал их, вещающих с кафедры.^d Поэтому они часто терпели неудачу в деле достижения каждого человека. Они понимали церковное здание как аудиторию, а общину как слушателей. Они избрали легкий путь ухода от острого евангелизационного среза Евангелия, и избегали применять своё учение к отдельной душе. Кальвин осудил этот подход. "Нет ничего легче", - пронциательно комментировал он, - "чем уклоняться в такие общие места", и "очень трудно" применять эти истины к повседневной жизни.^e

---

^a *Comm. on Acts*, 20:20, C.O. 33: 319.

^b *Наставление*, III:IV:14.

^c *Comm. on 1Thess.*, 2:11. Calvin here insists that the pastor must be a "father" to each individual. См. тж. *Order for the visitation of the sick*. C. Tr., vol. II, p. 127.

^d Буцер писал Кальвину в 1547г.: "Я должен весьма похвалить Вас за посещения братьев, поскольку Вы знаете с какой болью я наблюдаю, что делом благочестия и любви со стороны духовенства — чтобы посещать, предупреждать и утешать людей, — совсем пренебрегают."

^e *Comm. on Ps.*, 10:14.

Говоря о провиденциальной любви Бога, он оплакивал то, что слишком многие в его дни просто рассматривали Божьи обетования как "далекие и так удаленные" от повседневной жизни, "что никто и не предполагает, чтобы приложить их к себе".^a Слишком часто, жаловался он, проповедование совершалось с недостатком "истинного и сердечного убеждения, " которое заставит нас почитать Бога, а так люди оставлены с "холодным и не впечатляющим рациональным знанием о Боге".^b

Результатом такого обобщенного красноречия было то, что проповедник слишком часто оказывался "как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий".^c Кроме того, люди иногда трагически поощряли такое положение вещей. В письме Буллинджеру Кальвин оплакивает то, что служителей его дней, включая и его самого, ценили и слушали больше из-за их красноречия, чем из-за того, что они пастыри душ человеческих.^d

Кальвин ободрял обремененных, особенно тех, кто не мог обрести утешение через собственное общение с Богом, стремясь к пастору для частной исповеди. "Поэтому пусть каждый верующий, когда почувствует в сердце скорбь от сознания своих грехов, с которой он не в силах справиться и обрести покой, если только не получит помощь извне, — пусть он вспомнит об этом лекарстве, предложенном ему Богом: чтобы найти покой, открыться прежде всего своему пастырю, ибо его миссия — утешать Божий народ евангельским учением, как в собрании, так и с глазу на глаз".^e

Он чувствовал, что таким беседам между пастором и членом Церкви должно быть регулярно перед каждым празднованием Вечери Господней. В Страсбурге он нашел себя в общине достаточно маленькой, чтобы достичь такого согласия, когда он служил ее французской конгрегации. В это время он был очень беспо-

---

^a *Comm. on Ps.*, 125: 2.

^b *Comm. on Ps.*, 10:4.

^c *Иез.* 33:32.

^d *С. О.*, 106: 154.

^e *Наставление III:IV:12.*

коен вопросами организации церквей, и много почерпнул из опыта и воззрений Мартина Буцера, который учил такой личной и тайной исповеди. Кальвин описал свои тогдашние пасторские методы и его цели в письме, которое направил Гийому Фарелю: "Когда близок день святой Вечери, я с кафедры уведомляю, что те, кто желает причаститься, должны прежде сообщить мне. В то же время я добавляю, с той же целью, что те, кто пока еще не наставлен и незрел в вере, могли бы получить наставление; те, кто нуждаются в особом обличении, могут услышать его; и, наконец, что, если есть те, кто страдает от душевного беспокойства, могут обрести утешение".^a

В Женеве Кальвин не был способен достичь этого идеала, и посещение собственно общин было организовано таким образом, который кажется весьма формальным; каждый служитель сопровождался старейшиной; новые жители посещались особо; по вопросам, касающимся дисциплины посещения, шли особо.^b Большое внимание, однако, было уделено посещению больных. "Никто не должен оставаться три полных дня в постели, без того, чтобы служитель не был бы уведомлен об этом, и ..., когда человек желает, чтобы служитель прибыл, надо позаботиться, чтобы пригласить его в удобный час и не отвлечь того от дела, которым он и его коллеги служат церковь обычно".^c

Надо отметить, что такое пасторское посещение, особенно больных, показывало язвы бедности как и физических страданий пасторам и церкви и помогло сделать пасторское служение заботой обо всех личных потребностях члена церкви. Всюду где рас-

---

^a С. L. to Farel, May, 1540. Здесь соединяются две концепции, которые Кальвина склонен объединять, — его забота о пасторском попечении и о дисциплине. Вопрос о пасторской заботе требует иного подхода к проблемам Церкви, нежели вопрос о дисциплине, и каждый вопрос тянет пастора в свою сторону. Возможно, что Кальвин слишком часто имел был склонен предпочитать пасторскую заботу дисциплине, чем наоборот.

^b Cf. letter to Olevianus, November 9, 1560, С. O., 18: 236.

^c R. C. P., p. 46 (*Ordinances*, 1541).

пространялась Реформация, отмечает Гордон Рупп, "помощь бедным и забота о благотворительности были важным делом... проходящим через всю историю подобно золотой нити среди многих недостатков"^a.

г. Пасторская беседа

Первой заботой Кальвина в деле приведения грешника к уверенности в спасении было стремление заставить его взглянуть с позиции его внутреннего состояния. Тогда должен был наступить момент, когда сознание того полностью отрешается от всех психологических проблем и прошлых неудач. Душепопечитель должен помочь грешнику поднять свой взор из "тюрьмы его сосредоточенности на себе". "Мы учили грешника", - пишет Кальвин, очевидно касаясь сердцевины своего "метода", - "не смотреть на свое сокрушение и свои слезы, возводить очи исключительно к Божьему милосердию".^b "Очи" подразумевают, по крайней мере, готовность смотреть вовне, чтобы позволить Богу прорваться через омерзительную цепь нашей эгоцентричности, которая заставляет нас любить психологический самоанализ. Кальвин всегда умоляет, как делал Лютер, выходить из себя в Бога. "Если Вы чувствуете что в вас слишком много немощи, обращайтесь за помощью к Тому, кто содержит всякую добродетель в руке своей",^c писал он тем, кто находился под угрозой мученичества.

Но душа не может смотреть вовне, если она не слышит голос Бога, призывающего ее так смотреть. Только тогда известно, куда же направлять взор. Поэтому Слово Бога должно иметь определяющее место в пасторской беседе и душепопечение должно всегда поощрять человека внимать Слову Божьему, направленному лично к тебе. "Для Бога не было достаточно самому с собой определить, что он предпримет для нашей безопасности, если он не говорил с нами явно и по имени. Только, когда Бог заставит

---

^a G. Rupp, *op. cit.*, p. 102.

^b *Наставление* III:IV:3.

^c C. L. to the Brethren at Chambery, October 8, 1555.

нас понять, что он будет благ к нам, тогда мы можем питать надежду относительно спасения".^a Пастор, поэтому, в своей беседе будет использовать священное писание не меньше чем проповедник на кафедре. Он будет делать это с молитвой и надеяться, что слово Божие позволит иным поднять взгляд и искать горнего.

Кальвин, однако, предупреждает нас против попытки основывать христианскую жизнь на простом поверхностном и случайном использовании текстов Священного писания. Он, конечно, верил в цитирование обетований Писания, чтобы помочь людям принять их верой,^b но он предупреждает против пустоты, которая явит себя у тех, кто просто "схватили мимоходом несколько слов Священного Писания". Священное Писание должно представить нам Христа в его человеческой природе. Поэтому цель нашего использования Библии состоит в том, что мы можем "стать все более подобны Богу во Христе, созерцая его в зеркале Евангелия". "Чем лучше мы знаем Христа", добавляет он, "тем более его благодать и сила трудится в наших душах".^c

Будет очевидно из того, что сказано выше, что пастор в своей беседе о Слове Божьем должен стараться избежать смещения в область внешнего впечатления при душепопечении. Конечно, кое-что в пасторе может внушить доверие слушателю. Все же работа пастора должна быть максимально направлена вовне от него на то, что, как стоит надеяться, душа будет видеть подле него. Голос, который нужно слышать — не голос пастора, но глас истинного Пастыря овец. Пастор должен рано или поздно понять, что он — просто инструмент и даже не канал.

Больше того, даже в достижении истинного слушания, видения, и таким образом, уверенности, душа должна быть руководима, чтобы понять, что это — уверенность веры, данной извне.

---

^a *Comm on Ps.*, 12: 5.

^b См. *Наставление*, III:II:7. "Нам необходимо обетование благодати, которым Бог засвидетельствовал бы что Он — благосклонный отец..."

^c To a Seigneur of Piedmont, February 25, 1554.

Конечно, будут иметься другие внутренние чувства, но уверенность будет проистекать из того, что слышимо и наблюдаемо, а не из того, что пережито в чувствах. Чувства беспокойства и опасения могут быстро заменить любые внутренние переживания радости и уверенности, но на уверенность в вере не повлиять. Кальвин напоминает нам, что мы "проклятые, мертвые и погибшие сами по себе", так, чтобы "мы искали прощения грехов, жизни и спасения в Иисусе Христе"^a; что мы не оставляем "победоносной уверенности, необходимой для преодоления всех страхов и сомнений" и в то же самое время "стенаем под бременем своего нечестия"^b. "Если мы вверяем нашу жизнь Христу, то должны признать, что мы мертвы сами в себе; если мы ищем силу в нем, то должны понять, что самих себе мы слабы..., если мы имеем вдохновение в нем, то должны чувствовать в себе только беспокойство и мучение".^c

Проблему греха следует рассматривать смело и открыто. "Искренне молить о Божьей милости может лишь тот, кто удручен и изранен сознанием своих грехов", писал Кальвин.^d Когда он старался приводить тех, кто пал, к новой уверенности в спасении, он начинал с некоторого упрека, некоторой демонстрации греха, стремясь достичь глубокого и подлинного сожаления перед Богом. "Это не небольшое или маленькое упущение — предпочесть людей Богу, " писал он д'Анелоту. "Ваше падение очень печально, и Вы должны помнить это с горечью в сердце". Это пасторская обязанность, объяснял он, всегда быть столь серьезным, чтобы сожаление могло вести к раскаянию. "Если Вы желаете быть пощаженными Богом, то хорошо и похвально для Вас не быть пощаженым теми к кому Он поручил привести Вас к покаянию".^e

Кальвин всегда упорно утверждал, что уверенность не могла быть подлинной, если это не сопровождалось покаянием. "Про-

---

^a *Наставление II:XVI:1.*

^b *Наставление III:XI:11.*

^c *Short Treatise on the Supper of our Lord*, 22, C. Tr., vol. II, p. 175.

^d *Наставление III:IV:3.*

^e C. L., July, 1558.

щение грехов не даруется нам без покаяния", пишет он и настойчиво добавляет: "покаяние не есть причина прощения".^a Все же некоторых тесты Священного Писания вынудили его пойти дальше и сказать что "мы можем обрести Божье прощение покаянием".^b Он стремился избегать любого вида дешёвой риторики. В этом месте мы можем обратить внимание на его веру, что покаяние "проистекает из глубокого страха Божьего" и что "прежде чем совесть грешника будет подведена к раскаянию, необходимо, чтобы она вспомнила о Божьем суде".^c Поэтому, хотя "одно милосердие Божие" должно, наконец, стать центром для "очей", Кальвин не может искренне не предупреждать души, с которыми он имеет дело, в том, что Бог однажды воссядет на судилище.^d Кальвин стремился избегать использования любого психологического давления или только ораторскую технику, чтобы склонить людей открыть свои сердца и исповедаться. Римская церковь разрушила идею исповеди своей тиранией и вмешательством духовенства. В Реформатской Церкви "прибегающие к ней (исповеди) добровольно, по причине своих нужд не должны быть принуждаемы ни приказом, ни хитростью рассказывать обо всех своих грехах" (Кальвин верил, в любом случае, что никто не мог бы истинно исповедаться другому человеку, как ни старайся). Истинные пасторы должны решительно защищать этот принцип "если они хотят сохранить чистоту своего служения, избежать тирании и не позволить народу впасть в предрассудки".^e

Хотя мы можем различать несколько общих принципов в подходе Кальвина к душепопечению, имеется некоторая неоднозначность в том, как он отвечает различным людям в различных

---

^a *Наставление III:IV:3.*

^b Letter to Blaurer, C.O., 18: 13.

^c *Наставление III:III:7.*

^d Известно письмо, написанное в 1562 к христианской общине, известной своими неурядицами. Оно проеисполнено мыслями об осуждении, неизбежном, доколе они не устроят свои дом. Cf. 'To the Church of...' C.O., 19: 609.

^e *Наставление III:IV:12.*

ситуациях. Он, конечно, наблюдал окружающих и понимал человеческую природу. "Я знаю положение и характер каждого из Вас"^a, сказал он со своего смертного ложа к правителям Женевы. Но он знал их как личности, а не как биологические виды, которые надлежит проанализировать, описать, классифицироваться и выработать в отношении которых технику взаимодействия. Его подход отличается чрезвычайным разнообразием душепопечительских выражений и писем, которые никогда не были стереотипны. Он никогда, образно говоря, не слушал ту же плёнку дважды. Каждая душа нова, каждая ситуация нова, и Божий путь должен всегда выясняться заново, поскольку мы каждый новый день предстоим перед Его Словом.

Иногда Кальвин использовал большую мягкость и симпатию, имея дело с допускающей ошибку душой. Иногда он был прямолинеен и ограничен.^b Чтобы вновь привести Леграна к вере, однако, он использовал самые различные пути: "я никогда не ожидал найти Вас виновным в таком безумии, слушающим сатанинские неправды, в той проклятой школе, которая ни во что ни ставит всякую религию и влечет людей к распущенности, насмехаясь над Богом и святыми. Опыт показывает, каким прекрасным вещам Вы научились там — сеять вокруг язвительные шутки, подобно смертельному яду, унижать бедных и даже смущать церковь. Подумайте над сказанным — 'Горе тому человеку, через которого соблазн приходит.'^{*} Не пощажу Вас чтобы Бог пощадил. Дам Вам почувствовать всю нечестивость... Вернитесь в паству Христову и будьте уверены, что все, кто любил Вас прежде, будет рад любить Вас снова больше чем когда-либо"^c. Кальвина знал этого человека и имел некоторую надежду.

Никогда, казалось, он не являл столько упования, когда на личный запрос короля Наварры написал монарху, сообщая, что люди говорят по поводу последнего. Он стремился быть честным,

---

^a С. Tr., vol. I, p. xcii.

^b Cf. pp. 183f.

^{*} Мф. 18:1; Лк. 17:7. — *Прим. перев.*

^c C.L. to Augustin Legrant, February 23, 1559.

когда старался тактично показать уважительное отношение к тому достоинству, которое только и осталось у несчастного короля: "Шептуны твердят, что глупые амуры мешают Вам достойно нести свои обязанности... Если Вы разгневаны, Сир, то они только рады такому обороту событий. Молю же Вас подумать о тех девицах, которые дают повод для этого... Призываю Вас, сир, искренне воспрять от такого уклонения".^a

д. *Пасторское сострадание*

Эрнст Пфистерер, стремясь объяснить, почему люди тысячами стремились в Женеву со всей Европы, и почему собственная община Кальвина, после многих лет сопротивления, наконец, признала его, приписывал его влияние неустанной пасторской преданности и силе Слова Божия.^b

Мы должны признать силу обоих этих факторов. Сам Кальвин без сомнения приписал бы успех своего служения, прежде всего, тому, что сам он описал как "Дух Божий, который звучал через мой голос, чтобы трудиться с могущественной силой."^c Он сам объяснил, что Дух Божий трудится, несмотря на немощь и греховность человеческого инструмента.

при всей важности его проповедничества, его гений и труд пастора должен быть особо принят во внимание. Документы того времени дают нам свидетельства высочайшей эффективности этого аспекта его служения. Одни из его самых близких соратников в эти годы в Женеве подробно, как Кальвин имел дело с людьми: "Никакие слова мои не смогут передать той преданности и благоразумия, с которым он давал совет. Доброты, которую ощущали все, приходящие к нему; четкости и быстроты, с которой он отвечал ищущим его мнения по наиболее важным вопросам; навык, с которой он распутывал трудности и проблемы при-

---

^a C.L. to the King of Navarre, May, 1561.

^b Quoted from E. Pfisterer, *Calvin's Wirken in Genf.*, 1940, p. 18 in W. Kolfaus, *Die Seelsorge Johannes Calvins*, 1941, pp. 9-10.

^c C.L. to Somerset, October 22, 1548.

несенные пред ним. При этом я не могу не упомянуть о той мягкости, с которой он успокаивал сокрушенных и поднимал упавших и разочарованных"^a.

Те, кто искали его совета, обрели в нем, не только мудрость, но и сила, которую Бог часто являет людям через искреннего пастора. Письмо Антония Лаборье, одного из мучеников Реформации, его жене показывает истинную преданности, которую видели в нем:

Анна, сестра моя, Вы знаете, что Вы все еще молоды, и при том отделены от моего общества. Если такова благая воля Божия для нас, успокаивайте себя в Нем, и с мыслью, что Христос есть отец ваш и муж... Взывайте к Нему и не прекращайте искать Его святого слова. Ищите... общества наших добрых друзей, особенно совета г. Кальвина. Он не позволит Вам потерпеть ущерб, если Вы будете поступать согласно его мнению; и Вы знаете, что он водим Духом Святым. Если Вы женитесь снова, а я советую Вам поступить таким образом, то прошу Вас прислушиваться к его советам, и не делать ничто без него.^b

В нашей заключительной оценке Кальвина примем во внимание, как часто и нарочито он понуждал себя принимать образ "общественного деятеля".^c В своей пасторской работе он был способен полностью сбрасывать ее и являть те качества, которое позволяли людям обрести успокоение, ободрение и просвещение в его беседе, поскольку он был близок людям в своем сострадании. Эти привлекало люди к нему. Маркиза Rothelin совершила путешествие в Женеву специально, чтобы посоветоваться с реформатором и обрести "утешение... и немалую толику ободрения в дни своего посещения".^d Супруга Laurent de Normandie на своём смертном ложе чувствовала себя так близко к нему, что была способна взять его за руку и благодарить Бога

---

^a Des Gallars to Crespin, C.O. 36, Preface to *Comm. on Isaiah*.

^b Crespin, *Histoire des Martyrs*, vol. II, Toulouse, 1887, p. 232.

^c Cf. Ch. 17.

^d C.L. to Farel, September 14, 1557.

"за ту руку, которой она была приведена сюда, где могла умереть в мире".^a

Он казался способным сообщить то же самое ободрение и силу людям через свои пасторские письма. Двое мучеников, ожидающих смерти в лионской тюрьме получили общее письмо. Один из них, Луи де Маршак, написанный Кальвину в ответ: "Сэр и брат, ..., не могу выразить то утешение, которое я получил ... через то письмо, которое Вы послали моему брату Денису Пелоквину, который нашел средства передать его одному из наших братьев, находящемуся в камере надо мной, который громко прочитал это мне, поскольку я не мог ничего прочесть в моей темнице. Молю Вас, поэтому, продолжать помогать нам подобным утешением, побуждающем нас плакать и молиться".^b Очевидно, Кальвин вполне выразил себя и свое сострадание в стиле и содержании письма, ища в то время, разделить в своих переживаниях их страдания.

"Дорогой и возлюбленный брат", - писал он однажды душе, предстоявшей возможному мученичеству, - "если, будучи свободен от страха и беспокойства, я писал бы Вам и вашим братьям, просто исполняя свои обязанности, чтобы позволить вам перенести борьбу, которая ждет Вас, то мой язык воистину был бы холоден и даже неприятен. Обеспокоенный, однако, вашей опасностью, и трепещущий от сострадания я побуждаю Вас к настойчивости и доверию, этому письму, которое являет живой образом моего сердца и показывает все его внутренние переживания. Оно будет говорить с Вами не менее ясно чем, я сам бы мог, будучи соучастником в ваших тяготах. И конечно, если случится худшее, мое желание быть соединенным с Вами в смерти, нежели пережить Вас".^c

Если бы мы должны были выбрать одно качество, которое послужило особой пользе его служения, то вспомним, что он непрестанно ощущал свои человеческие слабости.

---

^a Cf. *Concerning Scandals*, Dedicatory Epistle, p. 2.

^b Crespin, *Histoire des Martyrs*, vol. I, 1885, p. 730.

^c Letter to Macarius, May, 1558, C. O., 17: 91.

Жан Леклер писал о Григории Великом: "Его слабое здоровье стало одним из важных событий в истории духовной жизни, так как до некоторой степени определило его воззрения. Это дало ему чувство человечности и осмотрительности и проникновенное убеждение, которые объясняют его влияние." Нет сомнения, что Кальвин, постоянно живший с болью и физической слабостью, обрел понимание "особого смысла человеческого страдания, силы первородного греха и ценности человеческой слабости и искушения для духовного прогресса".^а Кроме того, то переживание, которое он получил в смерти жены, в течение многих лет дававшей огромную радость в его жизни, помогало ему быть очень чувствительным к понесшим тяжелую утрату.

В куда боле обычных и менее драматических делах он был должен иметь дело с обычной моральной слабостью или внезапным падением, потерей духовного видения, теплоты, и жизни, где ему помогало в служении искреннее сознание того, что любая сила, которой он обладал, полностью исходит от Бога. Он чувствовал всегда, что он слабый человек, способный быть сильным по благодати Божьей, и способный помочь другим просто потому, что он сам обрел в свое время помощь в тех немощах, которые были настолько распространены вокруг. Его собственный опыт, поэтому всегда входит в то, что он проповедовал, и это делало его способным передавать надежду. Когда он пишет Рене, герцогине Феррарской, чтобы упрекнуть ее в серьезном грехе и стремясь помочь ей обратиться, он подходит к теме с редкостным тактом: "я подозреваю, что Вы сошли с узкого пути, решив сообщиваться с этим миром." Затем он пишет следующее: "...воистину, дьявол побеждает нас, так что мы можем только горестно стонать, желая только удержать себя от впадения в боль-

---

^а Jean Jacques Leclercq, *The Love of learning and the desire for God*, New York, 1961, p. 36. Возможно, тот факт, что многие болезни, которые Кальвин перенес, смогли придать его мягкость его сердцу и духу, помогли ему сохранять в своем учении новозаветный акцент на силе воскресения, которая приходит ныне к тем, кто нест свой крест.

шее нечестие." Далее он обращается к ней подобно столь же немощному как она, находясь на ее собственном уровне — как грешник, стремящийся помочь такому же грешнику — он показывает ей, как сам он переживал такое: "Ведь наш небесный Отец всегда готов принять нас в милосердии своем, протягивая нам свой руки там, где мы падаем, так что падения наши не смертельны, так что я молю Вас ободрится".^a Даже среди куда более резкого обличения короля Наварры, он умоляет его "попрать ногами то тщеславие, которое быстро сбивает с пути, если жить в духовной беззаботности".^b

---

^a C.L. to Duchess of Ferrara, February 2, 1555.

^b C.L. to King of Navarre, May, 1561.

Глава 13

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

а. «Кальвинистский» образ жизни

Масштабы влияния Кальвина в последующих поколениях могут быть наглядно выведены из разнообразия значений, которые приложимы к слову "Кальвинизм". В Англии семнадцатого столетия это понятие часто использовалось для указания на форму церковного управления, в котором могли участвовать простые миряне, что удовлетворяло запросам высокого и мелкопоместного дворянства и части духовенства. В контексте исторического богословия термин использовался более узко, обозначая существо богословской традиции, которая характеризовала те церкви или группы общин, которые в ходе Реформации, казалось, испытали наиболее существенное влияние учения Кальвина. Слово также часто использовалось, чтобы обозначить тот образ жизни, при котором человек смело встречает все проблемы и искушения, но принимает все удовольствия и страдания среди всех перемен, которые постигают нас. Люди, окружавшие Кальвина в Женеве, желали не только духовного комфорта и уверенности, но также требовали указаний относительно того, как каждый человек в повседневной практике должен откликаться на благодать Божью через жизнь веры и послушания. Кальвин ответил на эту потребность и дал людям этическое и религиозное руководство на личном уровне. Несомненно, что его учение в этом отношении придало характерный отпечаток этому и культуре общин, находившихся под наиболее непосредственным влиянием его трудов и писем. Э. Трельч настойчиво утверждал, что влияние Кальвина создало тот "гуманитарный тип, " который "даже сегодня воздей-

ствуует на всю европейскую цивилизацию", даже кто-то и не подозревает об этом.^а

Внутри кальвинистской традиции церковного руководства, богословия, этики и культуры возникло множество особенностей, которые не вполне отражали собственно мнение и отношение Кальвина. Использование этого имени для описания появления тех или иных точек зрения в тот период может сильно запутать создать искаженное впечатление о том, развивалась ситуация исторически. Надо избегать думать о кальвинизме, как только о специфическом личном и интеллектуальном влиянии, произведенном Кальвином в Женеве, что произвело свое исторически развивающееся влияние. Возможно, мы будем ближе к истине, будем рассматривать кальвинизм как всегда присутствовавшие мыслительные позиции и определенный образ жизни в пределах христианской традиции. Однако, хотя эти взгляды и существовали в виде более раннего выражения, это появилось в большем масштабе и в более распознаваемой форме в шестнадцатом и семнадцатом столетиях, когда это особым образом возникло и оказалось весьма уместным ту эпоху. В течение этого периода впервые мы наблюдаем его в Женеве. Оно появилось как образ жизни, проистекающей из некоторого видения, которое было ответом на Слово Божие в преобладавших тогда условиях.

Хилари Беллок поэтому преувеличивает, когда пишет: "Нет Кальвину, нет Кромвелю". Кромвель был тем типом лидера, каким он был потому, что он имел Библию, наставлявшую и вдохновлявшую его; он черпал из нее. Он, кроме того, жил в тот период, когда проповедь Слова Божия обрела особо мощную силу в деле устройства человеческой жизни и формирования характера; те проблемы, с которыми встретился Кромвель, были подобны тем, которые стояли перед Кальвином. Кальвин, в сущности, разъясняет практические вопросы и богословские проблемы. Он помогал людям доходить до сути дела и видеть жизнь в свете евангельской цельности.

---

^а E. Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Churches*, vol. II, E. T., London, 1931, p. 578.

б. "Золотая книга христианской жизни"

С самого начала своего служения Кальвин делал особый упор на Десяти Заповедях, как на руководящем принципе христианского поведения. Он проводил эту мысль и в первое издание *Наставления*, и в небольшом катехизисе, который он написал для молодежи в Женеве в 1537 году, озаглавив *Руководство в вере*. Верующие должны были не просто соблюдать букву наставлений, но водиться Духом, как Христос учил в Нагорной проповеди.

В своем изгнании в Страсбурге он осознал, однако, необходимость дальнейших наставлений по этим вопросам. Тогда, избрав несколько важных текстов, главным образом из Нового Завета, он постарался нарисовать картину того, каким человеком должен стать христианин его дней.

Новое издания *Наставления*, которые он предпринял в 1539 г. в Страсбурге, содержит, поэтому, раздел "О жизни христианина", в котором Кальвин подробно описывает тот отклик, которым, полагает он, люди его времени лучше всего могут выразить свою преданность Богу и следование призыву Христа взять свой крест и следовать за Ним. Он поместил этот раздел в самый конец издания. Не изменял он его в двух последующих пересмотренных изданиях, хотя и разделил на пять глав, поместив в другом месте. Он даже счел уместным напечатать этот раздел отдельным изданием. Это было признано особенно полезным. Впоследствии это оказался первый раздел *Наставления*, который перевели на английский язык под заголовком *Золотая книга христианской жизни*.

В последнем издании *Наставления* мы видим, что описание христианской жизни включено в обсуждение вопроса о покаянии. Очевидно, Кальвин полагал, что христианин всегда призван жить жизнью истинного покаяния. Он допускал, что слова "освящение" или "возрождение" могли заменять "покаяние", но предпочитал последний термин.

Он объяснял, что есть важные различия между жизнью веры и евангельским покаянием, которое ожидается от христианина, и

неестественности епитимий и добрых дел, который были стандартной практикой Римской церкви того времени.^a Он чувствовал, что крайне важно тщательно выписать эти различия, так как некоторых старых этических отношений и образов жизни нужно избегать. Кроме того, он показал, что евангельский путь жизни, который он стремился продемонстрировать на основании Нового Завета, базируется совсем на других предпосылках, нежели системы, разработанные как благородный идеал древними философами и современными гуманистами,^b и уж конечно он непрерывно противопоставлял христианский путь образу жизни современных ему либертины.

После краткого введения к этим важным главам, Кальвин определяет христианскую жизнь как наличие четырех центральных особенностей, каждой из которых посвящая отдельную главу. Это: "Самоотречение", "Несение Креста", "Размышление о будущей [т.е. небесной] жизни", и "Польза и наслаждение нынешней жизнью".*

Христианин, таким образом, призван расценивать себя в этой жизни подобно ученикам в Евангелиях. Он призван следовать за Иисусом на пути к Кресту. Но он должен помнить, в своем послушании, что этот Иисус, который присутствует здесь и сейчас, чтобы вести его через этот мир, является также вознесшимся Господом, принадлежащим новому, будущему небесному миру. Призыв придти следовать за Иисусом, поэтому, оказывается призывом возвести пристальный взор своего разума и сердца к прославленному Господу, даже если это сделает тяжким путь в этой жизни.

Христианин, поэтому, согласно Кальвину, следуя Христу, становится паломником, находящимся между двумя мирами. Поскольку он отвергает себя и принимает крест, определенный ему

---

^a *Наставление III:IV:1 слл.*

^b *Наставление III:VI:3-4.*

* В существующих изданиях *Наставления* этот материал заключен в главах VI–IX книги III, которые носят более развернутые названия. — *Прим. перев.*

жизнью и Богом, он должен всегда взирать на будущую небесную судьбу, которой он достигнет в своей смерти и воскресении. Кроме того он становится соединен со Христом телом и душой в Духе и не только после смерти, но здесь и теперь. Здесь и теперь, через то, что Кальвин назвал "тайнственным единством",^a с прославленным Господом, призвавшим нас, человек способен посвятить свою жизнь такому самоотречению и несению креста. Более того, верующий, подобно компасу, всегда направлен к небесам и грядущей жизни до тех пор, пока он соблюдает себя в верном служении своим сотоварищам.

В письмах Кальвин последовательно применял эти положения своего учения, отвечая на вопросы, связанные с различными житейскими ситуациями. Изучение его переписки может пролить свет на оттенки его учения и показать, как тесно оно было связано с практикой.

в. Призыв к "самоотречению"

Следуя традиции отцов церкви, таких как Августин, многих мистиков и святых, особенно Немецких средневековых мистиков, которые так сильно повлияли на Лютера, Кальвин считает корнем всех грехов наше извращенное себялюбие.^b Наше своеволие, которое всегда только укрепляет себя в противостоянии тому, что Божие, сопротивляется изменениям, которые Дух Божий совершает в нас, и создает жестокий внутренний конфликт, по мере нашего стремления следовать за Христом.^c

Мы обнаруживаем, что "наш самый большой враг" — не дьявол, не преследователи, и даже не мир, но тот эгоцентричный принцип, который Павел назвал "плотью".^d "Мы призваны... бо-

---

^a См. так же *Наставление* III:l:1; IV:XVII:1 и пр.

^b Cf. R. S. Wallace, *Calvin's Doctrine of the Christian Life*, Edinburgh, 1959, pp. 61, 119f.

^c Рим. 7: 15 сл.; Гал. 5: 17.

^d C.L. to the Brethren of France, November 1559.

роться против самих себя и наших страстей"^a, зная, что Бог всегда испытывает нашу веру "чтобы знать, отказались ли мы от себя в поисках Его"^b. Когда Кальвин встречался с разделением в церкви, он частенько шел к самой сердцевине проблемы, вместо простого побуждения любить друг друга, он велел прекратить любить себя. "Вы знаете то установление, которое Святой Дух дает, чтобы примирить нас друг с другом. Оно в том, чтобы каждый уступал свои права, и стремился наставлять наших ближних в горнем, нежели отстаивать собственное и земное"^c.

Управлять этой внутренней эгоистичной склонностью, "уступать свои права" и "бороться против самого себя" хоть с какой-то надеждой на успех, однако, вовсе невозможно, если мы сначала не предпримем решительного лечения, своего рода серьезной операции, которая была описана Иисусом в словах о вырывании глаза и отсечении руки. "В самом деле, это возможно только тогда, когда из сердца вырван смертельный недуг самовлюбленности и самопревозношения. А вырывает его из нас Святое Писание"^d. Это тот неотъемлемый "первый шаг", в котором человек "выходит из себя, чтоб быть способным служить Богу"^e.

Кальвин нашел аналогии для выражения решительности и силы такого самопожертвования в обрезании и в храмовых жертвах. Именно мечом Духа мы способны поразить нашу "обычную природу", подобно принесению себя в жертву Богу. Ничто не должно избежать всеобщности жертвы. Каждая сторона, отношение, любовь, удовольствия, привычки к старому должны быть принесены на алтарь и сражены. "Невозможно искренне употребить тело и душу в служении Богу, в то время как мы пребываем в общении с идолопоклонниками"^f. Нет никакого почтения Богу "в то время как смертный смеет сохранять хоть самую маленькую

---

^a C.L. to Church in Paris, September 16, 1557.

^b C.L. to Madame de la Rochc-Posay, June 19, 1549.

^c C.L. to the French Church in Frankfurt, March 3, 1556.

^d *Наставление* III:VII:4.

^e *Наставление* III:III:8; III:III:5.

^f C.L. to a French Seigneur, October 18, 1548.

часть той славы, которую Бог требует для себя"^a. Действительно, Кальвин предупреждает, что до тех пор, пока в жертву не принесено все, мы находимся в опасности утраты жизни и спасения.^b

Даже после того, как смертельный удар нанесен, борьба продолжается. Сама самость никогда не умирает, поэтому вся христианская жизнь отмечена непрерывным самоограничением, настороженностью и дисциплиной. Мы в безопасности только тогда, когда мы сделали жизненной привычкой забывать себя^c и стали "навыком приучены" предпочитать Божьи желания собственным привязанностям, независимо от того, насколько добродетельно они выглядят.^d Все же даже здесь мы всегда должны быть осторожны: "Научитесь же, что даже если непослушание нашей своенравной плоти уже подчинено самоотвержению, мы должны совершать наш путь со страхом и трепетом, поскольку, если Бог не оградит нас, наши сердца будут яростно кипеть гордым и наглым презрением к Богу"^e.

Ту честность и искренность, которой нам позволено достигнуть, когда мы способны совершить в Духе эту полную жертву Богу, Кальвин, расценивает как "совершенство". Библия не определяет совершенство перечислением многих добродетелей и призывая нас достигать наивысшей возможной степени обладания ими. Совершенство — полная противоположность двоедушию.^f Это та полная цельность души, достигаемая нами и даруемая нам, когда мы вполне откликаемся на Божью благодать и Его заповедь. Говоря об Иове, Кальвин заметил: "утверждают, что он был совершенный человек; само это имя используется в Священном Писании, чтобы представить такой характер, в котором нет никакой фальши или лицемерия; когда человек тот же самый внутри себя и вовне, никак не извиняет свое отступление от Бога,

---

^a *Comm. on Ps.*, 9:1.

^b C.L. to Monsieur de Bude, June 19, 1547.

^c C.L. to Mademoiselle de ... January 12, 1549.

^d C.L. to Marquis de Vico, July 19, 1558.

^e *Comm. on Ps.*, 19: 13.

^f *Comm. on Jer.*, 29: 13.

соблюдая все свои мысли и склонности в Нем и не ища ничего, кроме полной преданности в служении Ему".^a

Здесь полезно отметить, что Кальвин в этом учении предлагает обычными людям своего времени те же самые запросы к внутреннему христианскому совершенствованию, которые в средневековье бытовали только в пределах монашеских групп или среди особо набожных сообществ. "Через все Бенедиктинское правило", пишет Жильсон, "проходит одна центральная идея: первая обязанность любого, кто служит Богу, состоит в том, чтобы отказаться от собственной воли"^b. Герхард Гроот из общины Братьев общей жизни настаивал также, что каждый христианин в чистоте помыслов должен оставить себя и посвятить себя Богу.^c То же учение отражено у И.Таулера и многих мистиков тех времен. Но вероятно, что собственное учение Кальвина в области этих аспектов христианской жизни испытало непосредственное влияние труда Фомы Кемпийского *Подражание Христу*. Имеются очень большие сходства между Фомой Кемпийским и Кальвином, когда они говорят о несении креста или о самоотречении. Трудно после чтения главы *Подражания* "Чистое и простое смирение" предположить, что Кальвин не был хорошо знаком с этим.^d

В учении средневековых мистиков, однако, самоотречение, к которому они призывают, часто расценивалось как человеческий труд, заслуживающий награду и ответ от Бога. Кальвин, однако, всегда признавал, что наша жертва самоотречения возможна только по благодати Божьей во Христе. Поскольку Иисус прошел весь путь, и прежде принес такую жертву Богу, теперь мы, через него и в нем, имеем власть повторить то, что он сделал прежде. Святой Дух, вот кто дает нам силу принять такое решение перед

---

^a *Sermon on Job*, 1:1.

^b E. Gilson, *The Mystical Theology of St. Bernard*, London, 1940, p. 29.

^c "Отклони свое сердце от твари, даже через силу, чтобы ты мог победить себя и направить свой взгляд неотрывно на Бога", Gerhard Groote. Cf. C. Ullmann, *Reformers before the Reformation*, vol. II, Edinburgh, 1885, p. 80.

^d On *The Imitation of Christ*, bk. IV, ch. 37.

Богом, и фактически повторяет в нас ту жертву, которую "однажды и навсегда" принес Иисус, позволяя нам участвовать в ней. Более того, это только в ответ на любовь Божью, которую мы видим в жертве, что совершил для нас, так что мы можем быть полны благодарностью, достаточной, чтобы полностью предать нашу жизнь Богу.

г. Несение креста

Жертва всей жизни должна сопровождаться и завершаться приношением всего сердца. Лютер настаивал, чтобы невозможно угодить Богу, исполняя свои обеты за стенами монастыря, стремясь стать совершенными и святыми. Истинная святость, скорее, состоит в выполнении наших повседневных обязанностей, налагаемых нашей земной профессией, к которой Бог избрал нас, в повиновении его слову. Кроме того, мы не должны пытаться наложить на себя любого рода самоограничения или неестественные правила, чтобы улучшить свое благочестие или характер. Мы должны позволить самому Богу заполнять нашу жизнь тем содержанием, которое требуется, чтобы сделать нас духовно здоровыми. Сам Бог позволит каждому из нас испытать трудности, разочарования и преследования, чтобы освятить нас совершенно. Он, таким образом, позволит каждому из нас в пределах нашего призвания устроить жизнь столь же героически, как он замыслил, чтобы наши жизни не нуждались в искусственных трудностях, способных отклонить нас от исключительной преданности Ему. "Нет нужды в бессменных бдениях или особых постах, поскольку Бог дал мне 'Ангела Сатаны' (2Кор. 12: 7) вместе с другими трудностями и испытаниями этого мира, кто мучит меня больше чем все прочее"^а.

Кальвин следует здесь за Лютером. Для него также школа, в которой мы должны узнать, как принести и выразить совершенную жертву Богу в сердце — это школа жизни, а не монастыря. Кроме того, по мере того, как каждый будет исполнять свою про-

---

^а L.W., 5: 271.

фессию, тем способом, к которому мы призваны, и сам Бог будет оценивать, формировать, и уделять каждому из нас с той мягкостью или строгостью, на которые способен каждый из нас в несении креста, Бог будет совершенствовать нас в самоотречении и преданности ему. Кальвин описывает всю христианскую жизнь как несение креста.

Он был уверен, что никто из нас никаким уклончивым поведением не будет способен избежать "жестких и трудных условий," в которых мы разделяем страдания Христа.^a Конечно, мы обязаны устранять бесполезные формы страданий и желать этого всякий раз, когда мы в состоянии сделать это. Сам Кальвин пробовал избежать бедности и болезней, изгнав их из Женевы. Но, несмотря на все наши усилия, остаточное и неизбежное бремя страдания давит на нас, делая наше решение относительным — страдания тела или ума, бедность, безработица, непредвиденные бедствия, тяжелые утраты, скука, внутренние и внешние расстройства, клеветы — являемся ли мы бедными или богатыми мы всегда будем "иметь достаточно возможностей, чтобы нести крест".

Время от времени наш "крест" будет иметь некий успокаивающий компонент, когда преследование, непопулярность, утраты и клевета громоздятся на нас, просто потому что мы несем христианское свидетельство и признаем христианскую точку зрения.^b Тогда мы должны полагать себя особенно счастливыми, поскольку можем увидеть ценность Христова "лучшего обетования" что "мы действительно счастливы, когда весь мир плохо говорит о нас и ненавидит нас".^c Все же "страдание" и "крест", которые связывают нас со Христом, делают живым наше общение с Ним, которое не должно быть ограничено этими особыми переживаниями.^d

---

^a *Наставление III:VIII:1.*

^b *Наставление III:VIII:7.*

^c C.L. to Madame de Falais, September 1545.

^d Cf. R. Bultmann, *The Theology of the New Testament*, London, 1952, vol. I, p. 351.

Мы должны "приучить себя" к этой трудной жизни^a со "многими и различными родами зла"^b. Когда Иисус был послан в мир, мир был извращен и "рассматривался как отвратительный и проклятый; впоследствии Его Евангелие было также представлено как позор..., что мы и видим сегодня"^c. "Если Христос смирил Себя для нашего спасения, то не разумно считать нашу жизнь более драгоценной, чем Его"^d.

Такое несение креста будет время от времени казаться нам болезненным опытом, или даже разрушением, нежели созиданием. Мы обнаруживаем, что, если Христос возрастаем, мы умаляемся. Мы вступили в процесс освящения через уничтожение, но нам не позволено расценивать это как добродетель.^e Как Реджин Прентер описывает это: подобно тому, как Крест разбивает наше самосовершенствование на части, когда беспокойство лишает нас надежды на освящение, правильный рост, означающий возрастание Христа в нас, занимает свое место.^f

Поэтому мы должны отказаться от любой претензии быть более нравственными или духовными или стремиться к любому лидерству в этих вопросах. Нам, вероятно, придется смирить себя просто к становлению все более незначимыми и кающимися — даже, чтобы признаться в прегрешениях, что кажется благородным. Когда д'Анелот, при публичном позоре, был заключен в тюрьму и, несомненно, резко осуждаем за его общественную трусость, Кальвин напомнил ему, что, даже томясь в течение такого длительного времени в позоре и заключении и находясь теперь полностью вне поля зрения людей, он мог расценивать это как выполнение Божьего замысла по его освящению; ибо мы не

---

^a C.L. to Farel, May 24, 1554. Мы "должны постоянно учиться умирать". C.L. to a Seigneur of Piedmont, February 25, 1554.

^b *Наставление* III:VIII:1.

^c *The Gospel according to Isaiah: Seven Sermons on Isaiah 53*, trs. Nixon, Grand Rapids, 1953, p. 34.

^d C.L. to a Seigneur of Piedmont, February 25, 1554.

^e Как в Бенедиктинских кругах. Cf. E. Gilson, *op. cit.*, pp. 71-2.

^f R. Prenter, *The Word and the Spirit*, Minneapolis, 1965, p. 106.

только должны умереть с Ним, но и быть погребены, пока он полностью не восставит нас вновь в своем пришествии^a — истинно успокаивающая мораль для того, кто действительно достиг глубин уничтожения! Как сказал Фенелон, наше себялюбие заставит нас предпочесть ущерб забвению.

Только одно достоинство действительно имеет значение для пути освящения — повиновение — покорное принятие воли Бога и Его пути. "Наша единственная задача состоит в том, чтобы позволить себе быть водимым им."^b Нашим несением Креста мы можем дать "подлинное доказательство, что мы способны" отказаться от своего руководства нашими собственными привязанностями и полностью подчинить себя Богу"^c. Кальвин полагал, что наша преданность Богу могла более ясно демонстрироваться радостным и пассивным подчинением его воле, чем даже самовольным актом благодарности. Это большое дело, когда кто-то "сделал себя бедным, насколько это зависит от него, и продал все, чтобы раздать другим, но испытание истинной духовной бедности, требуемой Богом, заключается в том, действительно ли мы можем терпеливо выносить потерю мирских благ без сожаления и, когда это угодно отцу небесному, лишиться всех их."^d Мы всегда оправдываем свои поиски поддержки и утешения у Креста сознанием того, что "предали себя для служения Богу и доказываем Ему наше повиновение"^e.

Кальвин учил, что невозможно верить в Бога и оставлять место для "судьбы" или "шанса" для объяснения наших человеческих обстоятельств. Мы должны видеть руку Бога или как позволение того, что с нами случается, или как обеспечение возможностей для этого. Де Сэйл оправдывал такую позицию Кальвина тем, что он сам всегда поступал подобным образом. "Теперь я скажу, о Филофея, что мы должны иметь терпение не только, чтобы быть

---

^a C.L. to D'Andelot, July 1558.

^b C.L. to the Women detained at Paris, September 1557.

^c I.C.P., p. xxxix.

^d C.L. to De Falais, September 1545.

^e C.L. to the Brethren at Orbe, March 4, 1554.

больными, но и быть больными той болезнью, которую определил Бог, в месте, где он определил, и среди тех людей, которых он определил; и это касается и прочих несчастий."^a Но рука Бога, протянутая к нам, должна быть понята как рука небесного Отца. Два письма, которые Кальвин писал герцогине Феррарской в 1555 стоят исследования в этом отношении. В первом упор приходится на божественное отцовство. "Бог в унижении его детей не имеет никакого желания покрыть их позором навсегда " Он — "Небесный Отец, всегда готовый простереть на нас свое милосердие", и когда мы падаем, он "предлагает свою руку нам, напоминая, что наши падения не влекут к смерти". Во втором письме, четырьмя месяцами позже первого, он добавляет, "уверен, что Бог будет внимать вашим стонам, если Вы продолжаете просить, чтобы он протянул Вам свою руку"^b. Кальвин выражал свое неодобрение стоической позиции, которая иногда разделялась людьми вокруг него, кто чувствовал, что было бы признаком человеческой слабости позволить себе быть эмоционально затронутым личным страданием, и кто советовал людям в несчастье строить нарочитое спокойствие ума и безразличие к страданиям. В успокаивающем письме отцу, чей сын внезапно умер от чумы в Страсбурге, он напомнил ему, что в нашей печали мы не находимся во власти слепой судьбы, но Бога, любящего, целеустремленного и независимого. От нас не требуется, отбросить человечность, которым Бог оделил нас; будучи людьми, мы не должны превратиться в "камни". Поэтому мы можем "проливать слезы из-за естественной отеческой привязанности"^c.

Он иногда готов объяснять и даже оправдывать наше человеческое страдание, упоминая то, насколько мы упрямы — так что

---

^a *Introduction to the Devout Life*, pt. 3, ch. 3.

^b C.L. February 2 and June 10, 1555; cf. to Madame de Coligny, September 24, 1561: "Таким образом, мадам, молю Вас, что бы ни случилось, никогда не уставать на службе у столь благого Отца."

^c C.L. to M de Richebourg, April 1541. См. *Наставление* III:VII:9, I:V:2 относительно взглядов Кальвина на стоицизм.

мы нуждаемся в исправлении, тогда как наши страдания могут освободить нас из неволи этого мира,^a и помогают нам отказаться от нашего себялюбия.^b Во время самой большой трагедии, когда Бог медлит протянуть нам руки, мы должны полагать, что он совершает работу, которая "превосходит наше понимание" и доверять тому что "без его воли ни единая птица не упадет на землю". Он знает и понимает наши печали, как он знает и отмеряет наши несчастья. "Если он иногда разрешает пролиться крови народа своего, то все же он собирает в сосуд их драгоценные слезы"^c.

д. Христианин между двумя мирами

Опыт жизни с Богом, описанный в Библии, часто соединяется с тем, что называют "мистический опыт", то есть опыт другого мира в пределах и все же вовне и рядом с нашим миром.^d Кажется, что этот другой мир здесь и теперь открыт для нашего исследования. Артур Вейзер в своем комментарии на книгу Псалтырь являет свою веру в то, что когда народ Божий приступал к святилищу в Иерусалиме и участвовал в религиозных праздниках, которые напоминали прошлые дела Бога Израиля, они также ощущали Бога как непосредственно предстоящего перед ними. В этом опыте, пишет он, они были сопряжены с иным миром, который контрастировал с обычным миром ежедневной жизни. "Два различных мира здесь преднамеренно сопоставлены друг с другом, один – это мир, в котором человек делает все, что возможно, мир, который может быть ужасен, но который является переходным; другой – мир, в котором Бог создает действительность, действительность, которую община веры видит и через это помнит спасительную работу Бога"^e.

---

^a 44 C.L. to Marchioness of Rothelin, January 5, 1558.

^b C.L. to Madame de la Roche-Posay, June 10, 1549.

^c C.L. to Church in Paris, September 16, 1557.

^d A.M. Ramsey, *Sacred and Secular*, 1967, pp. 31-2.

^e A.Weiser, *The Psalms*, London, 1962, p. 209.

Сам Кальвин был чувствителен к этому аспекту Библейского учения. Он отметил, что, когда импульс от Бога непосредственно входит в опыт людей, подобно как это было у Иакова, Исаи и Иезекииля, когда перед их взором открывалось целое царство. Кальвин интерпретировал эти видение не как нечто нереальное — где человеку предстает Бог и другой мир — и он утверждал, что души тех, кто подвергся такому переживанию Бога, были фактически там, вознесены из этого мира, чтобы проникнуть в мир другой.^a В своей интерпретации Нового Завета, Кальвин отмечал, что, когда Иисус призывал людей испытать Бога, он описывал Царство Божие, присутствующее и в пределах и вонне этого мира, в которое он пригласил людей вступить. Что касается того, что, как он верил, было обычным делом христианской жизни, он часто описывал христиан как тех, чьи умы были "возвышены выше-упомянутым вкусом небесной жизни"^b. Он казался особенно захваченным этой интерпретацией миров, когда он размышляет о любви к Богу, и он приглашает нас видеть это так же: «Если мы размышляем о неоценимом совершенстве нашего милосердного небесного Отца, мы будем действительно укоренены, если только Его любовь не коснулась нас настолько, чтобы мы забыли и презрели свою принадлежность этому миру, разрушили все пути, удерживающие нас от Него, и освободили себя от всех препятствий, которые нам мешают».^c

Рай у Кальвина не является в буквальном смысле астрономической реальностью, пространством во вселенной за пределами неба. А. М. Рамзи, обсуждая проблемы применяемого в данном случае языка пространства, дает толкование "рая", которое полностью совпадает с точкой зрения и широким взглядом Кальвина: "Именно здесь, в центре мира и событий," - пишет он, - "есть присутствие Бога, и именно здесь человек должен найти Его. Но быть рядом с Богом, признав Его власть, значит, принадлежать уже "другому миру". Мужчина или женщина, словно дитя "другого

---

^a See Calvin's commentaries in such places and on c. g.. Acts 7: 56.

^b *Comm. on Ps.*, 30: 4.

^c C.L. to the Brethren of Poitou, September 3, 1554.

мира", живет уже как внутри него, так и за его пределами". Он продолжает: "'отличие' другого мира не выступает противопоставлением этому миру. Это отличие жизни человека, живущего с Богом, жизни невидимой, уже существующей и ведущей к жизни после смерти, как вера в бессмертие, достигаемая через веру в Бога... таким образом, человек знает и стремиться в "другой мир" посредством отношений с Богом... одни представляют его как страну или город, другие чисто в виде отношений с Богом (1 Ин. 3: 13; Ин. 17:3).^a

Несомненно, для Кальвина другой мир, это реалья, в которую вознесся Христос. "Мистический союз" с Христом, занимающий важное место в теологии Кальвина, есть союз с вознесшимся Христом. И когда мы имеем такое приобщение к Нему посредством Святого Духа, Кальвин объяснил, что не только Он снисходит к нам на землю, но и наши души возносятся к Нему, и мы можем принять участие в Его славе и жизни после вознесения, здесь и сейчас".^b И снова нужно отметить, что это райское приобщение не является привилегией только специалистов мистического созерцания. "Мы тянемся в небеса", писал он всем простым членам Церкви Парижа, "и мы вкусили небесные блага".^c

"Небеса" даны не только для того, чтобы дать новую перспективу земной жизни человека, но чтобы управлять всей его деятельностью. Они нужны для освобождения, здесь и сейчас, от заточения, и, будучи внеземного мира, мы становимся уже не постоянными его жильцами, а странниками, проходящими мимо него. "Полностью отдавайте себя нашему Господу Иисусу Христу", писал Кальвин Французской церкви в Антверпене, "пока вы не станете подобными Ему, чтобы принять участие в Его славе, и все-

---

^a A. M. Ramsey, op. cit., p. 11 and pp. 28-9.

^b Cf. R. S. Wallace, *Calvin's Doctrine of the Word and Sacrament*, pp. 203ff.

^c C. L. To the Church in Paris, January 28, 1555. Таким образом, путем Своего вознесения, Христос восстанавливает ориентацию на будущее и жизнь в раю, которую имел Адам при сотворении.

гда помните, что вы здесь проездом и не останетесь навсегда".^a Сначала мы должны найти в настоящем мире центр тяжести, находящийся далеко от существующего. "Те, которые не вознесены в небеса и довольны только тем, что у них есть Христос и ненавидят этот мир, напрасно хвалятся, что у них есть вера".^b Кальвин посоветовал Адмиралу Колиньи иметь "главной целью"... "свидетельствовать полное почтение Богу и стремиться к райской жизни".^c

Луи Бауэр проводит грань между двумя различными видами "духовности", которая, по его утверждению, иногда характеризовала жизни церковных служителей. Первое значение "духовности" это "та духовность, которая заинтересована в Боге только, когда Он может быть полезен в этом мире. Он утверждает, что этот вид духовности, хоть и содержит элементы христианства, выбирая их по своему усмотрению, все же никогда не будет фундаментально христианским. Второй вид духовности заинтересован в этом мире до тех пор, пока он может служить средством обращения человека к Богу. Бауэр называет это "чистым и простым христианством" без преуменьшения и преувеличения."^d

Взгляд Кальвина совпадает со вторым видом духовности Бауэра. Он нашел полное воплощение этого вида духовности в лучших формах монастырской жизни. Но именно Кальвин хотел, чтобы "чистыми и простыми" христианами были уже не только монахи или великие специалисты, но простой народ Женевы и всего мира. Несомненно, со времен Кальвина, в Реформатских кругах произошел сдвиг в сторону "мирского" христианства. В раннем периоде моего служения, когда я пытался объяснить большое значение Субботнего дня и почему мы должны соблюдать его, почти все прочитанные мной книги и полученный опыт подтвердили то, как необходим для нас день отдыха. Он нужен, чтобы восстановить силы, чтобы хорошо жить и хорошо, служить нашим

---

^a C. L. to French Church in Antwerp, December 21, 1556.

^b *Comm.* on 1 Pet., 1:8.

^c C. L. to Coligny, September 4, 1558.

^d L. Bouyer, *The Meaning of the Monastic Life*, p.27.

братьям в остальные шесть дней, когда мы снова принимаемся за жизненно важную работу. Так выглядело учение в те времена. Оно нуждалось в некоторой корректировке мысли и толкования, чтобы впоследствии сформировался взгляд Кальвина. Он заключался в том, что Субботний день дан Богом не для того, чтобы настроить нас на труд в оставшиеся шесть дней, а, наоборот, прервать его, расстроить, то есть оторвать нас от него. И мы вознесем наши сердца над этим миром, работой и деятельностью в нем, чтобы мы стали свободней. Кальвин показывает, что является приоритетом для него и главу о *meditatio futurae vitae* ставит перед темой "как следует пользоваться благами этого мира".

е. Как следует пользоваться благами этого мира

Ориентация на вечную жизнь по Кальвину не означает отказ от нашей ответственности служить этому миру или пользоваться его благами. Поэтому, как и ожидается от социального реформатора, прежде чем он завершит свое изложение христианской жизни, он опускает нас на землю с помощью главы о том, "как следует пользоваться земной жизнью и ее благами".

Тем не менее, он считал, что мы никогда не сможем вдоволь насладиться миром, если мы не познаем ненависти к нему. Когда он писал Мадам Де Кани: "Умоляю вас, закаляйте в себе принцип отречения от этого мира", он повторял ясно сказанное им в его *Наставлении*.^a Не нужно было объяснять ей, что он имел в виду. Мнение о том, что мы должны возвращать "презрение к этому миру", в то время пропагандировалось Римской церковью и поддерживалось остальными.^b

---

^a C. L. to Madame de Cany, June 8, 1549. Cf. Inst., 3:9:1-12.

^b E. g., в 1551 г. Бенедетто Палмио писал Игнатиусу, что все, "что находится в сердцах совершенных людей" это "презрение к этому миру, самоотречение, крест, смерть, любовь Бога, уничтожение..."; cf. Hugo Rahner. Saint Ignatius Loyola, Letters to Women, Edinburgh-London, 1960, p. 461. Рассказывая о Ричарде Бакстере, его современник говорил: "Самоотречение и презрение к этому миру

Этот "мир" настолько "реален" для нас, что наш взор прикован к его великолепию и восхищение им "похоронило" наш разум.^a Это сбивает нас с нашей истинной цели жизни. Более того, очень часто жизнь показывает свои свойства, чуждые и антагонистичные по отношению к жизни с Богом. Кальвин напоминает нам, что "грязные соблазны и наслаждения мира" могут быть "смертельной ловушкой на вечные муки для несчастных душ".^b Он напоминает в письме герцогу Лонгвильскому, что "искушения и улады мира... это все колдовские чары, смертельный яд, обрекающие вас на вечные муки".^c

Кальвин придерживался мнения Августина, что земная жизнь по сравнению с жизнью в Божьем городе, устроена и организована для удовлетворения эгоистической любви. Внешний мир, писал он мадам де Кани, похож на мир, который мы несем в себе до тех пор, пока мы не уподобимся Ему. По этой причине она не может быть свободной ни от самой себя, ни от мира, пока не отречется от того и другого.^d

Кальвин также предупреждает, что когда мы затрагиваем вопрос о наслаждении в этом мире, наши сердца и разум проявляют свою первородную слабость. Нам также не удастся обуздать свои желания. Вследствие "порчи человеческой природы" мы имеем "чрезмерные и беспорядочные желания, противные Божественному порядку" и во всех наших действиях проявляются "беспорядок и неумеренность."^e Более того, несмотря на то, что Божьи дары даны нам в помощь, чтобы с благодарностью обратиться к Нему, мы, привыкшие все опускать до своего уровня,

---

были его украшениями." Cf. John Tulloch, *English Puritanism and its Leaders*, Edinburgh, 1861, p. 389.

^a Inst., 3:10:3.

^b Comm. on Ps., 19:8.

^c C. L. to Duke of Longueville, August 22, 1559.

^d C. L. to Madame de Cany, June 8, 1549; cf. Inst., 3:19:9.

^e Inst., 3:3:12; cf. 3:10:3.

превращаем их в собственные могилы.^a Таким образом, наши отношения с миром становятся средством нашей гибели.

Кальвин, в лице нашей слабости, призывает нас решительно, насильно и стремительно изменить сердце и разум, как и он отрекался от себя.^b "Золотой середины нет", пишет Кальвин; "мир или ничтожен для нас, или он пленяет нас неводержанной любовью к нему"^c. В то же время, мы можем быть беспощадны к той части его, которая дана для наслаждения и обогащения. Дора Гринуэл с сожалением заметила, что рожденные грехом "извращенность и дезорганизация" порой "проникают и пронизывают так глубоко, что противоядие должно подействовать на сам источник жизни, поражая и искореняя их". Порой нам нужно "действовать как на войне, с огнем и мечом в руках даже и на мирной территории, оголяя и разрушая ее, на тот случай, чтобы пришедший завоеватель не смог пожить"^d.

Дора Гринуэл говорит о том, как печалит ее тот факт, что эта болезненная операция так многим нужна. Поразительно и, в то же время, пронизательно, она говорит о "печали, присутствующей в каждом случае полного обращения к Христу - о предстоящей боли, вдруг наступающей от отречения, умирания и смерти." Здесь Кальвин ссылается на другой аспект. Он утверждает, что, если мы тренируем себя и настраиваемся на грядущую жизнь, нам будет практически легко признать этот мир. Ибо, если наша родина на небесах, то, что такое земля, как не путешествие по чужбине? Как замечает Невиль Фиггис, при таких обстоятельствах христианин "похож на ребенка, не желающего играть в игры, слегка забавляющих его, ибо он поглощен ожиданием предстоящего праздника"^e.

---

^a Cf. R. S. Wallace, *Calvin's Doctrine of the Christian Life*, pp. 53f, 106, 123, 126.

^b *Abnegatio sui* и *contemptio mundi* всегда вместе.

^c Inst., 3:9:2.

^d Dora Greenwell, *Colloquia Crucis*, London, 1871, p. 36.

^e J. Neville Figgis, *Civilization at the Crossroads*, London, 1912, p. 141.

Когда мы думаем, как же следует пользоваться благами мира сего, Бог дает нам ответ. Кальвин считает, что мы имеем возможность каким-то образом отойти и принять позицию истинной веры и благодарности. При таких условиях нам предоставляется широта и свобода действий в здоровом опыте.

Он подчеркивает, что Бог установил много вещей на земле, не приносящих особой пользы, и поэтому эти вещи здесь не только для нашего наслаждения. "Естественные свойства этих вещей достаточны, чтобы показать для чего и в какой степени мы можем ими пользоваться. Разве Господь не наделил цветы совершенной красотой, открывающейся нашему взору, сладким благоуханием, волнующим наше обоняние, если бы не было позволено испытывать удовольствие, разглядывая их или вдыхать их приятный аромат? И не расцвел бы Он их красками, из которых одни милее других? Не наделил ли Он такими свойствами золото, серебро, слоновую кость и мрамор, чтобы представить их более ценными и благородными, чем другие металлы и камни? Наконец, предоставил бы нам Господь множество вещей, которые мы весьма ценим, хотя они для нас бесполезны?"^a Кальвин считал, что достаточно привести всего два примера из Писания в свое подтверждение. Первое это стих о том, что Бог сотворил каждое растение и "приятным на вид и пригодным в пищу". Другой стих из Псалтыря о том, что "вино веселит сердце человека" и "елей, от которого блистает лице его"^b. В одной из его проповедей он ссылается на эти стихи, указывая на то, что Бог мог бы просто дать хлеб и воду, а плоды без листьев и цветов, однако, Он прибавил вина и прочих сладостей для утешения и увеселения нашего сердца и наших чувств.^c

В отличие от своих предшественников, Кальвин сознательно развивает эту тему. Текст об обильных дарах Божьих Августин целиком применил к вечным вещам: "вечные для наслаждения, временные в использовании. Временные для странников, вечные

---

^a Inst., 3:10:2.

^b Gen. 2:9 и Ps. 104:15.

^c Sermon on Deut., 22: 9-12, С. О., 28:36.

для постоянных жильцов." Этот же текст Кальвин интерпретировал просто: "Его доброта слишком щедро к нашим нуждам"^a.

Интересно, что Кальвин дал некое ободрение особенно людям, живущим на высоком уровне достатка, чтобы те были скромны в своих желаниях и заботились о своих нуждающихся соседях. Царь Иосия, который "ел и пил" и "вершил праведный и справедливый суд", представляет идеальный пример правильного использования своего богатства. Его социальная праведность служит прообразом Бога. "Ел и пил" значит, что "он жил весело и безмятежно, радуясь своему процветанию".^b Отсюда, Кальвин открыл Божий закон, что богатому человеку не запрещено жить "свободнее и роскошнее благодаря особому Божественному благоволению". Он одобрял пиры, которые устраивали друг другу дети Иова. Это доброе пированье, одобряемое Святым Духом, было знаком их верной дружбы и куда более предпочтительной, нежели атмосфера распри и ругани, царящая в большинстве семей. И скарредному Навалю Кармелиткскому было полезно пригласить друзей на пир и щедро их потчевать.^c Люди свободны жить по Божьим привилегиям, и в соответствии с социальным положением "одни живут скудно, другие скромно, третьи роскошно"^d.

Несомненно, Кальвин понимал, что в его время гуманистическая культура и торговля, вложившие, по его мнению, большой вклад в социальное благосостояние, во многом зависели от сво-

---

^a Cf. Augustine, *Sermons on the New Testament* (Library of the Fathers), Oxford, 1854, vol. 1, p. 119 and Calvin's *Comm. on 1 Tim.*, 6:17. Несмотря на то, что Августин понимал, что мы не можем пользоваться вещами, если они не приносят удовольствия, тем не менее, он желал установить принцип: миром нужно пользоваться, а не наслаждаться.

^b *Comm. on Jer.*, 22:15.

^c *Sermon on Job*, 1:2-5, C.O., 33:39f; *Homily on 1 Sam.*, C.O., 30:65-66. Cf. E. Doumergue, "Calvin: Epigone or Creator", in *Calvin and the Reformation*, pp. 48-49.

^d *Inst.*, 3:19:1.

бодного пользования и наплыва изобилия. Нижеследующее высказывание ясно показывает, что старые времена богатые стремились к культурным ценностям: "конечно, и слоновая кость, и золото, и всякое богатство суть превосходные Божии творения, дозволенные и даже предназначенные для пользования людям. И нигде не запрещено смеяться, или развлекаться, или приобретать новые владения, или наслаждаться игрой музыкальных инструментов, или пить вино"^a.

Он не осуждал, подобно многим другим, разделявшим его заботу о личной святости, дорогие или даже искусно украшенные одеяния. Когда он пишет, что целью одеяния «помимо необходимости» является «привлекательность и приличие»,^b то существует широкое значение слова «привлекательность». В своих комментариях по 1 Петр. 3:1-4 он осуждает какие-либо крайности в толковании предупреждения Петра и расширяет этот вопрос: одежда, он утверждает, может быть элегантно. Использование золота не обязательно следует исключать. Также это может включать в себя использование роскошного материала. Наконец, умение создавать такое исходит от Бога!^c

Однако если он подозревал, что амбиция, гордыня, суетность или излишество были включены в какой-либо вид роскоши или выставлении на показ, Кальвин говорил несколько по-другому. Когда он услышал о пышной роскоши королевских свадеб 1559

---

^a Inst., 3:19:9.

^b *Насм.* III, X, 2.

^c Comm. On 1 Pet. 3-1-4. Если, заботясь о бедных, осуждал «дороговизну одеяния», как «прямое и неизбежное разрушение добрых дел». Мы не должны иметь домыслы, он спорит, по поводу того, почему Бог помещает драгоценные камни в природный мир — почему имеется так много ядов в Творении? Ср. *Works* том 9? стр 47-9. Задавал ли он напрямую вопросы о точке зрения Кальвина? Но Лютеру нравились золото и драгоценные камни, которые Авраам послал Ревекке и он одобрял наряды «празднества и радость пира, которые Лаван устроил в ее честь. Такое «привлекает молодых дюдей к браку, достойному чести». LW, 4:275,276.

года, он написал предупреждение в письме графу Лонгювилле, который присутствовал там: «Я не так суров, чтобы осуждать празднования Принцев или их ликования, с которым они праздновали свои брачные церемонии. Но я убежден, монсеньер, что когда вы размышляете сами с собой, вспомнив свои мысли вызванные помпезностью, суетностью и излишествами, которые на некоторое время могли ввести вас в заблуждение, вы провозглашаете все это, как пропасть гибели и беспорядка».^a

Кальвин настаивает на том, что наш подход к миру сему, никак не должен смешиваться или приводить к какой-либо неблагодарности к Богу за все благое, которым по провидению Бога должна быть всегда наполнена наша жизнь на земле. Ошибка, которая удерживает нас от законного наслаждения, в основном находится не в мире сём, а находится в нас самих и в злых силах, которые никак не относятся по своей природе к миру сему. Мы не должны рассматривать земные радости и потворства своим слабостям, как основное зло в самих себе. Но мы должны лицом к лицу принять тот факт, что мир не представляет сам себя нам, также как и мы не можем сами приблизиться к миру таким путем, как Бог первоначально намеревался.

Кальвин был обеспокоен тем, чтобы мы всегда придерживались свободы совести в нашем использовании и наслаждении мирскими и земными радостями. Мы не решаем, что правильно, а что нет, просто следуя традициям других или церкви. В этом вопросе мы не должны быть возвращены назад под бремя закона. Жизнь открывает многим из нас возможности для радости стремлений и наслаждений, которые как не заповеданы, так и не

---

^a С.Л. графу Лонгювилле, от 26 мая 1559 года. В своей первой проповеди по Иову 1:2-5 Кальвин особенно осуждает празднества, потому что люди с трудом проявляют сдержанность в потворстве своим слабостям принимая участие в них: «Посмотрите, что вызывает празднества. Люди предрасположены к пороку и поэтому не возможно избежать греха». Однако, он добавляет то, что «Бог может исцелить наши слабости», и что «вещь сама по себе хороша».

запрещены. Использование и наслаждение этим попадает под категорию того, что является «индифферентным». Эти вещи имеют значение не в самих себе или в праведности или в разврате, а часто это относится скорее к физической жизни человека, чем к духовной. Применяя всё это, мы должны принимать свои решения перед Богом по вере и часто сами по себе.^a Иногда мы должны умышленно заставлять себя прорываться сквозь запретительные и препятствующие традиции, созданные человеком, благодаря которым совесть приносится в рабство.^b

Когда человек принимает такое решение, Кальвин почти всегда просит нас помнить о том, как наше поведение отразится на нашем ближнем, особенно слабом, за которого умер Христос.^c Мы не должны возвращаться к нашему себялюбию даже во имя нашей свободы перед Богом. Мы можем обобщить его учение по этому вопросу в целом его собственным высказыванием: «Наслаждение действительно должно быть осуждено, если оно не включает в себя страх Божий и общее благо человечества».^d

---

^a *Наст.*, II, IV, 6; III, XIX, 6.

^b *Наст.*, III, XIX, 7.

^c *Наст.*, III, XIX, 10.

^d *Comm. on Gen.*, 4:26.

Глава 14

ПАСТОРСКОЕ УВЕЩЕВАНИЕ И ЗАВЕРЕНИЕ

а. Призыв к бдительности и дисциплине

Хотя узы объединяющие верующего с Христом вечны, в Божьей предопределяющей благодати, Кальвин предупреждал людей о том, чтобы они не разрывали эти узы и не отбрасывали божественную благодать и не ввергали себя в вечную погибель. Хотя он учил тому, что любовь Бога всегда твердо распространяется на нас, мадам де Рентигни предупреждалась: «Остерегайтесь...не думайте о том, что Бог, который поддерживал вас до сих пор и продолжает поддерживать вас, не дает вам полную свободу действий».

Мы должны обучать самих себя быть твердыми в «тяжелой трудной беспокойной жизни, в жизни, наполненной всякого рода злом». Бог испытывает нас на протяжении времени. Терпение, которое радует нас, не длится год или два, а...мы призваны хранить любовь к неизвестности». Это должно быть делом «нашей жизни – уступать в полном повиновении и покорности Его благому желанию». Кроме того, сатана, который знает о том, что он часто не может свергнуть нас одним махом, имеет один из своих основных способов, который заключается в том, чтобы истачивать и разрушать нас на протяжении длительного времени». Ибо для тех, кто прошел через похоти юности, есть какая-то надежда, что они излечатся от этого, но « тот кто, на протяжении всей своей жизни» «ожесточил себя в презрении к Богу, с трудом может быть исцелен и изменен исправлением».

Один друг однажды описал реформатора, как «всегда туго натянутый лук». Кажется, что он никогда не пытается расслабиться, и он дает предупреждение об опасности делания этого». Если мы когда-нибудь должны расслабиться, то время так коротко, что все знание, которое мы приобрели, вскоре исчезнет. Ибо мы так наполнены суетой и любовью ко злу, то это очень быстро испор-

тит доброе семя, которое Бог посеял в нас, если мы не имеем постоянных намерений взращивать это семя, выдергивая зло и утверждая добро».

Поэтому мы должны участвовать в постоянном сражении, если мы хотим победить до конца. Если Бог сам сражается на нашей стороне, то мы «призваны бороться...» и вооружать себя. Если Бог дает нам утешение и смелость, то мы в тоже время должны «быть смелыми и продолжать быть решительными, твердыми и великодушными». «Наше продвижение определенно обеспечено, если мы продолжаем следовать даже слабо».

Характеристика Кальвина состояла в том, что он всегда был полон пламенного энтузиазма, и мы не удивляемся, когда мы находим его постоянно предупреждающего нас о том, чтобы рвение, которое Бог дал нам, не угасло, и чтобы мы не позволяли ему охладеть. Он сокрушается о том, что так много людей становится на время подобно Ионе, холодные и мокрые, тогда как Иеремия мы должны иметь постоянно пламенные сердца. Он предупреждает нас особенно о том, что если мы имеем благое побуждение, мы должны действовать согласно ему без малейшего промедления, иначе неизбежные помехи приведут к забвению его, или мы охладеем к нашему первоначальному намерению. Для тех, чей пыл даже охладел ненамного, его совет состоит в следующем: «Тогда давайте же пробудим искры этого задора и позволим ему воспламенить нас с тем, чтобы мы могли преданно посвятить себя служению Богу...давайте побуждать себя и пусть же сила Святого Духа так оживится, чтобы мы могли до конца следовать нашим обязанностям и никогда не быть равнодушными, а охватить весь мир».

Кальвин подчеркивает необходимость самодисциплины в такой же мере, как и дисциплины общины. Он просит мадам де Кени, чтобы она участвовала до конца «в изучении святости». Это включает в себя постоянную самооценку и самоисправление: «если вы найдете преимущества в том, чтобы призывать себя описывать день за днем, и, признавая свои промахи и ошибки, стонать в себе и горевать о них перед Богом, с тем чтобы ваше неудовольствие против всего, что является злым, стало более

сильным». Мы должны управлять разумом особенно ориентируя его на Бога. Предупреждая д'Анделота о многих трудностях, с которыми он столкнется, трудностях, привнесенных « многими искушениями изнутри», также как его внешними врагами, он дает ему данный практический совет: «возвышайте помыслы свои, научитесь не слышать все выпады сатаны...научитесь закрывать очи свои от всего того, что мешает...» Особенно в случае с д'Анделотом подверженность поддаваться лести была его большим искушением. Кальвин напоминает ему о том, как Моисей в Египте, будучи молодым человеком, «закалил себя против такой опасности».

Каждый из нас может помогать и побуждать другого к этому дисциплинирующему усилию путем взаимного воодушевления. Кальвин, подобно Мартину Буцере, верил в то, что внутри церкви было бы хорошо, если бы люди внутри групп должны были встречаться для взаимной проверки и укрепления. Он верил, в то, что людям требуется столкнуться с трудностями и испытаниями, чтобы достигнуть христианских стандартов, в такой же степени, как и получать утешение и духовную поддержку ввиду своих страданий и недостатков. Его собственный опыт привел его к рассмотрению нашей человеческой природы настолько слабой, что нам часто требуется наличие суровых увещеваний и предупреждений Евангелия и Новый Завет должен быть повторен для нас снова и снова друг другом. « Мы даем вам совет», он написал церкви в Париже, «посредством которого мы сами желали бы быть умеренными и сдержанными при таких обстоятельствах».

Когда он написал пастырское письмо графу Лонгювилле, он просил его не считать письмо странным «что я продолжаю поучать вас несколько раз... я верю, что вы согласитесь с моим усердием и что вы будете чувствовать достаточную убежденность в необходимости этого придерживания середины... Многие искушения... Я не сомневаюсь, что вы желаете быть укрепленным благами и святыми наставлениями для исполнения свои обязанностей».

б. Жизнь перед Богом

Кальвин осознавал опасность сосредоточения на личной святости и спасении, которое не относилось в главном к Божьей Воле и Божьей Славе. Когда кардинал Садолетто написал, заботясь о людях в Женеве, чтобы они возвратились под Римское владычество, показалось, что он сосредоточился слишком сильно на предоставлении им личного спасения. Кальвин быстро ответил: «Это не вполне здравая теология, когда мысли человека настолько ограничены самим собой и когда рвение показывать славу Божию не стоит перед ним, как основной мотив его существования. Ибо мы рождены, прежде всего, для Бога, а не для самих себя». Любой истинный христианин, настаивал Кальвин, усмотрит и будет избегать такого вида жалости, который «держит человека посвященным и преданным самому себе» и «не побуждают его святить имя Божие».

Хотя Кальвин также указывал на то, что для Господа «лучше, чтобы рекомендовать славу его имени, это нерушимо объединить ее с нашим спасением». Поэтому во всех его увещаниях к личной дисциплине заверяющего спасения, основным акцентом его послания состоит в том, чтобы всегда призывать нас жить перед Богом и искать во всем, что мы делаем, только его Славу. Хотя упоминания о наших обязанностях перед ближними приходят так часто, что известны размышлениям Кальвина, кажется, что он умышленно игнорирует это в своих решениях. Наконец, он указывает на то, что только от одного Бога мы получаем здоровье и праведность и только перед одним Богом вся наша корысть и гордыня могут быть разрушенными. Мы «должны принять решение о том, чтобы только Он управлял нашей жизнью». Поэтому мадам де Рентигни должна научиться стенать «перед Богом», а д'Анделот должен научиться укреплять самого себя против мира «перед Богом».

Жизнь часто приведет нас в такие ситуации, Кальвин полагал, когда никто другой не сможет быть нашим свидетелем, а «Бог один явится перед нами». Тогда там никто не будет «обращать внимания на людей», и мы должны быть удовлетворенными су-

дом Бога. Это происходит в такие моменты, когда от нас требуется большие усилия, чтобы ориентировать свою жизнь полностью самому Богу, и, таким образом, открыть, где наша жизнь находит свое значение и корни. «Когда мы продолжаем придерживаться только одного Бога, тогда мы в духовном смысле целомудренны, как Он и требует от нас, но когда мы ищем нашу безопасность из этого, то с этой стороны мы нарушаем верность, которую мы должны воздавать Богу». В своих письмах для заверения этой постоянной ориентации на Бога, в которых содержатся воодушевления и ободрения, Кальвин часто возвращается, чтобы обращаться к «поддержанию Его славы, видя то, что мы принадлежим Ему». «Пусть лучше вы будете раздражать каждого», он пишет мадам де Колиньи, «для того, чтобы быть угодным только Ему одному... Это есть ничто, как то, что мы должны быть преданными только Ему, Который искупил нас такой ценой». Мы не должны думать об этом как о лишении и создании врагов, для того, чтобы поддерживать Его славу.

Кальвин подчеркивает нашу необходимость в постоянном и внимательном изучении Святого Писания. Мы должны быть таким образом «ежедневно научены в школе Иисуса Христа» и получать «наставление», которое укрепит нас. Наша вера и наша сила должны провозглашать уверенную молитву, которая скоро зачахнет, если мы не будем постоянно слышать слово Божие.

Ежедневное получение усердия и наставления от Бога будет разжигать заново нашу любовь, которая в противном случае вскоре охладает. «Верные чувствуют, что их сердца скоро зачахнут в молитве, если они не будут постоянно возбуждать сами себя к ней новыми волнениями... Нужно постоянно подливать горячее для сохранения огня, поэтому исполнение молитвы требует такого рода помощи». Кроме того, особенности обетования, данные нам Богом в Святом Писании, являются горячим молитвы. Обещания Слова учат нас о том, о чем молиться, и воодушевляют нас просить. «Давайте познаем», - говорит Кальвин, - «что Бог в своих обетованиях приготовил для нас, как будто Он был добровольным должником». Это не тщетно просить Его вести по

отношению к нам, как Он обещал. «Истинная и усердная молитва» «исходит... от веры в обетования Бога».

Молитва также исходит из чувства нашей нужды. «Нам ничего не нужно другого искать, как молиться, когда мы чувствуем необходимость Божией благодати». Как будто мы подобны маленьким младенцам, которые обращаются к их единственному источнику утешения, Кальвин говорит о нас, как об «отправляющих себя в объятия Бога». Определенно для нас никогда не подразумевалось жить в нужде самого Бога, тогда как Он обещал удовлетворять нас: «Если вы чувствуете в себе больше слабости, чем того желаете, то прибегайте к Нему, Который позволил тем, кто доверяет Ему быть подобно дереву, питаемому реками». Кальвин понял, что в книге Псалмов молитва – часто просто излияние души Богу с выражением всех Его чувств в жалобе, вопросе, просьбе, благодарении. Это является «выражением и провозглашением внутреннего чувства перед тем, кто является исследователем сердец». Поэтому в молитве мы оставляем открытым перед Ним наши слабости, которые мы бы устыдились признать перед людьми». Примечательно то, как часто в своих письмах тоже, возможно вспоминая невнятные и обремененные молитвы Иисуса, когда Он приблизился к гробнице Лазаря, он ссылается на мольбу, как стенание внутри самих себя перед Богом, ибо свобода - стенания, которые Бог, несомненно, будет слушать. Кальвин утверждает, что Святой Дух «не только диктует наши слова, но также творит стенания в наших душах... направляет наши сердца путем, которым он молится в нас... мы не можем молиться Богу, если Он не предвосхитит нас Своим Духом». Из этого следует, что наши молитвы должны иметь личную непосредственность, которая связана для нахождения выражения в их форме так же, как и в их содержании. Поскольку мы сами должны быть открытыми и искренними, мы должны «научиться тому также, что когда мы сами предстаём перед Богом, это не должно совершаться с красками искусственного красноречия для искусной риторики, а лучшая благодать, которую мы имеем перед Ним, состоит в чистой простоте». Кальвин верил в то, что, будучи христианами, мы всегда сможем найти истинную непосредственность и простоту,

если мы, таким образом, использовали Псалмы, помогающие нам молиться. Возможно причина, по которой Кальвин не написал книгу о личной молитве или не оставил нам книгу о таких личных молитвах, состояла в том, что он считал, что ничего не может быть лучше книги Псалмов для этой цели. Он считал, что Псалмы всегда совершенно выражают молитвы, настроения и чувства нашего сердца. Действительно, использование их помогло ему понять и узнать себя лучше, и он надеялся, что для других людей они также будут представлять собой совершенный молитвенник.

Кальвин учил тому, что молитва была «главным проявлением веры», и что эта вера открывает нам путь к молитве. «Когда... мы приближаемся к Богу, вера идет перед нами, освещая нам путь и давая полное впечатление того, что Он – наш Отцом, и тогда врата открыты, и мы можем свободно беседовать с ним, а Он с нами». Это действительно есть молитва – разговор с Богом в свободе. В тоже время наши молитвы приняты Богом только в той мере, как Христос окропил и освятил нас благовонием Своей собственной жертвы. Иисус Сам также молился за нас, благодаря своей жертве, делая наши молитвы услышанными и заверяя их исполнение. Кальвин утверждает, что нет ничего не последовательного в том, что мы направляем себя в молитве к личности Отца, но он продолжает и советует нам также, что бы «мы могли молиться Христу в истине и святости», поскольку он или приносит нас к Отцу, или готовит к прибытию к Отцу, или может помочь нам своим собственным могуществом, ибо все отдано Ему.

Мы молимся по вере в то, что наши молитвы не могут быть тщетными, что Бог « не обманчив, что Он не вводит в заблуждение и не обольщает нас пустыми словами, и что Он не преувеличивает за пределы всей меры ни Свою силу, ни Свою благодать, а всё, что Он обещает в Слове, Он действительно совершит». Если Он отверг наши молитвы, то Бог в некотором роде отвергал бы Свою собственную сущность и природу. Поэтому мы должны верить, что каким-то образом и когда-нибудь у нас будет ответ, хотя это может быть в точности не то, чего мы ожидали. Что имеет значение с нашей стороны – это приобретение привычки посто-

янно молиться. Если упорство требуется в любом аспекте нашей жизни, то особенно это необходимо в молитве. Мы можем столкнуться лицом к лицу с подавляющими разочарованиями, но единственным ответом на сомнения или вопросы может быть только больше молитвы и больше дисциплины.

Если мы доверяем Богу, мы будем продолжать молиться. Если мы прекращаем молиться, то это точный знак того, что мы никогда совсем не имели веры. В тоже время мы, несомненно, приобретаем награду интенсивным напряжением, и когда мы изливаем наши просьбы, то наша уверенность в приобретении их должна возрастать. Мы можем с нетерпением ожидать ответ и воздавать благодарность, как будто ответ уже пришел, и изливание наших душ может быть благодарением.

Хотя Кальвин ставит большое ударение на молитве как прощении с нашей стороны, ибо ответ находится на Божией стороне, раскрепощение наших сердец в Его присутствии является необходимым и важным средством общения с Ним. Бог не нуждается в сведениях, которые мы приносим Ему. Он даже не нуждается в том, чтобы мы побуждали Его, а Он любит, чтобы мы приходили к Нему. Суть и цель молитвы состоит в единении и сопричастии с Богом.

в. Замечание торжествующей уверенности

Теология Лютера часто описывается, без сомнения правильно, как теология креста. Скрытость Божьего присутствия и силы среди нас подчеркнуты, когда происходит частые болезненные внутренние противоречия и борьба верующего, во время которых он основывается на уверенности в Божьем Слове. Когда Дитрих Бонхёффер описывал приглашение Христа к ученичеству, как призыв «прийти и умереть», он, несомненно, был близок к Лютеру.

Кальвин, оставаясь систематически верным Библии, часто говорил людям с одинаковой выразительностью: «Приди и живи!» Его теология в такой же степени теология воскресения, как и креста. Истинно то, что христианин, по его мнению, живет посто-

янно под тенью и силой смерти Иисуса, наделяющей его посредством Духа уничижать своеволие и повиноваться Богу в страданиях, как Иисус. Хотя мы разделяем Христову жизнь воскресения не менее сильно, чем мы соучаствуем в Его смерти. Свидетельство такой силы воскресения может иногда затмевать настоящее. Ибо его полного доказательства мы должны ждать окончательное воскресение в последний день. Тем не менее, вера имеет свои доказательства, и христианин живет победоносно.

С.К. Барретт дал точное выражение взгляда Кальвина в своем изложении отрывка из Павла: «Проявление жизни Иисуса, хотя совершенное только в воскресении в конце уже началось и сияет через грех и страдания настоящей жизни – это явлено даже в контексте плоти. Даже наше сегодняшнее эгоцентричное, ориентированное на человека, существование являет знамения, изменяющие силу Духа, которая приносит свободу».

В работе Кальвина на книгу Псалмов, которую он прокомментировал как очень автобиографичную, содержится то, что этот аспект его пасторского совета обозначен наиболее ясно. Многие Псалмы рассказывают о триумфе Давида в страданиях. Поэтому мы должны быть лучезарны: «Это было бы не достаточно для Бога, чтобы Он заботился о нас, обеспечивая наши нужды, если бы Он с одной стороны не наделил нас возможностью сиять лучезарным светом Его милостивым и примиряющим одобрением, и побудил бы нас вкусить Его благодать... Это есть настоящее и веселое счастье, которое мы испытываем...что мы прибываем в Его присутствии». Когда Давид сказал: «Я буду удовлетворен, когда я проснусь в Твоем подобии», - он не только думал о грядущей жизни, но он «ожидал, что будут испытывать в своем сердце благословенную радость, пока не наступит грядущая жизнь». Хотя это ещё несовершенно, но это есть лучезарные мир и радость, которые могут быть названы удовлетворением. Тот, кто имеет Бога, имеет все необходимое, чтобы иметь счастливую жизнь. Эта радость приходит к нам в «полном и переполняющем избытке». Это передаётся нам. Кальвин указывает на то, что Давид был «восхищен с преклонением» к благодати, которую он испытал, он употребляет восторженный язык, имея «дивные и неожиданные

избавления» в контексте, в котором он ожидает от нас, чтобы мы были побуждены ожидать того же самого.

Мы избрали только несколько из многих подобных цитат из комментария Кальвина на первую книгу Псалмов. Конечно, тьма и опасность тоже присутствует там и сражение длительно и трудно, но путь для освежения триумфа и света всегда держится открытым. «Бог не допускает, чтобы вера Его слуг ослабла или не состоялась, так же как и Он не допускает прекращение молитвы, а Он хранит их близко возле Себя по вере и молитве». И «хотя вера не приобретает победу при первой встрече, но после получения многих ударов и после закалки многими передрягами, она на своем протяжении движется победоносно».

Пять учеников-мучеников в Лионе, когда они столкнулись со смертью после длительного мытарства, написали Кальвину и пасторам Женевы письмо, выражающее их личную исповедь веры. Оно могло быть написано самим Кальвином, ибо оно во многом совершенное выражение его личного взгляда его языком:

Те самые дорогие братья в нашем Господе Иисусе Христе, поскольку вы были осведомлены о нашем пленении и ярости, которая исходила из наших врагов, преследовавших и поражающих нас, мы полагали, что будет хорошо дать вам знать о свободе нашего духа и замечательной помощи и утешении, которую наш благой Отец и Спаситель дает нам в эти темные тюремные камеры с тем, чтобы вы могли соучаствовать не только в наших несчастьях, о которых вы слышали, но также в нашем утешении, будучи членами одного тела, которые соучаствуют в общем - и в хорошем, и в плохом, что происходит. По этой причине мы хотим, чтобы вы знали, что хотя наше тело заключено здесь между четырьмя стенами, но наш дух не был никогда так свободен и так утешен, и никогда так ранее не созерцал так полно и так ярко, как сейчас, и великие небесные богатства и ценности, и истина обещаний Бога, которые Он дал своим детям, так велики, что кажется нам, что мы не только верим и надеемся на них, но даже видим их своими глазами и дотрагиваемся до них своими руками, помощь нашего Бога так велика и замечательна в наших узах и в заключении в тюрьме.

И пока что действительно, желаем ли мы считать нашу беду проклятием Божиим, когда мир и плоть желают так считать, а мы рассматриваем это скорее как величайшее благословение, которое когда-либо снисходило на нас, ибо в нем мы сделались истинными детьми Божиими, братьями и компаньонами Иисуса Христа, Сына Божьего, и мы стали соответствовать Его образу, и посредством этого для нас подтверждается обладание нашим вечным наследием... Поэтому мы восхваляем Бога всем нашим сердцем и воздаем Ему неугасимую благодарность за то, что Ему было угодно даровать нам по Его благодати не только теорию Его Слова, но также исполнение его. И за то, что Он даровал нам эту честь, которая немала для сосудов, таких слабых и хрупких и просто червей, ползающих по земле, - вынося нас перед людьми, чтобы мы были Его свидетелями, и, даруя нам постоянство признавать Его Имя и поддерживать истину Его Святого Слова перед теми, кто не желает слушать Его, в действительности, кто преследует Его изо всех своих сил, и все это нам, мы говорим, кто раньше боялся признать Его даже перед бедным невежественным рабочим, который услышал бы Его (Слово) с горячим желанием.

Мы пылко молимся Тебе, чтобы возблагодарить нашего благочестивого Бога за то, что даровал нам такое великое благословение, так что многие могут вознести благодарность Ему, умоляя Его о том, чтобы как Он начал Свое дело в нас, так и завершил его до конца с тем, чтобы вся слава была бы воздана Ему и за то, что независимо от того, живем ли мы или умираем, все могло бы быть для Его чести и славы, для назидания Его бедной Церкви, и для продвижения нашего спасения. Аминь.

Это были высоты, которые истинный «кальвинист» мог иногда достигнуть, особенно во время преследования, и это письмо помогает нам понять воздействие и распространение его учения.

---

¹ Бернар Клервоский (Bernard de Clairvaux), средневековый теолог-мистик, аббат монастыря Клерво, оказывавший сильное влияние на религиозную и политическую жизнь Западной Европы в XII веке. Идеальный вдохновитель Второго Крестового похода. Годы жизни 1090-1153.

² Имеется в виду Марбургский диспут, состоявшийся в 1529 году между Лютером, Цвингли и их сторонниками.

³ Клеман Маро (Marot), известный французский поэт и гуманист. Годы жизни 1496-1544.

⁴ Гийом Фарель (Guillaume Farel) родился в маленьком городке Гап на юго-востоке Франции в 1489 году. Его учителями были Жак Лефевр д'Этапль, который познакомил его с учением об оправдывающей вере во Христа и о главенствующей роли Писания, а позднее, Эколампаций и Буцер. Эколампаций в письме Лютеру назвал его «фитилём для Сорбонны». Его также называли «Илией французской Реформации» и «кнутом для священников». Это была действительно радикальная личность. Родившись в католической семье, он, по своим собственным словам, был «большим папистом, чем сам Папа». Но обратившись в евангелическую веру, он круто изменил свой курс. Он ненавидел Папу как истинного антихриста, мессу как идолопоклонство, а иконы и мощи призывал разрушать как хананейских идолов. Он был своего рода «тараном» Реформации, чья задача – не строить новое, а разрушать старое. Филипп Шафф говорит, что «он родился борцом; он пришёл, чтобы принести не мир, но меч». Однако он никогда не использовал насилие. Его оружием были слово и дух. После того, как он вместе с Кальвином был изгнан из Женевы в 1538 году, его призвали проповедником в Невшатель, где он мирно скончался 13 сентября 1565 года. Биографию Г. Фареля можно найти в С. Junod: *Farel, réformateur de la Suisse romande et réformateur de l'église de Neuchatel* (Neuchatel et Paris, 1865); Melchior Kirchhofer: *Das Leben Wilhelm Farel's aus den Quellen bearbeitet* (Zürich, 1831-33), 2 vols; Ch. Chenevière: *Farel, Froment, Viret, réformateurs relig* (Genève, 1835), а также кратко в Philip Schaff: *History of the Christian Church*, Vol. 8 (Peabody, Massachusetts, 1892; reprinting 1996), pp.236-249.

⁵ Пьер Вирé родился в г. Орб (Швейцария) в 1511 году. Обучался на священника в Париже, но, обратившись к Богу через борьбу с самим собой, под воздействием Фареля стал в 1531 году проповедником в Орбе. Его основной труд как реформатора протекал в Лозанне, где он был пастором, учителем и богословом. В 1540 году он приглашается профессором в академию Берна. Его попытки ввести строгую дисциплину с отлучением не увенчались успехом, и 20 января 1559 года он был смещён с этой должности. Спустя немногим более месяца его пригласили проповедником в Женеву. Говорят, его проповеди были более популяр-

---

ны и посещаемы, чем проповеди Кальвина; кроме того, они оказывали большее влияние на слушающих. Впоследствии он работал некоторое время во Франции, где и умер в 1571 году. Биографическая литература о Вире: Ch. Chenevière: *Farel, Froment, Viret, réformateurs relig* (Genève, 1835); H. Jaquemot: *Viret, réformateur de Lausanne* (Strassburg, 1856); C. Schmidt, *Wilhelm Farel und Peter Viret. Nach handschriftlichen und gleichzeitigen Quellen* (Elberfeld, 1860); T. Cart: *Pierre Viret, le réformateur vaudois* (Lausanne, 1864).

⁶ Вот как описывает эту судьбоносную встречу сам Кальвин: *Куда бы я ни приезжал, я предпринимал необходимые меры для того, чтобы скрыть, что я был автором той работы. И я уже решил продолжать [работать] в подобном уединении и неизвестности, пока в конце концов Гийом Фарель не удержал меня в Женеве, не столько советом и увещеванием, сколько страшным проклятием, как если бы сам Бог с небес возложил на меня Свою могучую длань, чтобы задержать меня. И поскольку кратчайшая дорога в Страсбург, куда я намеревался переселиться, была закрыта из-за войны, я решил поспешно проследовать через Женеву, не останавливаясь в том городе более чем на одну ночь. Незадолго до этого, благодаря стараниям прекрасного человека, уже упомянутого мною [Гийома Фареля], и Пьера Вире, здесь было свергнуто папство; однако дела ещё не были до конца устроены, и город раздирали жуткие и опасные распри. Тут некий человек, ныне подло отступившийся и перебежавший к папистам [Луи дю Тийе], открыл моё присутствие и оповестил об этом остальных. Под влиянием этого, Фарель, снedaемый необычайной ревностью распространения Евангелия, приложил все усилия, чтобы удержать меня. Узнав же, что я страстно желал посвятить себя уединённым занятиям, ради которых не хотел быть связанным ничем иным, и, поняв, что ничего не добьётся настойчивыми мольбами, он решился произнести заклятие, что Бог проклянёт моё уединение и безмятежность моих занятий, к которым я стремился, если я откажусь оказать помощь тогда, когда она так крайне необходима. Я был настолько поражён ужасом, услышав это проклятие, что отказался от путешествия, которое предпринял. Но, учитывая свою природную робость и нерешительность, я не смог принять на себя обязанности для выполнения какого-либо определенного служения. См.*

⁷ Ср. *Наст.* IV, III, 6,7.

⁸ Мартин Буцер (Висег) родился в г. Шлеттштадт (Эльзас) в 1491 году. В пятнадцать лет он становится монахом-доминиканцем. После выступления Лютера на общем собрании монахов-августинцев в Гейдельберге становится его сторонником. В 1523 году он поселяется в Страсбурге,

---

где Матфеем Целлем (Zell) уже была начата Реформация. Вскоре Буцер становится ведущим реформатором и богословом в городе. Его характерной особенностью являлось желание примирить враждующие стороны в расколотом христианском мире, и он приложил огромные усилия для созидания единства Церкви. В 1546 году после сдачи Страсбурга императорской армии, Буцер принял приглашение стать профессором богословия в Кембридже. Умер он в 1551 году.

⁹ Джакопо Садолето родился в Модене в 1477 году и умер в Риме в 1547 году. Он последовательно прошёл стадии от секретаря папы Льва X, епископа Карпентра в Дофинё (Dauphiné) с 1517 года, секретаря папы Климента VII в 1523 году до кардинала с 1536 года. У него была репутация добротного учёного, поэта и благородного человека с безупречными нравами и искренним благочестием. Будучи блестящим представителем итальянского Возрождения, он сам имел склонность к умеренной полувангелической реформе внутри Римской церкви, и никогда не отличался нетерпимостью к иному вероисповеданию.

¹⁰ «Vénéralable compagnie des Pasteurs» представляла собой коллегия пасторов и проповедников Женевы. Коллегия имела не политическое, а духовное влияние. Её задача состояла в сохранении чистоты и единства евангелического учения, а также образование, ординация и назначение новых служителей. Здесь совместно обсуждались библейские тексты и различные богословские вопросы, высказывалась взаимная критика и предпринимались необходимые меры для улучшения нравственности в городе. Коллегия заседала еженедельно по пятницам и проходила в согласии с гражданским управлением и всей общиной города. Подобную «коллегию» можно найти и в устроении Церкви Шотландии: см. *The Liturgy of John Knox* (Glasgow, 1886), p. 21-23.

¹¹ В этом состояло отличие от Римской церкви, которая стремилась подчинить гражданское управление папской власти, и от Лютера и Цвингли, которые были совсем не против того, чтобы препоручить гражданским лицам вопросы церковной дисциплины, в частности, право отлучения. Доктрина разграничения полномочий между гражданскими и церковными властями была существенна для всех Реформатских и Пресвитерианских Церквей. См., например, Вестминстерское Исповедание Веры 23.3. «Гражданская власть не может принимать на себя служение Слова и совершение Таинств, или власть иметь ключи от Царства Небесного...» (пер. Е. Каширского, Москва, изд-во «Протестант», 1995), 23.3.

¹² Письмо Кальвина Вире от 12 февраля 1545 года.

¹³ Жenu Перрина звали Франческа Фавр. Кальвин в письмах своим друзьям называл её по имени предводительницы амазонок «Пенфесилией»,

---

а также «чудовищной фурией» (*prodigiosa furia*). В одном письме Фарелу он огорчается, что «она бесстыдно принимает сторону всех преступлений в городе». Она не проявила никакого сожаления по поводу преждевременной кончины супруги Кальвина и распространяла среди своих друзей клевету на неё, выражавшуюся в том, что Иделетта, должно быть, была проституткой, потому что Кальвин, при крещении её ребёнка, признал, что она и её покойный муж были анабаптистами. Об отношении Кальвина с женой Перрина см. его письма Фарелю: C. L. to Farel, September 1, 1546 и August 21, 1547.

¹⁴ Примечателен случай, произошедший в самый разгар борьбы между либертинами и Кальвином. После многочисленных мелких стычек по поводу установившейся церковной дисциплины, либертины решили круто повернуть события в городе в свою пользу. Они собрали все свои силы для реакции и 16 декабря 1547 года созвали совет двухсот, где, как надеялись, получат большую поддержку. На этом заседании произошла поразительная сцена насилия, и только мужество и хладнокровие Кальвина спасло город от рек крови. Даже его клеветники не могут не отдать ему невольную дань. Вот, как описывает произошедшее один из таких клеветников, Винсент Аудин: «Совет двухсот был собран. Ни одна другая сессия не была более беспорядочней, чем эта. Различные партии, утомлённые от разговоров, стали призывать к оружию. Люди услышали этот призыв. Не сопровождаемый никем, в зал явился Кальвин. Он был встречен в нижней части зала криками лютой ненависти. Он сложил руки и посмотрел на подстрекателей пристально в лицо. Никто не решился напасть на него. Проходя затем сквозь толпу людей с незащищённой грудью он сказал: «Если вы хотите крови, здесь всё ещё есть несколько капель; нападайте!». Не поднялась ни одна рука. Кальвин медленно поднялся по лестнице к совету двухсот. Зал был на грани пролития крови; мечи были обнажены. Смотря на реформатора, люди опустили оружие и нескольких слов было достаточно, чтобы успокоить смятение. Кальвин, взяв руку одного из советников, вновь спустился по лестнице и крикнул людям, что желает обратиться к ним. Он говорил с ними с такой энергией и чувством, что из их глаз потекли слёзы. Они заключили друг друга в объятия и шум превратился в тишину. Патриоты (либертины) проиграли» (цит. по Philip Schaff, *op. cit.*, p. 508).

¹⁵ Пьер Амо (Ameaux) был членом магистрата двухсот. Он добивался и наконец получил право на развод со своей женой, которая была пожизненно заключена в тюрьму за проповедование и практику свободной любви и более худших идей. Тем не менее, Амо ненавидел строгую теологию и дисциплину Кальвина, называя его «всего лишь пикардийцем». Католический историк и биограф Кальвина Винсент Аудин называет

Амо «человеком из трактира со злобным языком и лишённой силы душой».

¹⁶ Себастьян Каstellлио (или Касталио) родился в городе Шатильон в Савоие (сейчас – северо-западная Италия) в 1515 году в бедной и суеверно-фанатичной семье. По французски его имя пишется как Бастье де Шатийон (Bastien de Chatillon). Он изменил, не без тщеславия, своё имя на классическое – Касталио, намекая на Кастальский источник у подножия горы Парнас, который согласно древне-греческим мифам почитался священным и дарующим вдохновение поэтам. Произносилось же его имя как Каstellлио. Умер он в нищете 29 декабря 1563 года, оставив после себя четырёх сыновей и четырёх дочерей от двух жён. Незадолго перед своей смертью он навлек на себя подозрения Бернского магистрата за перевод *Диалогов* Очино, содержащие взгляды в пользу унитаризма и полигамии. Даже мягкий и снисходительный Буллингер выражал удовлетворение оттого, что переводчик этих страшных книг покинул этот мир. Хотя Каstellлио не оставил после себя никакой школы, он сильно повлиял на социнианское, арминианское и унитаристское движения.

¹⁷ В этой связи см. *Наст.* II, XVI, 10-12.

¹⁸ Это был некий Жан де сент-Андрé, который 16 октября 1551 года в пятницу в соборе св. Петра проводил еженедельное собрание по изучению Библии. Он прочитал проповедь по Ин. 8:47, указав, что те, кто «не от Бога», противостоят Ему до самой смерти, потому что спасительная благодать послушания и слушания даётся лишь избранным.

¹⁹ Это произошло 23 декабря 1551 года. Он был пожизненно выслан из Женевы за подстрекательство к мятежу и за ересь пелагианства.

²⁰ Согласно де Безу, Больсек, с началом гонений на Реформатские церкви во Франции, возвратился в папизм и бросил свою жену по законам города Аутун, позволив ей стать проституткой. На Национальном Синоде Реформатских Церквей в Лионе в 1563 году он был причислен к смещённым служителям и охарактеризован как «бесчестный лгун» и «вероступник».

²¹ Это жизнеописание было трусливой мстью Кальвину за всё то горе, которое по мнению Больсека тот ему принёс. Достаточно сказать, что в своей книге он договаривается до того, что обвиняет Кальвина в содомии в раннем возрасте, но никаких доказательств этого не приводит. Кроме того, в 1582 году Больсек написал не менее мерзостную книгу о жизни Теодора де Беза.

²² Для детального анализа взглядов Сервета на Ипостась Сына можно обратиться к следующим книгам на русском языке: Мартин Хемниц, *Ключевые вопросы богословия* (Фонд «Лютеранское Культурное Насле-

---

дие», 1999), **Locus II**, стр. 102-107, 123-125; Жан Кальвин, *Наставление в христианской вере* (Санкт-Петербург, Российский Государственный Гуманитарный Университет, 1997-1999), **II**, XIII, 5-8. Решающим доводом в обвинении Сервета в неортодоксальном мышлении было его утверждение, что термин «единородный Сын Божий» относится лишь к человеческой природе Христа, а не к божественной. А также, что «Богу была присуща воля иметь Сына, которая осуществилась, когда Он был рождён» [от Девы Марии]. Такие положения, естественно, не могли приняты ни католики, ни протестанты.

²³ «О заблуждениях Троицы». Следует отметить тот факт, что книгу эту он написал тайком, внешне оставаясь добрым католиком и даже занимая пост лейб-врача епископа Виенны (Франция).

²⁴ Цербер (Кербер), в греческой мифологии чудовищный трёхглавый пёс со змеиным хвостом и устрашающим лаем, охранявший вход в подземное царство Аида.

²⁵ Теодор де Без так описывает этот случай: «Вскоре Кальвин возвратился [из Ангулема в 1534 году] в Париж, как будто призванный туда дланью самого Бога, ибо даже в том городе нечестивый Сервет распространял против Пресвятой Троицы яд своей ереси. Он выражал самое серьёзное намерение в том, чтобы иметь возможность вступить с Кальвином в дискуссию. Последний прождал длительное время Сервета в условленном месте и в назначенное время, подвергая свою жизнь серьёзной опасности, поскольку тогда вынужден был скрываться по причине ожесточённой ярости своих врагов. Кальвин разочаровался в этой несостоявшейся встрече с Серветом, которому не достало мужества, чтобы просто предстать перед лицом своего оппонента». Кальвин сам напоминает Сервету об этой несостоявшейся встрече в доме на улице Сент-Антуан в одном из своих писем испанцу: «Вы знаете, что в то время я был готов сделать для вас всё, и даже саму жизнь я не ставил так высоко, как только возможность обратить вас от ваших заблуждений».

²⁶ Имеется в виду скандальная и полная нечестивых утверждений книга Сервета *Christianismi Restitutio* (Восстановление христианства), которую он закончил в 1546 году.

²⁷ Жак Груйе был сыном женевского нотариуса Хамбера Груйе. Он был либертином в худшем смысле этого слова, отстаивая свободомыслие как в политической, так и в религиозной сфере, что в то время автоматически делало его первым кандидатом на смертную казнь в любой европейской стране. В 1535 году он попал под подозрение в том, что пытался отравить Вире. Он писал стихи против Кальвина и французских беженцев, которые по словам католического историка Кальвина Аудина были «более злобой, нежели поэзией». Он был завсегдатаем питейных заведе-

---

ний и противостоял любым церковным и светским законам, которые по его мнению ущемляли его личные свободы. На церковных службах он нагло и с вызовом смотрел в лицо проповедника, не принимая во внимание ничто из того, что не согласовывалось с его личным мнением. Он первым начал носить по бернской моде бриджи со складками на коленях, и публично игнорировал запрет консистории на ношение таких бридж.

²⁸ Во французском оригинале – священники-вероотступники. Здесь Груйе имеет в виду Кальвина и всех пасторов, которые его поддерживали.

²⁹ Петер Вернли, каноник собора св. Петра, пытаясь спастись бегством, был убит в схватке с протестантами 4-го мая 1533 года.

³⁰ Эта записка была приколота 27 июня 1547 года к кафедре Кальвина в соборе св. Петра несколько дней после того, как жена Перрина открыто игнорировала решение консистории. Она начинается словами «Gros rap-far...» (в английском тексте опущены), которые можно перевести как «Наглый лицемер...».

³¹ Ф. Шафф указывает, что среди найденных документов были две страницы, написанные рукой Груйе на латинском языке, где он осмеивал Св. Писание, богохульствовал на Христа и считал бессмертие души сказкой и небылицей. Далее он пишет, что два-три года спустя был найден трактат Груйе, полный ужасных и мерзостных богохульств на Христа, Деву Марию, пророков и апостолов. Он отвергал Св. Писание и всякую форму религии как таковую. Он стремился показать, что основатели иудаизма и христианства были преступниками, а Христос – справедливо распят. Эта книга была публично сожжена палачом перед домом Груйе 22 мая 1550 года (см. Philip Schaff, *op. cit.*, pp. 502-504).

³² Груйе был обезглавлен 26 июля 1547 года. Однако казнь, вместо того, что вселить в либертинов ужас, только взбесила их. Три дня спустя магистрат уведомили, что более 20 молодых людей тайно сговорились бросить Кальвина и его коллег в Рону. Поэтому последний долго не мог ходить по улицам без того, чтобы его не обругали или не пригрозили.

³³ Ср. 2 Кор. 8:13-15.

³⁴ Герцог Сомерсет, регент короля Эдварда VI. Поддерживал Реформацию английской Церкви в реформатском духе.

³⁵ Интересно, что многие реформатские и пресвитерианские церкви начали применять инструментальную музыку в литургии в XIX веке. Сейчас подавляющее большинство таких церквей продолжают её использовать, хотя многие церкви от неё отказались.